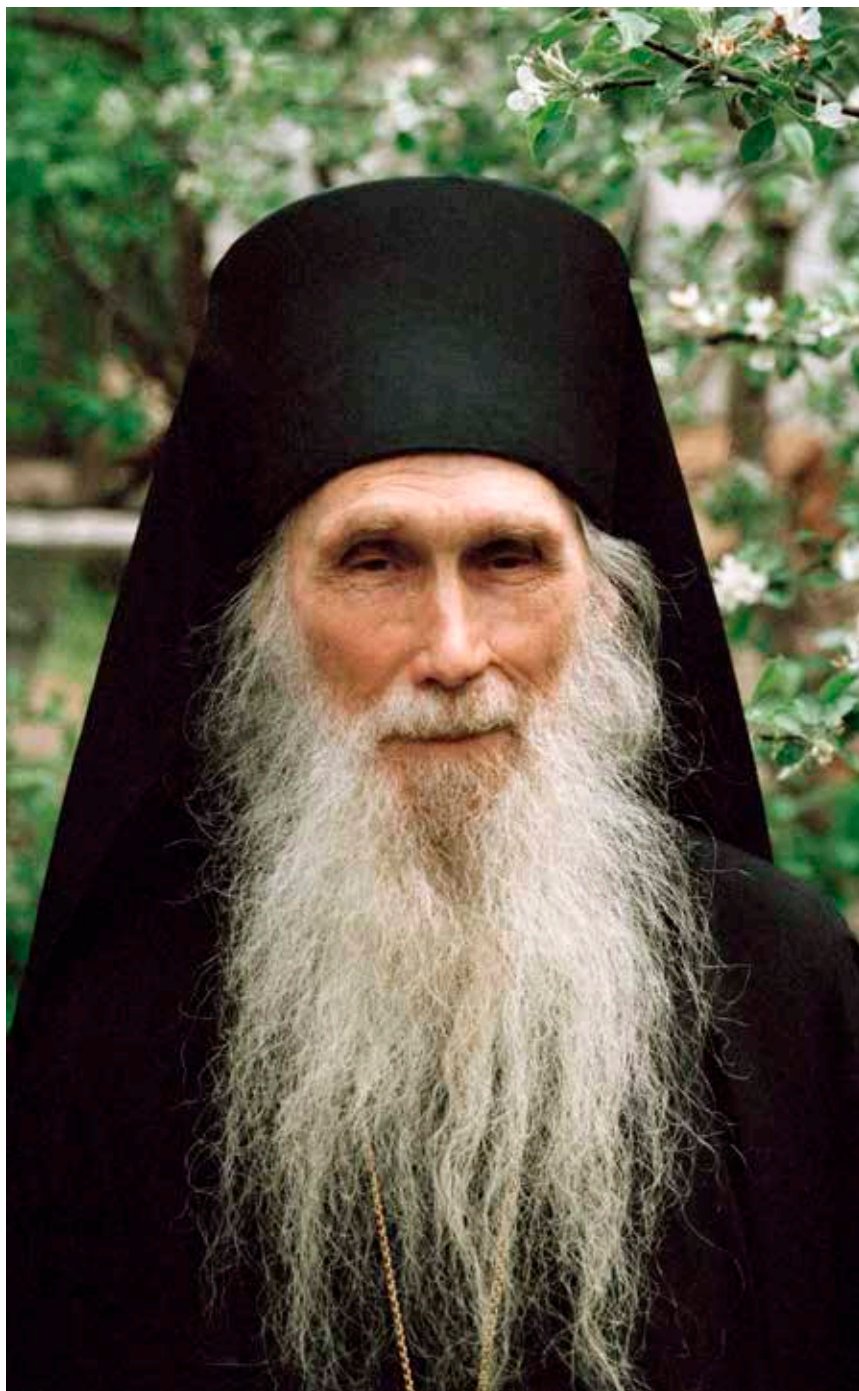

ЧЕЛОВЕК
СВЯТОЙ ДУШИ

Иеромонах Симон (Бескровный)

ЧЕЛОВЕК СВЯТОЙ ДУШИ

Архимандрит
Кирилл

(Павлов)

СВЯТО-ТРОИЦКАЯ СЕРГИЕВА ЛАВРА
2018

УДК 271.22(495)-36
ББК 86.372
С 68

Рекомендовано к публикации Издательским Советом
Русской Православной Церкви
ИС

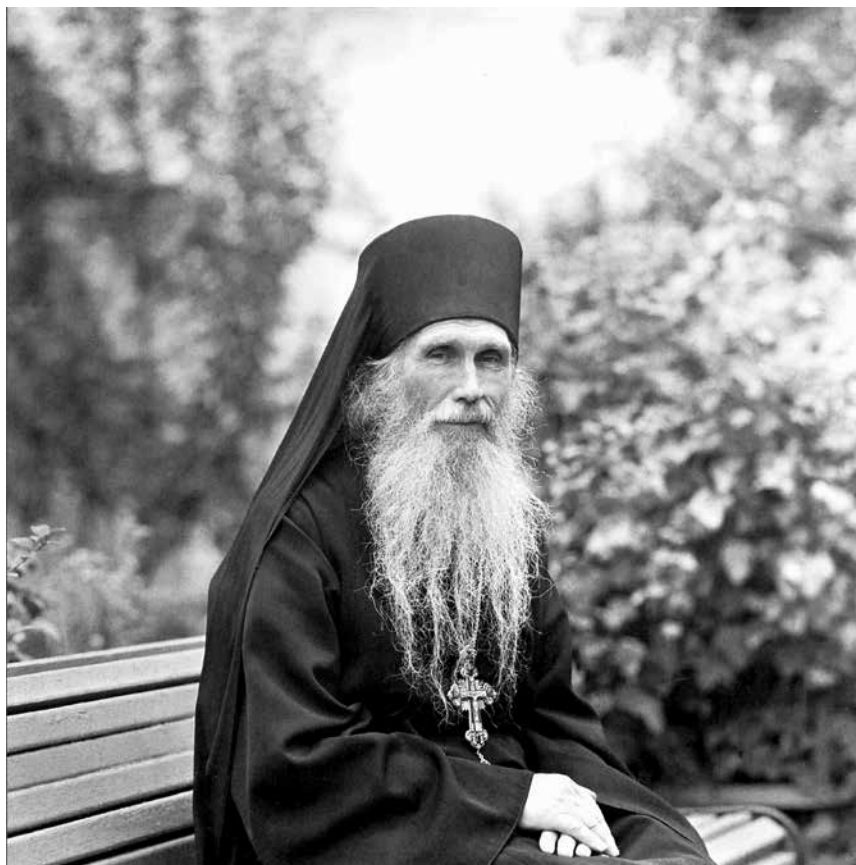
С68 Симон (Безкровный), иеромонах.
Человек святой души. СТСЛ, 2018. — 265 с.
ISBN 978-5-903102-31-0

Это издание посвящено выдающемуся подвижнику нашего времени, «все-российскому старцу» архимандриту Кириллу (Павлову) (1919–2017), духовнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Книга открывается жизнеописанием старца. Во второй ее части собраны наставления отца Кирилла, адресованные как монашествующим, так и мирянам. Высказывания старца, вошедшие в предлагаемое издание, записаны его духовными чадами и ранее не публиковались. Автор-составитель книги — современный православный писатель иеромонах Симон (Безкровный) — начал свою монашескую жизнь в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре под духовным окормлением архимандрита Кирилла (Павлова). Затем отец Симон подвизался в горах Кавказа. Ныне он является насельником одного из скитов Святой Горы Афон. Публикуемое издание рассчитано на широкого читателя.

ISBN 978-5-903102-31-0

© Иеромонах Симон (Безкровный), 2018. Текст
© Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2018. Макет, оформление

О богоносном человеке, о мудром и пронзительном духовнике, о рассудительном и любвеобильном собеседнике, о вдохновенном проповеднике и утешителе сердец человеческих, алчущих и жаждущих правды¹, о великом старце удивительной жизни нам хотелось бы рассказать по мере наших слабых сил. Хотелось бы поделиться воспоминаниями о нем, записями его слов, советов и поучений, поделиться с чадами и почитателями батюшки, а также с новыми поколениями православных людей, пришедшими в Церковь.

Из того, что довелось нам видеть воочию и слышать своими ушами, внимая с благоговением старцу, из того, что слышали мы, когда он беседовал с другими людьми, из того, что узнали мы по рассказам многих посетителей батюшки, составлен этот свод высказываний дорогого нам духовника, умудренного и опытнейшего пастыря душ человеческих, положившего жизнь за братьев своих² и направлявшего их ко спасению, человека святой души — архимандрита Кирилла (Павлова). Эти драгоценные наставления собраны во время его пребывания духовником в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре и благоговейно сохранены многочисленными чадами и почитателями любимого батюшки.

1 См.: Мф. 5, 6

2 См.: Ин. 15, 13

*Стремлюсь к цели,
к почести высшего звания Божия
во Христе Иисусе.
Флп. 3, 14*

Печать избранничества Божия

*Если мы постоянно, настойчиво
будем стремиться ко Христу,
искать оправдания у Него,
творить Его волю, —
это именно нас и поставит
в число Его учеников,
в число Его избранников.*
Архимандрит Кирилл (Павлов)

Привольный синеозерный Рязанский край — леса, пашни, покосы, церкви, монастыри — нерадостно принял начало XX века. Новое иго, пострашнее Мамаю, надвигалось на Русскую землю. Большевики чинили надругательство над всем укладом крестьянской жизни, над Святой Православной Церковью. Имущество церквей и монастырей было отобрано, колокола умолкли, воронье закружилось над печальными остовами колоколен. Хлеб крестьянский, который всему голова, отнимали продотряды. Уничтожая православную веру, насильники отбирали

у людей их родину. Лишенная христианской веры, в муках и страданиях рождалась другая страна.

Почему такое случилось? Что дало начало столь страшному развалу всех душевных и общественных скреп? Изначально корень подобных трагических обстоятельств — грехопадение. Так было в ветхозаветные времена, и так будет всегда. Отступив от Бога, зашатаясь в вере и соблазнившись тягой к материальному стяжательству, каждая запутавшаяся душа расшатывает самые основы своего существования, которое возможно лишь в тихом и безмолвном житии во всяком благочестии и чистоте¹. Все вместе такие души вызывают разрушительный обвал во всех сферах своей деятельности, погибая под обломками ими же разрушенного здания. На земле, опустошенной злом, воцаряется всякое беззаконие.

Потерявшая веру, но не оставленная Богом Рязанская земля в великих скорбях переживала хмурую осень 1919 года. Над деревней Маковские Выселки Михайловского уезда клубился серо-сизый осенний день. Дальний лес, пустынный и оголенный, засыпанный бурой листвой, окутывали низкие, стелящиеся туманы. Тишайшая вода медленной луговой речушки отблескивала вдали стылым серебром. 8 октября, в день преставления преподобного Сергия Радонежского, в крестьянской семье Дмитрия Павлова родился мальчик, названный Иоанном в честь святого апостола Иоанна Богослова — того, о котором современники скажут: «Человек потрясающей веры». Боговдохновенный апостол, чья память праздновалась на следующий день, 9 октября, своей евангельской любовью словно увлек за собой новорожденную душу младенца, а святой Игумен земли Русской своим небесным покровительством как бы незримо определил его духовный путь.

¹ 1 Тим. 2, 2.

Не кажется ли знаменательным созвучие названия деревни Маковские Выселки с наименованием возвышенности, на которой основал свою обитель преподобный Сергий, — Маковец? На крутых исторических переломах, будь то татаро-монгольское лихолетье или жестокая гибель необъятно-могучего государства Российского на заре XX века, каждый раз словно раскрываются небеса и Божественным промыслом на нашей скорбной земле рождаются необыкновенные светлые души, столь много сделавшие для отчаявшегося, но все еще не сломленного народа.

Что мы можем сказать о детстве и отрочестве Ивана Павлова? Мы знаем, что родители мальчика — Дмитрий Афанасьевич и Прасковья Васильевна — были набожными людьми. Иван вместе с ними и другими сельскими ребятами, вероятно, причащался в праздничные или же воскресные дни летом, а зимой, должно быть, реже — из-за снежных заносов и метелей. Бог знает, как это происходило. Жившую в мальчике любовь

трогательное и умирительное. Любил он также пение стихов полиелея «Хвалите имя Господне». Старец буквально жил словами церковных песнопений, весь углубляясь в трогательный смысл напоенных благодатью стихов. Должно быть, это расположение сердца к пению пришло к нему из далекого детства, когда долгими осенними и зимними вечерами семья собиралась вместе и родители задушевно и слаженно пели что-то родное, русское, отчего так сладко щемит сердце и что запоминается на всю жизнь.

Ни один человек не остается равнодушным перед лицом смерти. Образ ее неизбежно предстал пред ним и в детские годы, когда он видел деревенское кладбище, заросшее черемухой или засыпанное и укутанное снежными метелями. Детство мальчика наверняка было озарено доброй улыбкой сельского батюшки, не устававшего говорить людям о грехах и покаянии. Мы видим его наклоняющимся к лицу ребенка и ласково спрашивающим: «Как твое святое имя?»

Скорбные эпизоды 1920-х годов также должны были отпечататься в душе деревенского отрока. Все, что тогда происходило со страной, ворвалось на его тихую малую родину криками, выстрелами, пальбой, руганью, побоями и расстрелами мужиков и горестными воплями женщин. Дым и зарево пожаров над монастырями часто окрашивали ночное небо тревожными бликами. И тогда, вероятно, только молитва оставалась единственным утешением и для встревоженных взрослых, и для наивно-трогательных испуганных ребятешек. Зная старца в его зрелые и старческие годы, удивляясь тихости и ровности его характера, можно догадаться, каким был отрок Иван, очень похожий на своего сверстника из далекого столетия древней Руси — Варфоломея. Такой же худенький, тоненький, ласковый, весь, вероятно, характером в мать, а лицом в отца — худого жилистого крестьянина, занятого

к природе, к живности мы видели в отце Кирилле до старости. Несомненно, живя в рязанской деревне, нельзя было не прочувствовать душой крестьянский быт с его запахами коровьего молока и душистого свежескошенного сена, с мычанием телят в коровнике, со звонким ржанием только что родившегося жеребенка. Этот живой, яркий и красочный Божий мир волновал детское сердечко, и оно, конечно же, откликалось на тихий призыв Бога простым, светлым и утешительным обращением к Нему. По словам старца, бабушка учила мальчика молитве «Богородице Дево, радуйся».

Известно, что батюшка очень любил петь. Когда он стал монахом, то с большим воодушевлением проходил клиросное послушание. В дальнейшем в Лавре, когда близкие к нему иноки собирались в его келии на монашеское правило, он пел мелодичное «Достойно есть» киевского распева, и монахи подхватывали его пение,

повседневным трудом и горестными заботами о судьбах семьи и детей, а их было пятеро.

Вероятно, в подростковом возрасте мальчика тянуло к отцовским инструментам: молоткам, сверлам, пилам, особенно — к сохе и бороне, стоявших под навесом, а весной увлекало помогать в поле — вместе со старшим братом тянуть лошадь под уздцы, когда отец шел за плугом. (Должно быть, поэтому спустя несколько лет мы увидим его учащимся в индустриальном техникуме.) Или же, под осень, когда за окном ненастное утро, не то дождь, не то туман, примечаем его читающим Псалтирь и затем разглядывающим опустевший двор с комом отсыревшей прелой травы, застрявшей у плетня, и дворовой собакой, забившейся в конуру. Или мы можем видеть подростка, бегущего за быстрым, ловким братом к сельской речушке, неторопливой, тихой, в зеленых зарослях прибрежного камыша и плотной неподвижной ряске возле него, и лишь посредине, где течение чуть быстрее, глаза слепит зеркальная голубизна неба и воды. А когда веет в лицо ветер с поля, сладкий и шелестящий волнующейся медвяной травой, — разве это можно забыть?

Скромность была всегдашним качеством отца Кирилла. Простой, кроткий и спокойный с детства, он до глубокой старости любил служить другим. Должно быть, подросток не отходил от отца, молчаливого и серьезного человека, помогая ему в домашних делах и понемногу набираясь деревенской смекалки и житейской премудрости. Мы уверены, что от послушного Ивана невозможно было услышать отказ на просьбу матери или старшего брата. Его детская душа до конца жизни оставалась равнодушной к материальным благам, одежде, еде и прочему. Никакие вещественные приобретения и стяжания не занимали его внимания. То ли дело природа! С каким человеческим изделием можно сравнить любое творение Божие, с чем срав-

нить порхание белокрылой бабочки над лугом или стремительные пируэты ласточек в вечеряющем небе, с их вечным гомоном? С детства батюшка жил просто и тихо, оттого в его отрочестве мы не находим такой порывистости, как у старшего брата. Старец не ведал грусти в детстве и не знал ее в старости. Когда у него, уже поседелого и больного, спрашивали: «Батюшка, вы не грустите?» — «А зачем?» — отвечал он, и все улыбались. Старец до конца сохранил в себе детскую мудрость чистого, целомудренного сердца.

Когда-то, в начале своей духовнической деятельности в Троице-Сергиевой Лавре, архимандрит Кирилл в своей проповеди «О святых ангелах и их служении людям» скажет: «Младенец имеет душу разумную, по чистоте и невинности близкую к духам бесплотным, поэтому ангел-хранитель неотступно пребывает с душой младенца». Как будто он сказал это о самом себе, о своем младенчестве! Этот ангел-хранитель вел его до конца во всей его трудной и непростой судьбе, соединившейся с судьбой всей страны. Впоследствии, во вступительном слове к книге о маршале Жукове, написанной дочерью великого полководца, старец, будучи уже известным духовником, напишет: «Душа его христианская, печать избранничества Божия чувствуется во всей его жизни». Эти слова поразительно точно ложатся на весь жизненный путь самого архимандрита Кирилла и дают нам возможность распознать самые зачатки его всепоглощающего движения к Богу. Отец Кирилл заслуженно обрел всенародное признание, удостоившись славы всероссийского старца и наставника. Сейчас, после блаженной кончины этого удивительного служителя Божия, особенно важно раскрыть суть его подвижнического служения, а также, в меру скромных сил, поведать не слышавшим о нем достойные подражания примеры из жизни, наставлений и поучений отца Кирилла, чтобы каждое

сердце могло воспринять негасимый свет его самоотверженной любви и служения людям.

Встреча с Богом

*Мы обязаны Богу нашим здоровьем,
всякой душевной радостью, всякой доброй
мыслью, всяким благочестивым чувством
и расположением, всяким благородным делом,
всяким утешением, чувствуемым в несчастье, —
словом, мы обязаны Богу совершенно всем.
Бог есть любовь, наилучший Отец, источник всех благ.*
Архимандрит Кирилл (Павлов)

Набожные родители Ивана — простые люди, державшиеся крепких и серьезных устоев крестьянской жизни — к периоду его появления на свет уже воспитывали старшего сына. Поскольку в деревне не было семилетней школы, то, когда младшему исполнилось двенадцать лет, отец на неспешной, скрипящей телеге увез его учиться к старшему брату в село Пустотино, где тот был завучем, а потом директором школы. Сестры остались с родителями. В беспредельный мир его провожало знакомое дымчатое осеннее небо. Далеко позади остались изломы сиреневого леса, прячущегося за желтеющим от ранних утренних заморозков придорожным холмом. Уплыла назад и пропала группка низеньких сосенок, тоненькие стволы которых ломались в речном отражении. Все это теперь ушло в прошлое.

В селе Иван жил с братом, который сразу подпал под влияние богоборческого направления того времени: «С двенадцати лет я жил в неверующем окружении у брата и растерял свою духовность», — вспоминал

потом отец Кирилл. Безверие, словно ржавчина, легло на молодую душу. Под влиянием среды подросток отошел от религии. Равнодушие к своему спасению во Христе — фактически одна из форм атеизма. Его брат, обладая непреодолимым упорством, охотно погрузился в мир лукавый, притворный, привременный и увлекал за собой неопытного в житейских делах Ивана. Старший был подобен тем людям, которые в известной степени одарены мирской сметкой и умением «ловить мгновение», нередко они очень способны, но, к сожалению, духовные истины для них остаются закрытыми.

Младший брат, тихий, молчаливый подросток, скучал по природе родных мест. Тем не менее он добросовестно изучал всякое дело — этим качеством характера отмечена вся его последующая жизнь. Он не отделял себя от жизни родных, остался неразделимым с духом родного дома до старости. Даже став монахом, он каждый год в пасхальные дни посещал родную деревню и село Маково, в 12 километрах от города Михайлова, где похоронены его родители, брат и сестры. В селе он помог восстановить храм и колокольню. В юности

же его влекло призвание, очень незаметно, подспудно, словно невидимая рука направляла его путь. Хотя он не мог еще разобраться со всем тем, что таилось в его душе и что влекло его к иной жизни. Внутренне же в эти годы, вплоть до страшной войны, в нем незримо росло стремление когда-нибудь уйти из мира, впавшего в безверие, уйти в мир молитвы и служения Богу. Его душа всегда была отмечена особым влечением к Богу, к молитве, к уединению.

Быстро промелькнули предвоенные годы. Иван Павлов окончил Касимовский индустриальный техникум по специальности «техник-технолог по холодной обработке металлов резанием», успел поработать технологом на металлургическом комбинате в городе Катав-Ивановске. В 1939 году был призван в Красную армию. На груди, у сердца, висел образок, который надела ему на шею бабушка, провожая внука, — Иверская икона Божией Матери.

Переломный XX век, вобравший в себя семь десятилетий советской власти, тяжелым камнем лег на душу каждого русского человека, на сердце всего народа. Горько тогда стало на земле Русской, особенно крестьянам. Насильственная коллективизация словно тяжелым плугом прошла по стране. Коммунисты ни перед чем не останавливались. Они действовали со всей беспощадностью власти, удушая народ лагерями и тюрьмами. Старец позже говорил, что неизбежно так и будут тяготеть над нами несчастья и бедствия, потому что мы сами отходим от того единственного узкого пути спасения, который указал нам Спаситель в Евангелии. По словам отца Кирилла, в то гнетущее предвоенное время понятия о морали исчезли из душ людей и разврат проник во все слои общества. Когда однажды батюшку спросили о том, как спасти Россию, он долго молился и ответил, что первым делом нужно поднимать нравственность народа. А когда ему задали

вопрос о смысле жизни, старец ответил: «Смысл жизни — вера в Бога».

Служил Иван Дмитриевич Павлов на Дальнем Востоке. Там же встретил июнь сорок первого. В октябре он воевал уже на Волховском фронте. Тяжелы были первые годы страшной войны. Старец вспоминал: «Я помню, как в начале войны наши танки, самолеты горели, как фанерные. Только появится „мессершмит“, даст очередь — и наши самолеты валятся. Больно и печально было на это смотреть». Вскоре он был ранен у станции Малая Вишера в левую ногу. Во время перестрелки пуля прошла ниже коленной чашечки, сбоку. Ивана отправили в госпиталь. И в ту же ночь их батальон получил приказ разминировать минное поле. Из четырехсот человек живыми вернулись только пятнадцать. Смерть прошла совсем рядом. В 1942 году, в апреле, — ранение в левую руку, а после двух месяцев госпиталя он снова на фронте: то в расчете ПТР, то в минометной роте, то в танковых частях. Уже в звании сержанта участвовал в знаменитой обороне Сталинграда. Командовал взводом. В апреле 1943 года в развалинах дома молоденький сержант, неся караульную службу, нашел Евангелие. Здесь мы остановимся, есть чему удивиться и над чем задуматься. Много ли Евангелий можно найти в развалинах разрушенных домов? И много ли молодых солдат их находили? Как бы то ни было, для Ивана это стало промыслительной встречей с Богом.

Вспомним отрока Варфоломея, отстававшего в учебе, в чтении и письме. Однажды в лугах, исполняя повеление родителей — привести потерявшихся коней, — он встречает почтенного старца, получает от него благословение и просфору. Вместе с благословением в душу вливается чудотворная сила сердечного разума и просвещения. С этого момента начинается благодатное преображение Варфоломея в нового, свя-

того человека, вошедшего в историю Игуменом земли Русской.

Весна 1943 года стала таким же решающим моментом для молодого человека Ивана Павлова. Прежний затянувшийся отход от веры сменился иным жизненным устроением и пониманием. Благодаря Евангелию, найденному в развалинах Сталинграда, в мусоре и осколках, происходит всецелое преобразование души и сердца, как будто в этот миг в нем ожили все прежние поколения христиан Павловых и грех неведения Бога отошел от Ивана. С этого благодатного переживания началась его внутренняя духовная победа. Он получает несомненное благословение Божие, которое пребудет с ним неотступно, сделав его в конце жизни всероссийским духовником! Послушаем же слова самого старца: «Стал читать книгу и почувствовал что-то такое родное, милое для души. Это было Евангелие. Я нашел для себя такое сокровище, такое утешение! Собрал я все листочки вместе — книга разбитая была, и оставалось то Евангелие со мною все время. До этого такое смущение было: почему война? Почему воюем? Много непонятного было, потому что сплошной атеизм был в стране, ложь, правды не узнаешь... Я шел с Евангелием и не боялся. Никогда. Такое было воодушевление! Просто Господь был со мною рядом, и я ничего не боялся». На этом примере мы видим, что слова Иисуса — невыносимое бремя для мирского ума, и они же — небесные крылья для души, стяжавшей благодать.

В этом откровенном, доверительном высказывании вся суть благодатного преобразования души молодого парня из суровых военных лет: несмотря на ужасы войны, постоянный смертельный риск, бомбежки, вой и грохот снарядов, безостановочный автоматный и орудийный обстрел, жуткий холод в окопах, несмотря на все то, что люди называют войной, — теперь Господь рядом с ним и рядом навсегда, и это самое главное! С тех

пор Иван Павлов неотступно был с Богом, и Бог был в нем. Памятью о Сталинградской битве остались его раны, больные легкие и постоянное сухое покашливание. Он как-то обмолвился, что впервые заболел воспалением легких под Сталинградом. Рассказывал, как они лежали в снегу, в окопах, и там он сильно простудился.

Зимой 1942 года около двух месяцев солдаты пробыли в открытом поле на морозе. Отец Кирилл вспоминал: «Врывались в мерзлую землю лишь на метр, так и мерзли, закутавшись в свои шинели, да еще трофейные, немецкие. Еду на передовую подвозили только ночью, остывшую, мерзлую. Как выжили? Чудом Божиим!» У батюшки спрашивали, давали ли спирт в окопы, и он скромно отвечал: «Спирт давали... Только я не пил, отдавал его другим, и махорку тоже».

Война открыла Ивану Павлову суровые, неприглядные стороны человеческой природы: «Особенно тяжело было переносить подлость и трусость человеческую. На войне в минуты смертельной опасности резко проявляются как лучшие, так и худшие человеческие качества. Это и предательство, и доносительство в органы, и подленькие переходы с передовой в тыловые службы. Не было, по существу, чувства надежного тыла. Враг был перед тобой, но рядом с тобой были все время новые люди, которых ты не знал и в которых не был уверен. Это и было хуже ада».

Смерть гуляла в снежных сталинградских полях, беспрестанно выискивая новые жертвы, заглядывала и в окопы. Однажды очередной обстрел застал Ивана и еще нескольких бойцов вне окопа в открытом поле. Они кинулись к траншее. Не успев до нее добраться, свалились в свежую воронку рядом с окопавшимся батальоном. Следующий снаряд накрыл всех, кто находился в окопе: «Кто там не был, тот ничего не знает. Порой это было хуже ада. Переносить такое крайне тяжело», — вздыхал, рассказывая, батюшка.

Боль за гибнущие молодые жизни, за изуродованную, исковерканную войной страну обостряла понимание до предела. Не откладывая ничего на последующее мгновение, которого могло уже не быть, душа молодого воина хотела сразу все понять и во всем разобраться,

проникнуть до самой сути: «Мне все стало понятно тогда. Война была следствием нашего богоотступничества», — вспоминал потом отец Кирилл.

Тем временем на Сталинградском фронте начался перелом великой войны: страна постепенно начала накапливать силы для разгрома врага. «Когда Церковь, верующие люди молились со слезами, просили Господа о победе русского оружия, молитва дошла до Господа. И Он сменил гнев на милость, — рассказывал потом старец. — Человеку ведь ничего не нужно, кроме милости Божией».

Иван Павлов воочию видел вместе со своими друзьями-однополчанами, изголодавшимися, застуженными и обмороженными в промерзших окопах, эту милость Божию и заступничество в степях Сталинграда: «Во время Сталинградской битвы я был прямо восхищен: „катюши“, артиллерия, самолеты наши господствовали, и было радостно за страну, за нашу мощь. Чувствовался подъем в войсках. Все были воодушевлены. Это все-таки Господь помогал нам!» — взволнованно рассказывал батюшка.

Вслед за поразительной встречей с Богом в руинах Сталинграда пришло серьезное, суровое испытание веры и стойкости от Господа, когда надо было прямо и открыто исповедать свои убеждения. И бесстрашный солдат не дрогнул, открыто высказав нежелание вступить в партию. «Бога какого-то выдумал! — неистово кричал разгневанный политрук. — К штрафникам пойдешь!» Попасть в штрафной батальон означало почти верную смерть. Его грозили сгноить на передовой, его мягко уговаривали и снова пугали. Но это не остановило уверовавшего сержанта, который стоял на своем. Кто-то из начальства вкрадчиво «прорабатывал» бойца, его просили показать, какую книжку он нашел, но простосердечный сержант не выдал полюбившуюся находку. «Они бы сразу отняли ее у меня!» — вспоми-

нал он. И тогда политрук и особисты отступили. После отказа от вступления в партию большевиков верующего окопника бросили в танковый десант, на верную гибель. Пресвятая Богородица снова помогла: среди военного руководства нашлись добрые люди, которые отклонили этот приказ и перевели бойца в другую часть. Правда, на военную долю Ивана Павлова выпало еще немало опасностей и страданий. После суда его лишили сержантского звания и вновь отправили на передовую, но Бог хранил его всюду как Своего верного ученика. В проповеди архимандрита Кирилла мы слышим: «Стать же учеником Христовым — значит возложить на себя большую ответственность, серьезно и тщательно относиться ко всей своей жизни, к каждому своему поступку». Вместе со старцем мы понимаем всю серьезность этого высказывания. Человек, уверовавший в Бога, отвечает за то, как он следует Его заповедям.

Жуткое лицо смерти — убийственная война и ее страшное дыхание — бесчисленные трупы. Все это особо пришлось испытать Ивану Павлову, когда после боев он как-то стоял в карауле на часах. Ночь, темень. На улицах — завал трупов и их тошнотворный запах. Всюду тишина и ужас смерти. «Хоть бы какая птичка пролетела, кошечка бы мяукнула, — ни звука, ни души! Меня охватил такой смертный ужас, которого я никогда не испытывал!» — рассказывал отец Кирилл. Ему, пережившему гибель почти всех, кто сражался рядом с ним, с особой силой открылась через Евангелие истина воскресения: «В Евангелии Господь наш Иисус Христос говорит, что наступает время, в которое все, находящиеся во гробах, услышат глас Сына Божия; и изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло — в воскресение осуждения»². Творить добро — это веление Божие глубоко вошло в сердце и

² Ин. 5. 28–29.

душу молодого воина и стало несокрушимым фундаментом и основой для всей его последующей жизни.

Постепенно, уже после сражения, Ивану Павлову открывалось глубинное понимание хода истории, в которой для него определилось уникальное место России как носительницы духа Христова и страны-хранительницы слова Божия. Иного пути у нее нет, и слова духоносного старца убеждают нас в этом: «Великая и страшная Отечественная война была попущена Самим Господом за наше отступление от Бога, за наше нарушение нравственного закона Божия и за то, что пытались в России покончить с религией, с верой, с Церковью. Неслучайно перед самой войной почти все храмы были закрыты. Их к тому времени осталось на Руси совсем небольшое количество. У противников Церкви была именно такая цель — вообще все уничтожить...»

Для человека, от которого отошла благодать, всякое благое дело становится чрезвычайно трудным. У него такой период протекает невероятно тяжело и болезненно. Но благодать отступает от тех, кто попадает в рабство греху.

Такой же точно процесс мы можем наблюдать и с большим сообществом людей, даже с целой страной. Когда христианская страна теряет покров Божий, теряет благодать, то это приносит людям, населяющим огромную территорию, всевозможные скорби и страдания. Преодоление греха становится насущной потребностью души. С Богом такая страна поднимается, словно из пепелища, к высотам духа. Прислушаемся, что говорит архимандрит Кирилл: «Мы видим, что война действительно обратила людей к вере, и правители совсем по-иному отнеслись к Церкви. В особенности, когда вышло решение об открытии храмов в России. Это, несомненно, подвигло милость Божию к нашей стране, к нашей Церкви, к нашему народу. Простым людям кажется невидимой помощью Божия. Люди

не видят Бога и не знают. Но связь невидимого мира с миром вещественным непосредственная. Господь и нужных людей воздвигает, дает им опыт и мужество...»

Хотя царство земное марксистского типа было беспощадно в своей борьбе с верой в Бога и казалось, что ничто не может остановить гонений со стороны озлобленных большевиков, но и большевистскому царству пришлось, содрогаясь, отступить, чтобы дать верующим вздохнуть более свободно. Множество ревнителей веры за время коммунистических преследований умерли мученической смертью, и их кровью было остановлено окончательное крушение Церкви. Началось восстановление поруганной и оскверненной большевиками России. Старец рассказывает: «И тогда стали открывать храмы, такой был тогда подъем в народе. Народ шел в храмы. После Сталинградской битвы, когда мы прибыли в тамбовские леса на отдых, в один воскресный день я пошел в Тамбов».

Мы словно видим батюшку на зимней дороге: он шагает быстро, бесшумно по мягко укатанному санями снегу. Зимнее утреннее солнце просвечивает среди стволов вековых сосен. Храм он нашел быстро по высокой колокольне. Весь заснеженный церковный двор пересекла ее синяя тень. Множество женщин, закутанных в платки по самые брови, спешили, толпясь, к церковным дверям.

Отец Кирилл рассказывал: «Собор был весь голый, одни стены... Народу — битком. Я был в военной форме, в шинели. Священник, отец Иоанн, который впоследствии стал епископом Калининским Иннокентием, такую проникновенную проповедь произнес о покаянии, о необходимости приблизиться к Богу, что все, сколько было в храме народа, — навзрыд плакали. Это был сплошной вопль. Стоишь, и тебя захватывает невольно, настолько трогательные слова произносил священник». Так Ивану Павлову открылось глубокое

таинство благодатного священнического служения. Это великое призвание старца — служить Богу и людям, — по-видимому, давно определила чистота его сердца.

Итак, с бескрайних полей России война покатила на запад. Терпеливо нес солдат Павлов свой жизненный крест. Когда выдавалось время, читал, стоя лицом на восток, молитву «Отче наш». «А не смеялись, батюшка, над вами? — спрашивали старца, когда он рассказывал об этом. Ведь такое не приветствовалось...» — «Да как-то не смеялись, напротив, относились с уважением», — задумчиво вспоминал он.

Архимандрит Кирилл часто повторял, что скорбь и терпение должны идти рука об руку. В проповедях он раскрывал это следующим образом: «Души скорбящие, терпеливо несущие свой крест, — это любимые дети Божии, и Господь всегда с ними. Они идут, как бы предшествуемые Самим Спасителем, Который часто обращает на них с любовью Свой взор. По кресту они, так сказать, родственны Господу Иисусу — и какое это высокое родство!»

Фронтовые дороги привели воина в Венгрию, где он участвовал в тяжелых боях возле озера Балатон. Закончил войну Иван Павлов в Австрии. Когда проходили Румынию, Венгрию, Австрию и стало очевидным, что война завершается, возник даже помысел об уходе на Афон. Видимо, была у людей возможность в общей тогдашней неразберихе поменять жизнь и переправиться в другую страну. Но это непременно расценили бы как дезертирство, и страшно было бы подумать о судьбе родных. Пришлось Ивану тогда отложить свое намерение выйти из мира, но желание стать священником окончательно и бесповоротно окрепло в его душе. Демобилизовался он в 1946 году. Горестные испытания тяжелейших военных лет лишь сильнее укрепили его в мысли об уходе из мира, запутавшегося в безверии, к

иночеству, к священническому служению. Его чистая, мудрая душа окончательно выбрала свой путь.

Служитель Христов

Если мы желаем быть истинными христианами, то должны всеми силами стараться возбудить в себе дух христианского смирения и стремление служить другим людям.

Архимандрит Кирилл (Павлов)

7 августа 1946 года молодой симпатичный фронтовик Иван Дмитриевич Павлов, каким мы его знаем по фотографии тех лет, стоял перед семинарской комиссией. Тогда семинария располагалась в Москве, в Новодевичьем монастыре. Батюшка вспоминал: «В 1946 году из Венгрии меня демобилизовали. Приехал в Москву, в Елоховском соборе спрашиваю: „Нет ли у нас какого-нибудь духовного заведения?“ — „Есть, — говорят, — Духовную семинарию открыли в Новодевичьем монастыре“. Поехал туда прямо в военном обмундировании. Помню, проректор Сергей Савинский радушно встретил меня и дал программу испытаний. Узнал правила приема и, конечно, был весьма благодарен и обрадован, что моя заветная мечта сбылась. Комиссия доброжелательно и со вниманием прочитала прошение нового абитуриента: „Прошу зачислить меня в состав учащихся для допущения сдачи испытаний на 1-й курс начальной богословской школы, так как у меня было и есть желание учиться в Духовной семинарии и быть Христовым служителем и потрудиться на этом добром поприще для блага и добра верующих, ибо я сам это испытал на себе, будучи без духовной пищи и во

время учебы и фронта. Я всегда ощущал себя несчастливым, чего-то мне не хватало. И я не знал, чем себя утешить, и только когда у развалин одного дома в 1943 году нашел Евангелие и стал его читать, то я стал ощущать приток жизнерадостности и всего того доброго и скромного, чего некогда ожидал в своей душе. И у меня тогда появилось желание пойти учиться в Духовную школу, хотя я и не знал, есть они или нет. Обязанности пастыря я уважаю и ценю как один из добрых и полезных трудов, хотя и понимаю, что труд тяжелый. Прошу допустить меня до приемных испытаний“». В анкете он указал род занятий — «рабочий (грузчик)». На вступительных экзаменах успешно написал сочинение на евангельскую тему, чему помогло постоянное чтение Священного Писания. Так шаг за шагом сердце молодого фронтовика обрело благодатную жизнерадостность, потому что только Бог может спасти от душевной пустоты.

Господь был рядом с молодым настойчивым парнем. Претерпев разнообразные мытарства, при конкурсе в пять человек на место, Иван Павлов был принят в семинарию. «Мы занимались в классах Новодевичьего монастыря, в храме. Надо сказать, что обстановка тогда была нелегкая: после войны разруха, карточная система», — рассказывал батюшка. С самого начала обучения он, как говорилось в характеристиках, отличался «скромностью, постоянной молитвой и частым посещением богослужений». Один из воспитанников Духовной семинарии отмечал: «В посещении богослужений Павлов может служить примером». В Московской Духовной семинарии он был одним из лучших учеников. Во время учебы, на переменах, в перерыве, используя любую свободную минутку, уклоняясь от бесед и разговоров, он уходил и, найдя какой-нибудь угол и колонну, с увлечением читал Евангелие или книги святых отцов. После первого года обучения,

в 1947 году, Иван Павлов на два летних месяца уехал в Псково-Печерский монастырь, где «жил и работал в обители, неся клиросное и общие послушания». В 1950 году Иван Дмитриевич Павлов окончил Духовную семинарию, которая переместилась из Москвы в Троице-Сергиеву Лавру. Выпускникам были вручены

аттестаты и Библии «для постоянного жизненного руководства и назидания».

Троице-Сергиева Лавра давно уже привлекала сердце выпускника семинарии. Он вспоминал, как с замиранием молодой души ехал с молитвой по знакомой подмосковной дороге. Сквозь редящие сосны вдаль показались коричневые крыши, синие купола церквей и высокая колокольня. Его встретили тишина и белизна крепостных стен Лавры со множеством сидящих в темных нишах голубей. Голубые и розовые выступы лаврских башен подсвечивала утренняя зорька. Огромные железные ворота, в глубине лицо привратника в крохотном оконце. На колокольне только что отзвонили. С кустов сирени падают благоухающие капли утренней росы. В храмах — тусклое золото старинных икон с пронзающим душу взглядом святых из глубины. И вот, Иван рядом с великой святыней Лавры — серебряной ракой с мощами преподобного Сергия, к которой он, помолясь, приложился с глубоким благоговением, испрашивая помощи у святого. Не теряя ни дня, целеустремленно, не колеблясь, поступает в Духовную академию.

Он был скромн и всецело погружен в общение с Евангелием, со Христом. Он совершенно отрезал все пути обратно в мир и всей душой и сердцем устремился в едином порыве к Богу. Такой решимости могут позавидовать многие. Кажется, совсем недавно он мерз во фронтовых окопах, слышал оглушительные разрывы снарядов, тер воспаленные от недосыпания глаза, чувствовал жуткое дыхание смерти, переживал гибель фронтовых товарищей, а теперь его ждали светлые, высокие залы академии с иконами и лампадами, академические неспешные, вдумчивые занятия, располагающие к себе преподаватели, строгая тишина библиотеки, толстые с золоченой обложкой старинные

фолианты. И всюду звучали молитвы — в церкви, в учебных классах, в комнатах студентов.

Так в нашу жизнь незаметно входит чудесное, что кажется обычным и само собой разумеющимся, входит, полностью преодолевая законы повседневности, кажущиеся незыблемыми. Чудесные изменения происходят по милости Божией, вследствие внутреннего изменения всего строя души, ее сокровенных намерений, рождения в ней твердой решимости обрести спасение. Многообразная, исполненная глубокого смысла учеба захватила Ивана целиком. Господь повел Своего ученика со ступеньки на ступеньку к духовному насыщению. Молодой человек самоотверженно вступил на узкий путь освоения глубин учения Христова: «Более совершенный путь познания — это изучение Священного Писания. Оно говорит о взаимоотношениях человека с Богом. Особенно полно открывает Бога Новый Завет. Это доступный путь, и кто не желает его использовать для своего глубокого единения с Богом, пусть винит только себя», — так рассуждал Иван Павлов. Этому правилу он следовал всю свою жизнь.

Духовную академию Иван Дмитриевич окончил в 1954 году, представив работу «Учение о таинствах в творениях отцов Церкви I–II веков христианства». В характеристике выпускника было отмечено: «На протяжении всего времени его занятий в Московских Духовных школах был безупречного поведения. Его трудолюбие и прилежание в занятиях, его дружественное, по-товарищески отзывчивое обращение с сокурсниками — всегда и всеми отмечались как основные черты его характера».

Как целен и тверд был Иван в выполнении своих намерений, так решителен и в самом сокровенном — в отношении к монашеству. Еще в стенах Духовной академии он начал приучать себя к воздержанию в пище, помня слова апостола: «Страдающий плотию переста-

ет грешить»³, к собранности, сосредоточенности и внимательности ума, осторожности в поведении, поставив для себя главной целью следование Евангелию и глу-

³ 1 Пет. 4, 1.

боко внутренне — монашескому образу жизни, стяжанию благодати. Его все более притягивал особый, возвышенный и самоотверженный мир монашества, где требуется безусловно и бесповоротно расстаться со своей волей: «Твердая же пища свойственна совершенным, у которых чувства навыком приучены к различению добра и зла»⁴.

У молодого человека за период учебы созрело глубокое понимание того, что монах — это молитвенник не только за самого себя, но и за весь мир. Монашество — это неотступное движение к Богу человеческого духа, ощутившего в себе огонь Духа Святого, огонь Христовой любви. Это такая любовь, которая отдает свою жизнь ради того, чтобы сохранить жизнь ближних. Конечная цель духовного подвига — стать по возможности подобным Христу, аще кто в силах, то и преподобным, в сколько возможной полноте этого уподобления. Ибо душа не сотворена Создателем для мира, она сотворена для общения с Богом.

Не вмещающие такого уподобления все еще питаются «молоком духовным». Но те, которые, понуждая себя, восходят к большему, — будут гонимы⁵, ибо твердая пища — совершенное соединение со Христом — требует от человека всех сил его души, ума и сердца. Это представляется обычному человеку абсолютно недостижимым и невозможным, ибо вызывает у него страх перед такой высотой духа. Таким же образом некогда, в период гонений, вызывало трепет и ужас мученичество ради Христа. И монашество берет на себя этот поистине с трудом поднимаемый крест, чтобы последовать за Христом до конца и закончить свою жизнь на духовном кресте, «смертию смерть поправ». В момент окончания учебы Иван Павлов принял окончательное решение вступить на этот путь и полностью

⁴ Евр. 5, 14.

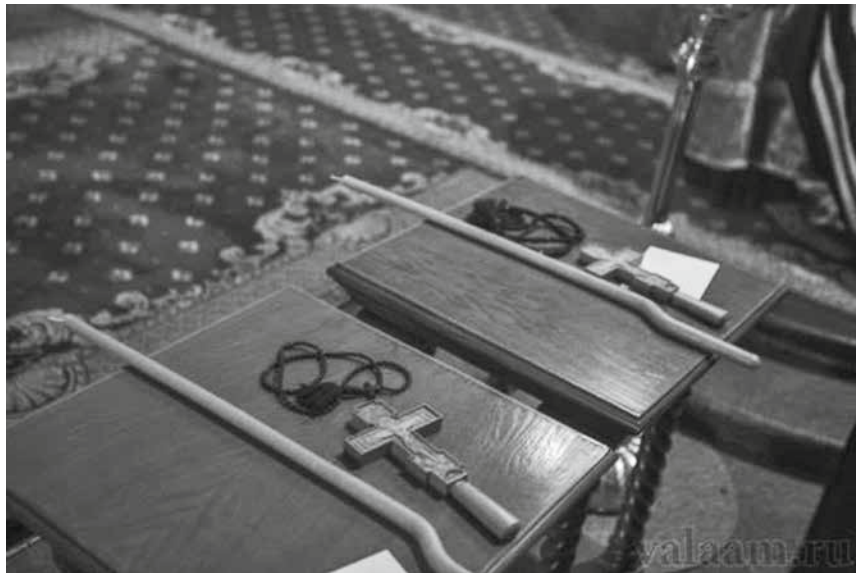
⁵ 2 Тим. 3, 12.

отдать себя служению Богу. Так, со временем, войдя в меру «мужа совершенна», он оказался и учителем, и миротворцем, и ободрителем душ. Хотя сомнения еще не совсем оставили его: «Похожу, похожу возле Лавры, нет, думаю, не готов. И только после второго или третьего раза я ушел в монастырь, и навсегда», — делился батюшка своими воспоминаниями.

В день последнего экзамена выпускник академии пишет прошение наместнику Лавры архимандриту Пимену (Извекову): «Имея давнее влечение к иноческому образу жизни, я имею сердечное желание в настоящее время после окончания Духовной академии поступить в обитель преп. Сергия и нести все послушания, какие будут на меня возлагаться. Поэтому прошу Вас, отец наместник, принять меня в число послушников братии Троице-Сергиевой Лавры».

25 августа 1954 года архимандритом Пименом, который впоследствии стал Патриархом Московским и всея Руси, Иван Павлов был пострижен в монашество и назван в честь преподобного Кирилла Белозерского, чья память по новому стилю приходится на день начала Великой Отечественной войны. Как благоговейного и исполнительного монаха его назначают пономарем. В том же году на праздник преподобного Сергия митрополит Ростовский и Каменский Вениамин (Федченков) в Успенском соборе Лавры рукоположил монаха Кирилла в день его рождения в сан иеродиакона, а 30 ноября епископ Псковский и Порховский Иоанн (Разумов) рукоположил иеродиакона Кирилла в сан иеромонаха. Он становится духовником будущего Патриарха Пимена. Отсюда начался узкий, более чем полувековой путь пастырского служения всероссийского духовника и наставника трех Патриархов, множества епископов, монахов, священников и мирян.

При постриге новопостриженный монах получил от отца наместника четки, крест и монашеские настав-

ления — молиться и поститься, ибо молитва есть смысл монашества, а смысл молитвы — служение Богу. Пощение подразумевает всегдашнее воздержание, ибо оно есть смысл покаяния, а покаяние — это само основание монашеской жизни. Монах навсегда оставляет, отвергает заботы и попечения о всем материальном. В миру людей в покаянии удерживают различные скорби и страдания, а монаха в покаянии удерживают память смертная и надежда победить смерть стяжанием благодати.

Монах всегда должен «ходить в Боге», возвращая ко Христу свой ум постоянной молитвой. Свою жизнь в монастыре он преобразует в непрерывное священнодействие. Однако молитвенником человека делают не келия и его одежда, а внутреннее изменение души. Строгая и чистая монашеская жизнь, целомудренное стремление к спасению проникают всего человека, даря ему ни с чем не сравнимое чувство постоянного предстояния пред Богом. И чем больше душа утверждается

в этом предстоянии, тем обильнее и полноводнее в ней течение благодати.

На фотографии тех лет отец Кирилл очень худ, даже истощен, но весь как будто светится, он слит воедино с полученной в рукоположении благодатью. Молодой иеромонах полностью погрузился в послушание и службы, исполняя все тщательно, добросовестно и скрупулезно. Евангелие стало его вторым дыханием. Иеромонах Кирилл находил время прочитать несколько строк из Святого Евангелия даже во время литургии, всегда принося его с собой на службы, а на них молодой священник постоянно приходил первым. На все свои сомнения он получал ответы в Священном Писании, не проводя ни единого свободного мгновения без Евангелия. Если выпадала такая минутка, он сразу в карман, за Евангелием, и спешит читать. Батюшка всегда носил его при себе. Старенькое, затертое, оно — постоянно было его спутником. «Когда мы молимся — мы беседуем с Богом, а когда читаем Евангелие, то Господь беседует с нами. Поэтому читайте как можно больше Евангелие!» — советовал отец Кирилл. Еще в семинарии, будучи студентом, батюшка мог цитировать его большими абзацами по памяти, а она была у него превосходная.

Неся хлопотливые монастырские обязанности, отец Кирилл жил очень осмотрительно. Нужно сказать, что в монастырях нет сильной ненависти и злобы, как в миру, все гораздо тоньше и сокровенней. Там не найти возбуждающей и отравляющей мирской «радости». Отыми ее у мирянина, и жизнь покажется ему скучной и пресной. Монотонность и однообразие монашеской жизни, с ее строгим распорядком, — невероятно сильное средство для воспитания ревности и цельности подвижающейся души. Монаху некогда скучать. В монастыре, распределяющим многочисленные послушания, насельникам не до скуки. Но монаха борют, помимо

собственных немощей, серьезные искушения, насылаемые на него «князьями злобы поднебесной», вызывая в нем иной раз уныние, а иной раз и отчаяние от собственных недостатков. Однако благодать, «немощная врачующая», очень скоро восстанавливает духовную крепость подвижника и самое главное — внутреннюю тишину, особое духовное устройство монаха.

Конечно, чтобы стать настоящим монахом, а это значит человеком освященным, нужно иметь особое призвание. Отец Кирилл, имея это давнее призвание, постепенно стал в монашеской братии Троице-Сергиевой Лавры ее духовным стержнем, а затем и опорой. Но пока, до поры, Господь хранил своего ученика потаенно, давая ему созреть, а затем и начать плодоносить мудростью, любовью и святостью. В трудах, послушаниях, в служении Богу прошло пять лет. 30 октября 1959 года епископ Дмитровский Пимен (Извеков) возвел иеромонаха Кирилла в Трапезном храме Лавры в сан игумена. К его подвижнической жизни давно присматривался епископ Афанасий (Сахаров). В 1961 году в письме лаврскому духовнику архимандриту Феодориту он поздравил двух новых лаврских архимандритов и при этом написал: «Передайте от меня приветствия и всечестному батюшке игумену Кириллу, которому желаю поскорее уподобиться своим друзьям». 7 октября 1965 года Святейший Патриарх Алексий I (Симанский) возвел отца Кирилла в сан архимандрита. В отце Кирилле мы видим гармоничное, уравновешенное, благодатное сочетание всех духовных составляющих освященного человека: конечно, в первую очередь, он — боголюбивый монах, аскетичный, молитвенный, целомудренный, затем — священник, исполненный любви к предстоянию пред Богом и покоряющей, побеждающей любви к человеку. И, наконец, — духовник, всю свою жизнь помогающий людям бороться с грехом, ибо грех — это измена евангельской любви, измена

самой Церкви. Для того чтобы смертный грех навсегда оставил человека, духовник архимандрит Кирилл шел неустанно к душе кающейся и страждущей, несмотря на собственное старческое изнеможение и усталость от подвигов, приводя всех к исцеляющему и спасающему покаянию. Как прямое следствие всего этого в том же 1965 году он становится духовником монашеской братии, не оставляя своего подвижничества. Заботясь о новом духовнике, епископ Афанасий (Сахаров) писал братии: «Сказали мне, что очень слабеет отец Кирилл. Берегите его и наложите на него строго послушание: беречь себя, лучше питаться, уменьшить подвиги свои».

Наилучшее слово, обращенное к ближним, — напоминание о вечности. Архимандриту Кириллу удивительно легко давалось искусство проповеди. Сначала в Лавре проповедовал близкий друг и сподвижник отца Кирилла — духовник братии архимандрит Тихон (Агриков), впоследствии схиархимандрит Пантелеимон, и его слово было чрезвычайно сильным и доходчивым. Покидая Лавру по вынужденным обстоятельствам, спровоцированным действиями КГБ, он словно передал удивительный проповеднический дар своему доверенному другу, архимандриту Кириллу. Батюшка начал проповедовать в праздники и в будние дни, он часто произносил проповеди на праздник преподобного Сергия, после чтения акафиста Пресвятой Богородице. Сказанные с огромной любовью и вдохновением слова отца Кирилла проникали прямо в сердца слушающих, вызывая на их глазах слезы. В проповеди о преподобном Сергии он говорил: «За свое смирение Преподобный удостоился от Бога дара чудотворения и молитвенной помощи всем, кто с верою и смирением призывает его имя в своих молитвах. По переселении на небо он печется об основанной им обители и ее насельниках, в трудные времена являясь некоторым из братии, утешая и ободряя их к терпеливому перене-

сению посланного от Господа испытания... Так близок преподобный Сергий своей Лавре. Поэтому, дорогие братья и сестры, совершая молебное пение Преподобному, всегда будем прославлять его с чувством благодарности, потому что ради его молитв мы и до настоящего времени имеем возможность молиться и спасаться в тихой его обители». А вот проповедник говорит о своем любимом Евангелии: «Брали ли вы в свои руки Святое Евангелие с той целью, чтобы проверить, по тому ли пути вы идете, какой в нем указан Господом нашим Иисусом Христом? Если вы этого не делаете, то вы совершаете роковую ошибку, гибельную для вас». В проповеди «О грехе осуждения» старец так обращается к паломникам с амвона храма, которые слушают его, затаив дыхание: «Надо тщательно наблюдать за своими поступками. Познай самого себя — вот великое правило, которое было даже у древних мудрецов. И Святая Церковь нам также предлагает, чтобы мы по истечении каждого дня проверяли, что мы сделали ради блага ближнего. И вот тогда-то мы и познаем свою нищету духовную. Вот тогда-то у нас и замыкается рот для осуждения ближнего. Мы лишь потому являемся строгими судьями, что себя не знаем».

Почему эти простые и ясные слова так глубоко волновали души людей? Потому что сама жизнь архимандрита Кирилла была лучшим примером для его проповедей. Он проповедовал Евангелие, отдавая людям всю благодатную силу своего сердца. Однако на горизонте уже поднимались мрачные, зловещие тучи грядущих тяжелых искушений.

Подвиг крестоношения

Чистота совести — щит души. Наиболее мощное оружие зла — клевета. И она не замедлила коснуться отца Кирилла. В 1970 году он после отъезда из Лавры архимандрита Тихона (Агрикова) стал казначеем, претерпев в этой деятельности сильное искушение. Святитель Игнатий (Брянчанинов) в свое время говорил: «Крест — это кафедра наивысшего богословия». Неустанный проповедник, отец Кирилл, обращаясь к людям, однажды произнес: «Что значит брать крест свой? Это значит идти тесным и скорбным путем непрестанной борьбы со страстями и похотями, с соблазнами мира, терпеть случающиеся болезни, беды, напасти, гонения, изгнания и смерть, если угодно будет Господу послать нам это».

Архимандрит Кирилл, вынесший на своих плечах горький опыт Отечественной войны, как никто другой в Лавре, понимал, что в страшном противостоянии злу побеждает дух товарищества, взаимовыручки, самопожертвования. Предательство духа благодати — это наши мелкие уступки злу. Будучи предельно, кристально честным монахом, батюшка понимал, что казначей в монастыре — не бездушный накопитель материальных средств, пристрастившийся к ним намертво, а тот, кто умеет правильно распределять имеющийся в обители достаток. Поэтому для нуждающихся, больных и обездоленных людей у него всегда была открыта дверь. «Господь дает, и мы даем», — любил говорить отец Кирилл. Его добрые дела нам довелось видеть своими глазами.

К старцу нередко обращались за помощью молодые священники, имевшие семьи и обремененные невылазными долгами. И никто не уходил от него разочарованным. Помимо посильной денежной помощи, на которую он каждый раз испрашивал благословение начальства,

батюшка ободрял приунывших священников, утешал их и провожал до дверей келии самыми добрыми напутствиями. А сколько таких историй осталось неиз-

вестными, сохраненными лишь в узком кругу людей, которым помог отец Кирилл с его добротой...

Вспоминаю трудный период, когда родители отца П. и мои во время погромов и поджогов в Душанбе потеряли свое жилье. Батюшка первый ободряюще сказал: «Поможем!» И, взяв нас с собой, решительно отправился к наместнику Лавры. Там он в нескольких словах объяснил ему сложную ситуацию с нашими родителями, заодно пригласив к беседе и лаврского эконома. Он прямо обратился к начальству с просьбой о помощи, смиренно и кротко ожидая ответа. Получив согласие наместника и эконома помочь нашей беде и подыскать беженцам жилье, батюшка сказал нам, по-доброму и сочувственно глядя в глаза: «Ну вот, видите, все устроилось!» Когда мы с отцом П. кратковременно находились в Таджикистане в связи с похоронами моей мамы, нам пришлось испытать трудно переносимое искушение. Мы бросились на почту и отправили батюшке срочную телеграмму, прося духовной помощи. К нашему изумлению, это неожиданное искушение сразу же закончилось. Вернувшись в Лавру, мы поинтересовались у духовника, почему помощь от него пришла раньше, чем он получил телеграмму. «Молитва быстрее, чем телеграмма!» — ответил батюшка.

В другой раз, испытывая сильную нужду в самом начале созидания нашего скита в Абхазии, мы смущенно поведали об этом старцу. Он молча открыл тумбочку, достал оттуда конверт с деньгами и вручил нам: «Только что принес один добрый человек. Это вам на скит!» С какой благодарностью мы тогда целовали щедрую руку любвеобильного духовника. Поистине, иже дает убогим, не оскудеет!⁶

Хотя все это происходило уже впоследствии, когда отец Кирилл был духовником Лавры, можно с уверенностью сказать, что он поступал точно так же с полной

самоотверженностью, когда нес послушание казначея. Клевета, однако, не миновала батюшку, нанеся ему первый удар. Недобрые наушники нашептали о «непозволительной» трате денежных средств новым казначеем. Исход последовал незамедлительно. Начальство потребовало от отца Кирилла отдать ключи от кассы, обвинив его в своевольном присвоении лаврских средств. Зная безукоризненную честность батюшки, мы можем понять всю боль его бескорыстного сердца и чистой души, подвергнувшись столь несправедливым обвинениям и изощренной клевете. Ему было невероятно трудно остаться не вовлеченным в вынужденные споры и тяжбы, а также в бессмысленные оправдания. Однако старец молча положил ключи на стол и вышел из кабинета. Он ничего не приобрел, но и ничего не потерял, оставшись во всем бесстрастным монахом. Но любовь и признательность монашеской братии и народа уже склонялись в его пользу.

Отец Кирилл особенно почитал старца-святителя Афанасия Ковровского (Сахарова), проникшись его богословской умудренностью и святительской рассудительностью. Батюшка вспоминал: «В один из приездов епископа Афанасия в Троице-Сергиеву Лавру мы навещали его в гостинице, спрашивали о некоторых связанных с исповедью вопросах современной жизни, которые не освещены в древних канонах. Он давал практические советы, как в наше время руководствоваться древними канонами». Батюшка совершил первую панихиду по скончавшемуся в 1962 году святителю Афанасию и затем участвовал в отпевании епископа-исповедника, провожая его в «жизнь нестареющую». Эти похороны остались в его памяти: «Должен сказать, что это были не похороны, а праздник. У всех было умиротворение на душе». В день его кончины, 28 октября, вплоть до канонизации святителя, отец Кирилл всегда совершал по нему панихиды в крипте

6 Притч. 28, 27.

Успенского собора в Лавре, в храме Всех святых, в земле Российской просиявших.

В начальный период жизни в Лавре батюшка тесно сблизился с духовными соратниками и единомышленниками по монашеской жизни: отцом Тихоном (Агриковым), в то далекое время ведущим духовником и проповедником Лавры, иеромонахом Феодором, одаренным, образованным и кротким духовником, и архимандритом Феодоритом, рассудительным и опытным служителем Церкви. Обладая прекрасными голосами, бывало, отец Тихон и благочинный архимандрит Феодорит с иеромонахом Кириллом составляли лаврское трио и

пели Великим постом на пасхалии или в прилучившийся праздник. Но большую часть времени и сил батюшки забирали проповеди. Темы их были разнообразны, но почти все имели нравственную направленность: «О чистоте души и сердца», «О кротости», «О заповеди любви», «О любви к врагам», «О благодарности Богу», «Об отношении к скорбям». Во время Великого поста в 1964 году на пасхалии архимандрит Кирилл произнес проповедь «О необходимости молитвы среди искушений». Говоря о страдании и крестной смерти Христа Спасителя, он отмечал: «При этом воспоминании само собою возбуждается усердие и пламенение к молитве, возникают сознание необходимости для нас молитвы и уверенность в ее благоуспешности. Сознание необходимости высшей помощи, а вместе и молитвы для испрошения этой помощи у Бога, с особенной силой возникают в душе у христианина, когда он с особой ясностью представляет, с одной стороны, тяжесть и опасность искушений, постигающих его на пути жизни и особенно в трудные минуты крестоношения, и, с другой стороны, крайнюю немощь нашего естества, обреченного на крестоношение». Но беда, как обычно, не приходит одна.

Она пришла в сложные, противоречивые 1960-е годы, когда власти вновь обрушили на Церковь гонения, стремясь сокрушить ее, вычеркнуть из жизни людей и полностью уничтожить. Тогда мало кому из епископов удалось избежать газетной травли. Это в полной мере коснулось и отца Тихона, и отца Кирилла. Не обошлось и без вездесущего и всюду сующего свой нос КГБ. Старые иноки и трудники Лавры помнят то давнее, потрясшее всех событие, с жуткой провокацией от коммунистических властей, направленное на изгнание любимого всеми известного лаврского проповедника архимандрита Тихона (Агрикова). Теперь КГБ взялось и за отца Кирилла. Некая особа, научен-

ная агентами спецслужб, лукаво и несправедливо оклеветала батюшку, целомудренного монаха, обвиняя его злостно и жестоко, не представляя никаких доказательств. Старец не думал оправдываться, не желая никого обвинять и доказывать свою невиновность. Чтобы не смущать других прихожан, он с великим смирением принял на себя незаслуженный позор, готовясь к изгнанию из монастыря и к тюремному заключению. Собраны пожитки монаха — небольшой узелочек. Молчаливо и безропотно, доверяясь во всем Господу, отец Кирилл ожидал решения своей участи. Такое безропотно евангельское смирение, послушную воле Божией кротость его сердца и самоотречение трудно понять и вместить нашему поколению. Он не говорит и не делает ничего в тот самый момент, когда имя его подвергают глумлению, пресса всюду раздувает его вымышленный позор, а ближние сомневаются и недоумевают! Поистине, яко агнец пред стригущим его безгласен, тако не отверзает уст своих⁷. А ведь он мог убедительно оправдаться, найти доказательства своей невиновности ко всем злохитростям клеветников, дабы вернуть себе незапятнанное позором имя, уважение собратий и почитание паломников. Однако время, мудрое время, все расставило по своим местам: сфабрикованное наспех комитетом госбезопасности дело против отца Кирилла ввиду отсутствия прямых доказательств и путаницы в показаниях клеветников, само по себе потеряло силу и рассыпалось, «яко кости човекоугодников». Батюшка победил — просто и тихо, без сопротивления и насилия, как всегда он поступал в жизни. Так побеждает благодать. Так действуют люди, угодные Богу.

Не схож ли смиренный поступок архимандрита Кирилла с кроткими и бесстрастными действиями самого основателя столь любимой им Лавры? Поисти-

7 Ис. 53, 7.

не, подлинное монашество есть вечно живое и никогда не прекращающееся христианство. Миру нужнее всего те, кому мир не нужен. Мы видим, что только смиренное сердце наследует благодать, всю полноту познания Бога и уподобления Ему. Именно оно получает и усваивает благодать — «печать дара Духа Святаго» — и делается способным нести свой крест.

Подвиг крестоношения — это духовная история человечества и решительное отстаивание благодатной спасительной жизни, становящейся жизнью вечной. Уподобление Христу — великий плод этой борьбы. Монастырь для таких борющихся за спасение душ является наивысшей школой восхождения к Богу человеческого духа, поскольку цель монашеской жизни есть достижение абсолютной свободы от греховного закона. Свободными же мы можем стать лишь в любви Христовой, взяв на себя нелегкий крест сурового духовного подвига, подобно тому как Сам Христос взял и понес Свой крест: «Возьми крест свой и следуй за Мною»⁸.

На этом трудном пути оживают все глубины нашей души, и тот, кто помогает нам сделать это, заслуживает великой благодарности. Духовник, подобный архимандриту Кириллу, — это свет истинной жизни, который и во тьме светит⁹, ибо старец увидел и познал его и потому приводит всех к нему, разрешая нас от грехов и укрепляя в следовании вечному Свету жизни — Христу. Священник, каким был отец Кирилл, — это священнодействователь благодатной жизни и любви, даруемых Церкви свыше Богом. Священник отдает нам эту жизнь и любовь, которые уже нашел сам. Монах же, отрекаясь от мира и его страстей, первым отрекается и от всех мирских привязанностей, которыми всем нам нужно переболеть, чтобы потом отвергнуть их и

8 Мф. 16, 24.

9 Ин. 1, 5.

взять крест свой, как взял его старец, следуя за Христом. Архимандрит Кирилл в своей проповеди словно обращается из вечности ко всем нам, и мы слышим его тихое напутствие: «Вся наша земная жизнь есть непрерывное несение креста, который слагается из разных печалей, скорбей и болезней». Этот крест и есть вход в Царство Небесное, которым вошел в него, освятившись, старец. Только отдающий себя другим начинает ощущать подлинное счастье.

Утверждение в любви

Прежде всего стяжи мир душевный, будь ко всем равно дружелюбен, никого не лишай своего доброго отношения, желай всем спасения, подобно тому как Господь желает всем спастись. И так придешь со временем к любви, ибо Бог есть любовь (1 Ин. 4, 16).

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Тема, которую нам предстоит рассмотреть, внушает нам страх и благоговейный трепет, ибо любовь — величайшее достояние души, уподобляющее нас Богу. Шаг за шагом, следуя за духовником, мы словно постепенно восходим в горня, и нам слышится его вдохновенный призыв на Божественной литургии: «Горé имеем сердца!» Туда, вслед за старцем, может подняться только любовь. «Будем горня мудрствовать, а не земная, не прилепляться к земному и не служить мирским похотям», — поучает нас старец в своей проповеди. Его одухотворенный облик молчаливо передает нам глубинную суть духовничества и старчества. Что есть любовь? Это совершенное отрицание всякой вражды и утверждение абсолютного добра. Абсолютное добро есть Бог. И богоподобный носитель

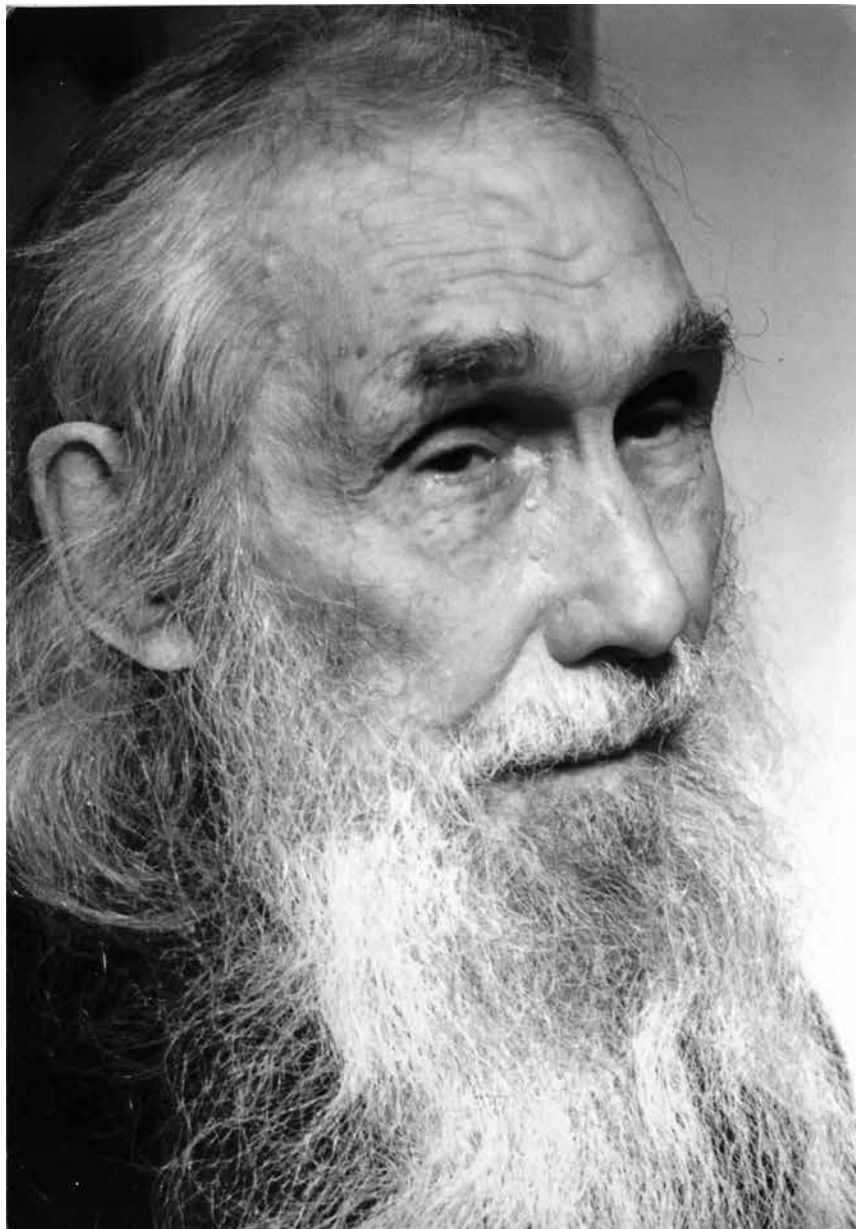
этого добра есть старец, удивительное и незабываемое явление, входящее в нашу жизнь. Жизнь верующего в Церкви — это постоянная нечаянная радость.

Каждому человеку Церковь открывает возможность полного преодоления нашего разделения с Богом. У всякой души свое время для этого преодоления...

Приближалось торжественное празднование 1000-летия Крещения Руси. Задолго до этого я сильно томился поисками своего предназначения и личного счастья. Об этом периоде моей жизни можно сказать, перефразируя слова блаженного Августина: «Где же ты, мое счастье? Не может быть, чтобы тебя нигде не было!» И это счастье неожиданно и бесповоротно встретило меня в Троице-Сергиевой Лавре в благословенном облике отца Кирилла.

В первый раз мне посчастливилось приехать к бабушке на исповедь ранней осенью в 1980-е годы. Еще издали сердце возрадовалось увиденному: над золотом лаврских храмов сияли голубые небеса с прозрачным, тающим в воздухе утренним месяцем. После мирского шума и гама утешительно было видеть людей тихих, кротких и смиренных — настоящих монахов. До этого приезда в Лавру я не раз присматривался к ним, стоя на братском молебне в Троицком храме у раки преподобного Сергия. Рублевские иконы погружали душу в благоговейное созерцание. Темные фигуры монахов в длинных мантиях и в высоких клобуках внушали почтительное уважение.

Но молитвенный облик старца-монаха, который предстал предо мной на исповеди, полностью переменял во мне все догадки и представления о монашеской жизни: на худощавом, изможденном лице с впалыми щеками, обрамленными белоснежными прядями волос, прежде всего привлекали внимание глубокие вдумчивые глаза, в которых светилась легкая, почти незаметная, но очень милая улыбка, исцеляющая и утешающая

все сердце, так что трудно было не разрыдаться! Его бледное лицо из самой глубины глаз излучало мудрую кротость, какое-то духовное спокойствие и ясный вну-

тренний свет. Этот человек был духовно бесконечно выше и чище всех людей, которых мне приходилось встречать до сих пор. Его тихая улыбка, согревшая мое сердце, была похожа на теплый солнечный луч. Весь он был какой-то непередаваемо русский. После моей сумбурной, с рыданиями, исповеди и разрешительных молитв я услышал: «Держись добра и приезжай еще, к Рождеству! С Богом!» Так напутствовал меня старец. Еще долго ощущалось тепло старческой руки, лежавшей на моей голове поверх епитрахили. Возле старца душа впервые почувствовала себя необыкновенно уютно. Так она чувствует себя лишь в присутствии благодати.

Светлое благоговейное переживание от общения с батюшкой оставалось еще долгое время в душе, словно зажженная им духовная свеча. Но незаметно, исподволь это тепло понемногу рассеивалось в сердце, и оно вновь начало остывать. Боясь окончательно утратить этот удивительный утешающий дар, я вновь устремился к духовному отцу, чтобы поведать ему о своем необычном и еще непривычном для меня переживании. Светлый, одухотворенный образ Лавры с его обогревающим всех солнцем любви — отцом Кириллом — неотступно влек меня. Мирская жизнь начала терять свою привлекательность. Усталость от бессмысленности мирской жизни — это начало отречения от нее.

Святая обитель вся была искраплена декабрьскими снегами. Опаловый дым из труб поднимался над заснеженными крышами Сергиевого Посада. Молчаливые паломники устремлялись в Лавру. Отец П. провел меня к старцу через туман, густо окутывавший зимний двор. Исповедуясь, я рассказал батюшке, как моя сердечная свеча чуть было не погасла.

— И что же ты сделал? — спросил отец Кирилл.

— Постарался как можно скорее приехать к вам, батюшка! — ответил я.

— Молодец! Всегда следи за тем, чтобы эта благодатная свеча никогда не гасла! Храни ее с молитвой и соблюдением евангельских заповедей!

Днем отец П. с трудом устроил меня в паломническую гостиницу, народу собралось очень много. Большинство церквей в Подмосковье было еще закрыто. К вечеру похолодало. Воздух принял стальной оттенок. Быстро стемнело, и потянуло морозцем. Вместе с паломниками, поскрипывая снегом, я поспешил на всенощное бдение. Колокольный гул поплыл над городом, вспугнув устраивающихся на ночь в голых кронах лаврских лип галок и ворон. В свечной лавке на меня испытующе посмотрели слезящиеся глаза старого монаха.

С клироса доносится: «Христос моя сила, Бог и Господь, честная Церковь боголепно поет, взываяще...» Монастырское служение строгое и потому — молитвенное. Лавра окружена миром, «морем житейским», полным трагедий и скорбей. На долгих лаврских службах, в тишине богослужений и отрешенности монашеских песнопений словно камень сваливается с души, начинающей дышать и молиться легко и свободно, избавившись от докучливых помыслов — «жизни мышья беготни», со всеми ее крушениями и разочарованиями. Отсюда эта непреодолимая тяга русских людей к святыне Лавры — преподобному Сергию, к благодатной умиротворенности лаврских служб, к ее духоносным старцам — сердцевине монашеской святости. Христианство — это никогда не прекращающееся откровение Бога в душе человека.

Один из следующих моих приездов в Лавру пришелся на раннюю в том году Пасху. «О Пасха велия и священнейшая, Христе...» — всплывали в памяти торжествующие слова праздничного канона. Вдоль дорог — бледные посева на скудной глинистой почве. В воротах Лавры — толпящиеся паломники, шумные подростки и парни, серьезные и сосредоточенные, —

все спешат в обитель. Перед Пасхой, несмотря на то что мне дали послушание вместе с монахами мыть Трапезный храм, готовя его к празднику, удалось поисповедоваться у батюшки. На исповеди я неожиданно получил строгий, беспрекословный наказ — готовиться поступать этим же летом в семинарию. Полный смущения и растерянности, я сказал о невероятности того, что смогу сдать экзамены и что меня каким-то образом примут в это духовное учебное заведение.

— Смогу ли я, батюшка?

— Сможешь, сможешь, не сомневайся, Бог поможет! — ласково и уверенно сказал он, с усмешкой потрепав меня по плечу. Его добрая поддержка и благословение буквально окрылили мою душу.

В эту пасхальную ночь она словно заново родилась. Потрясающе ликующее приветствие с амвона: «Христос воскрес!» — и детский, радостный, звенящий вопль из толпы молящихся: «Воистину воскрес!» Поет все вокруг — даже стены старинного храма словно пропитались радостным пением. Необычайное воодушевление и пасхальная красота и благодать Лавры захватили меня.

«Господи, неужели это возможно, неужели я смогу учиться здесь, в таком удивительно прекрасном

месте, рядом с батюшкой?» — шептал я, стоя на службе. Утром — розово-голубой рассвет в окнах гостиницы. Всю пасхальную Светлую седмицу — сплошной колокольный звон. В эти праздничные дни моя душа словно пребывала на небесах, хотя иногда холодок тревоги пред тем, что предстояло мне в дальнейшем, пробегал где-то под ложечкой. Святую воду из источника преподобного Сергия раздавал удивительный, запомнившийся мне монах, весь заросший бородой, в вытертой, поношенной рясе и в больших стоптанных кирзовых сапогах. Улучив момент, каким-то образом я нечаянно смог увидеть отца Кирилла в Троицком храме.

— Батюшка, благословите на колокольную подняться?

— Поднимись на колокольную, поднимись!

Молодой сосредоточенный монашек долго качивал огромный, тяжеленный язык колокола, а потом — дрожь воздуха и души в ответ на громopodobный гул. Он позволил и мне несколько раз качнуть туловище гигантского языка и пригласил постоять прямо под громыхающим колоколом. Звуки низвергались сверху, подобно водопаду, переполняя все тело. В эту Пасху моя душа навсегда сроднилась с Лаврой, с преподобным Сергием, с любимым старцем.

Живя на земле, нам нужно успеть «всмотреться в вечность», как говорил святитель Игнатий (Брянчанинов). И эта вечность нам открывается через старца. Попробуем вместе всмотреться в нее, в слова и поступки архимандрита Кирилла. Очень многое из своего богатого духовного опыта батюшка взял у глинских старцев. После закрытия властями Глинской пустыни ее старцы благословили своих чад обращаться за советами и для исповеди к духовнику Лавры отцу Кириллу. Когда глинский молитвенник и подвижник отец Серафим (Романцов) (прославлен в лике святых) бывал в Москве, он всегда старался встретиться с

отцом Кириллом. Владыка Зиновий, митрополит, один из глинских духовных столпов (также канонизирован), при посещении столицы и Лавры считал своим долгом повидаться с лаврским духовником. В свою очередь, архимандрит Кирилл приезжал на Кавказ, посещал келии пустынников — отца Серафима, монахов Виталия, Мардария, Кассиана и других, бывал у владыки Зиновия, а также навещал своего друга по Лавре архимандрита Тихона (Агрикова), пребывавшего в затворе.

Батюшка ездил на Кавказ поездом. Провожая задумчивым взглядом вылизанный пенным прибором черноморский берег, душой устремлялся к кавказским подвижникам. Останавливался он в Сухуми у верных чад — диакона Григория и матушки Ольги, — а затем с опытными провожатыми уходил к знаменитым отшельникам в густолиственные, высокоствольные леса Абхазии. Проходил абхазские села с запахами сена, дыма очагов и коровьего молока, ночевал на сеновале, где над головой мерцала прозрачная черная ночь с ярко горящими созвездиями, цепляющимися за вершины деревьев. Оттуда крутая тропа уходила высоко в кручи Кавказа, испещренные черными пихтовыми лесами. По пути пил сладкую на вкус воду из ледяных ключей, бьющих прямо из скал. Внизу синели провалы ущелий, покрытых щетиной островерхих пихт. Над ними — залысины крутолобых скал.

Среди диких лесов — полянка. Под огромным буком, в его тени, неказистое строение — келия. Такую отыскать в этих лесных дебрях непросто! Узкая тропинка совсем незаметна среди зарослей вечнозеленых побегов густого кустарника. Неторопливые беседы об Иисусовой молитве с не особенно речистыми монахами, которые пришли сюда «потрудиться в покаянии пред Господом в тишине и безмолвии», так как покаяние — самый сокровенный процесс исправления человека пред Богом. «Молиться — это не горюх

сеять! — доходчиво объясняет старичок-монах. — Нужно каждое молитвенное слово с большим вниманием произносить: вот как, к примеру, рассаду сажаешь — каждый росточек отдельно! А потом поливать надо —

терпением, усидчивостью, прилежанием! И самое главное — всегда удобрять землю требуется: кладешь удобрение — будет урожай! Так и ты — клади в сердце всегдашнее покаяние, получишь и плод спасения! И все это делается с великими потами и понуждениями...» Батюшка молча слушает. Разговор переходит на Россию: «Опять пошли гонения, запрещают нам в лесу молиться! Ведь Россия рухнула потому, что много греха накопила, — говорят монахи. — А покарал ее Бог потому, что возлюбил больше других, чтобы она могла покаяться!» Снежная, словно невесомая борода кряжистого богатыря-монаха, вступившего в беседу, дрожит при разговоре. Один из слушающих — худой высокий монах со светлым, добрым взглядом, непрерывно и не торопясь тянет четки. Кареглазый скуластый послушник воодушевляется: «Вот какие дела, отче, молимся, молимся и за себя, и за весь мир православный, а не знаем, будет ли из этого толк?» — «Чтобы уметь жить, надо уметь терпеть, — отвечает в раздумье батюшка. — Живите по совести — вот ваша обязанность, и спасетесь! Сейчас надо заботиться только о спасении души, а к этому Бог приложит все остальное... Ваши молитвы никогда не останутся тщетными. Бог в долгу не бывает».

Пустынники расходятся по келиям «на правило». Над лесами быстро и легко вздрагивает далекая молния. Звук грома плурует в глухих раздольях густо-зеленых лесных урочищ. Вспышки света освещают крохотное окошко зеленым огнем. В келии простенькие бумажные иконочки, самодельный деревянный крест, грубо законопаченные мхом стены — святая бедность кавказских отшельников всегда была дорога сердцу отца Кириллы. Начало спасения — это покаяние за себя самого, а вершина спасения — это молитва о покаянии всех людей. Через несколько дней расставание, но монашеское единение во Христе не ведает грусти. Звучат

последние молитвы. В пустынной синеве неба батюшку и его спутников провожает неподвижный силуэт орла, в душе остаются любящие сердца пустынников. Отец Кирилл часто и с благоговением вспоминает потом эти встречи.

Снова по возвращении знакомая лаврская жизнь — исповеди, службы, проповеди. В 1984 году отец Кирилл в составе делегации Русской Православной Церкви совершил поездку во Святую Землю на престольный праздник Святой Троицы в Русской Духовной миссии в Иерусалиме. Игуменья Георгия, монахиня светлой души и молитвенного сердца из Горненского монастыря под Иерусалимом, была его искренней почитательницей. Она всегда передавала старцу весточки и спрашивала его святых молитв...

Теперь побываем вместе с архимандритом Кириллом на лаврских службах, исповедях и даже заглянем к нему в келию. По благословению старца милостью Божией в 1988 году меня приняли в семинарию, и весной 1989 года в числе других послушников я вошел в монашеское братство. Наместник Лавры совершил наш монашеский постриг, а воспринимал меня от пострига любимый батюшка — отец Кирилл, за что ему остаюсь пожизненно сердечно благодарен. Это позволяет нам взглянуть на Лавру и ее жизнь изнутри.

Начинается монашеское всенощное бдение в честь преподобного Сергия, наперекор дневным трудам и усталости. В окнах — легкий, потухающий свет далекой зари. Монахи вместе с народом благоговейно предостоят Богу, воссылая Ему свою любовь и молитвы. Бархатистый звук колокола плывет в ночном догорающем небе, ободряя уставшую душу. Чистый, ангельский голос канонарха, взмывающий к куполу храма, откуда строго смотрит лик Спасителя. Начинается полиелей с чтением акафиста преподобному Сергию; благодатное воодушевление рождается в храме, в благодарных

душах молящихся. Богу слышнее не восторженные славословия, а тихая смиренная благодарность. Голос отца Кирилла, для меня самый любимый голос в мире, кротко звучит под высокими сводами Трапезного храма, уходя в золотые разливы лепного потолка. Утром тихая ровность литургии благодатно, легко ложится на душу, освежая ее и очищая. Солнце начинает играть лучами сквозь кафельный дым. Хор поет слаженно и стройно, вторя одухотворенному голосу батюшки...

Середина подмосковного лета. Монахи спешат на вечернюю исповедь к отцу Кириллу. Во дворе клумбы гортензий с капельками влаги — дело рук заботливого садовника и звонаря отца Михея. Безмерная высота Успенского собора с золотом иконостаса, уходящие ввысь колонны и своды, многочисленные монахи, священники и усталый батюшка, читающий молитвы и принимающий исповеди многочисленных кающихся в левой части алтаря. «Соедини его Святых Твоей Церкви...» — слышу я глуховатый и дорогой мне голос старца. Он исповедовал всех с такой простотой и любовью, что монахи говорили — для них старец даже не отец, а мать. Прочитав разрешительную молитву, отец Кирилл говорит: «Если есть вопросы, приходи после службы...» После службы тепло летнего вечера овеивает лоб и лицо. Благоухание сопровождает всюду — и в храме, и во дворе, большом и просторно-бесконечном. Всюду — ласточки, отдыхающие на проводах, голуби, воркующие под крышей. В длинном двухэтажном Варваринском корпусе, где на втором этаже находится келия старца, коридоры с диванами вдоль стен, старинные стулья, в уголках — иконы с лампадками, во всю длину коридора — скрадывающий шаги толстый чистый половичок на хорошо вымытом полу. Стоит сладковатый ладанный запах — в покаянной молитвенной тишине келий монахи славят Бога. В ответ на стук и молитву слышится негромкое «аминь», и скром-

ный светловолосый монашек отворяет дверь. Смутная мягкость сумрака в келии старца. В стекле окна отражается темнеющее небо. Закат узкой полоской плавится вдаль, окаймленный лиловым полусумраком. Все в келии выглядит живым и простым. В углу — иконы старинного письма, лампадки кротко мерцают в полутьме. На столике, рядом с конвертами, письмами и открытками — стеклянная ваза с букетом чудесных роз. Уставший батюшка лежит на диванчике, прикрыв глаза ладонью: молится.

— А, это ты? Ну, что там у тебя? — Отец Кирилл вглядывается, прищурясь.

— Благословите спросить, батюшка!

— Спрашивай, спрашивай...

— Отче, бывает, паломники подходят во дворе и расспрашивают об Иисусовой молитве. Что делать, учить их?

— Когда сожжешь свои страсти покаянием, можешь учить других.

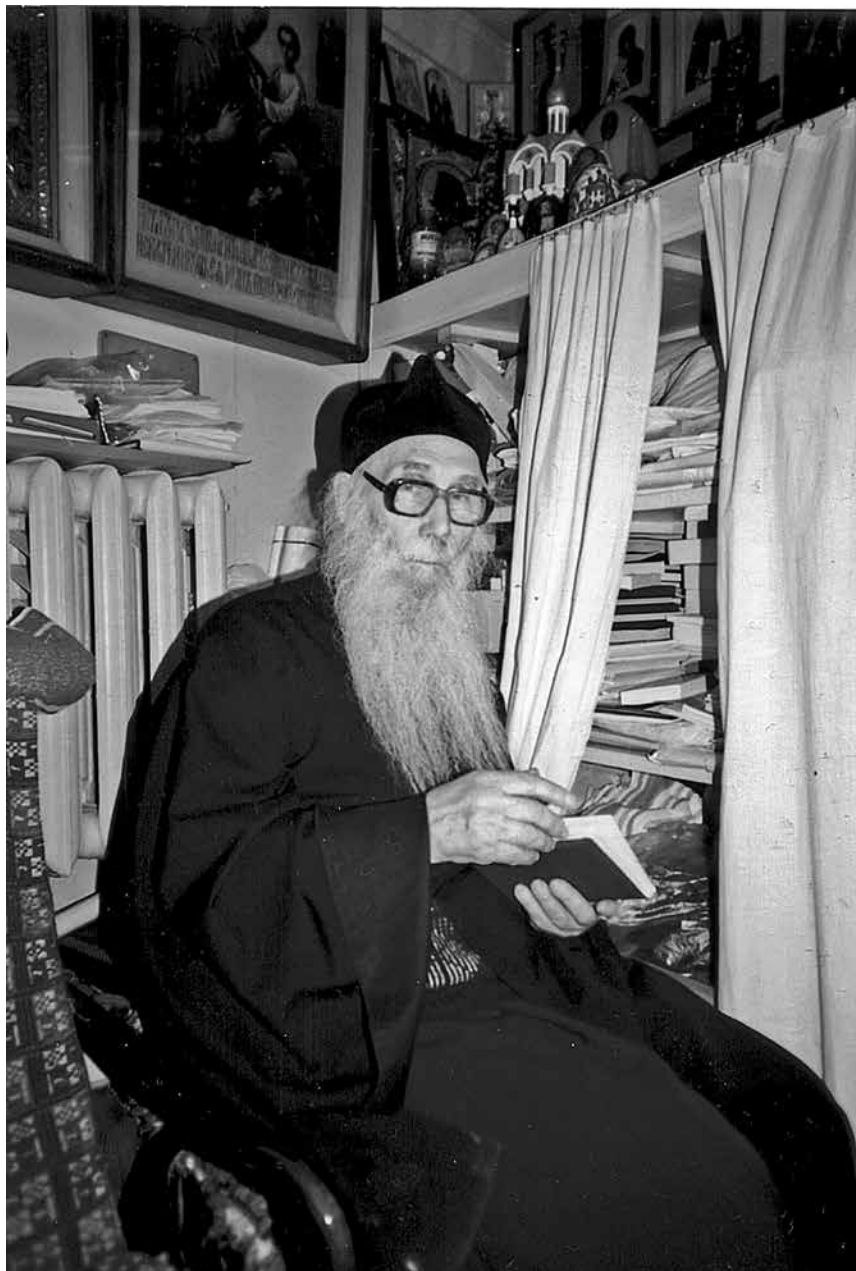
— А как их сжечь, батюшка?

— Надо быть ежедневно внимательным к себе и делать это постоянно, пожигая их молитвой. Иначе страсти быстро возвращаются.

— Есть еще смущение, отче. В монастыре все монахи такие разные, и не со всеми у меня получаются хорошие отношения. Что посоветуете в первую очередь?

— Прежде всего имейте мир между собой, с этим миром душевным все наладится...

Задумчиво возвращаюсь в свою келию. Под ногами качается изумительно красивая узорная тень кленов от высоких желтых фонарей, прячущихся за их кронами. После встречи с батюшкой так хочется молиться — долго, со слезами, с поклонами, с тихой радостью и благодарностью Богу за то, что такой удивительный старец есть на белом свете. Предельное величие человека такого, как отец Кирилл, в его простоте...

Монах, не покладая рук и не теряя ни одного часа, постоянно трудится над спасением своей души, отсекая собственную волю в послушании. Но духовный плод не дается сразу легко и просто. Не только мне, но многим интересно было знать, каким образом архимандрит Кирилл пришел в такое неоскудевающее, ровное и благодатное духовное устройство. Как он смог развить свой дивный дар духовника и утешителя сердец человеческих? Откуда в нем берется неисчерпаемая сила духовного рассуждения? Однажды я спросил старца:

— Батюшка, как Вам удалось стяжать святую благодать?

Он подумав, и, глядя на иконы поверх больших старческих очков, ответил:

— Всею меня научило святое Евангелие.

Все, чем жил старец, что постиг и пережил, он вкладывал в свои проповеди и поучения: «Сейчас люди читают много книг, но самое главное — читать книгу книг — Евангелие! Через это чтение будет укрепляться вера и добрая воля, будут просвещаться ум и сердце!» Многие из монахов, посещавшие старца на его келейном правиле, внимательно приглядывались, как он читал Священное Писание. Неизвестно, удалось ли кому из них хотя бы в некоторой степени приблизиться к той углубленности в евангельские слова, какую имел отец Кирилл. С этой дорогой для него и любимой им книгой батюшка был весь — внимание, весь — сосредоточение, весь — благоговение. Он буквально проживал душой каждое евангельское слово. Поэтому ему во всей полноте открывались и действия Спасителя, и Его спасительные животворящие истины. Можно сказать, что вся жизнь архимандрита Кирилла заключалась в одном — в совершенном погружении в евангельскую Христову любовь. Так он просвещал Евангелием ум и сердце не только самого себя, но и всех своих благоговейных слушателей. Только что рукоположенные

иеромонахи часто терялись на первых своих исповедях паломников. Один из таких свежеиспеченных духовников обратился к отцу Кириллу:

«Батюшка, переживаю: как я буду исповедовать?» — «А что такое?» — поинтересовался старец. «Да я даже не знаю, за какой грех какую кому епитимию давать...» Старец ласково обнял его: «Отец, какая епитимия? Любовью покрывайте все. Люди у нас и так пострадались. Они такие несчастные, души у них исковерканные. Какая им епитимия?»

Об этой Христовой любви батюшка неустанно говорил и ее непрестанно проповедовал: «Любовь есть закон человеческого сердца, закон всякого нравственного разумного существа. Этот закон все живое, все твари соединяет в единую целую гармонию. И если человечество себя не покоряет этому закону, то оно само себя осуждает на страдания, заблуждения и на смерть. Почему? Потому что Бог по своей природе, по существу есть Бог любви и Бог мира». Действительно, блажен прощающий других и никогда не прощающий самого себя.

Бывало, монахи жаловались ему на трудность совмещения послушаний и келейного правила, на невозможность сохранять днем хотя бы малую молитву и сосредоточение. Советы старца открывали каждому возможность войти в непрестанную молитвенную жизнь: «Если в трудных случаях обратимся к Богу с молитвою веры, то по вере и будет вам, как сказал Сам Спаситель, ибо все возможно верующему»¹⁰. Однако в отношении себя, своей молитвы отец Кирилл был предельно скромн. Когда его просили особенно помолиться, он с улыбкой отвечал: «Я особенно молиться не могу. Могу только, как другие священники».

Монашество — это особый вид жизни, в основе которого — стремление противостоять греху и смерти

¹⁰ Мк. 9, 23.

и уподобиться Христу, восходящему на Голгофу, чтобы всех привести к Отцу. Когда монах исправен только внешне, это еще далеко от монашества, ибо монашеские призваны быть воинами Царя Небесного: «Христиане уподобляются воинам, которые всегда должны быть на страже своего сердца и не допускать, чтобы сердцем владели греховные желания и всякого рода страсти, потому что это опаснее всякого внешнего врага». Архимандрит Кирилл оставался таким бесстрашным воином-монахом до последнего часа. Поэтому его проповеди несли в себе высокий дух неустанной, бескомпромиссной борьбы с грехом. Без личного благочестия даже монашеский устав — не помощник. Батюшка знал, что говорил: «Святость — это постоянная память о Боге, а грех — это постоянная память о себе».

Устремление духовной борьбы вовнутрь, в сердечные и душевные глубины, не означает желания отвернуться от мира и перестать сострадать ему. Духовная борьба — это борьба за всех людей, поскольку очищение даже одного сердца человеческого, «единого от малых сих», — это дарование надежды всем и каждому на праведную жизнь, свободную от греха, на соединение с Богом. Старец призывает нас всех: «Что надо делать сегодня человеку? Надо очистить себя изнутри. С этого начни каждый. Главная задача — посеять Бога у каждого в душе. Вернем в сердца людей Бога — вернем достойную и праведную жизнь».

Исполнившись великого самоукорения от близости к такому человеку, обретшему милость Божию, и во всем видя себя жалким и непотребным его чадом, я почувствовал в своем сердце острую необходимость научиться у старца управляться со своими немощами, жажду уловить и усвоить суть его жизненного и духовного опыта, прийти к пониманию всего пути спасения, пытаюсь подобрать хотя бы крохи духовных истин, падающих с его стола. Все мои усилия тогда сосредоточились на одном — как пребывать со Христом?

«Несомненно, в моем сердце Богу и благодати все еще нет места, так как, несмотря на все усилия прошедших лет, я по-прежнему бреду по обочинам спасения», — так размышлял я. Ища совета у батюшки, душа моя устремлялась к нему и в его словах находила ответ: «Очистите в своем сердце место для Бога. Дайте в вашей жизни простор добру и истине и освободитесь от гнетущих вас лжи, насилия и грубого себялюбия».

Уповая на долгие молитвы, аскетику — воздержание в пище, сухоядение, поклоны, недосыпания, лежание в изнеможении на холодном полу келии, — я иной раз полагал, что улавливаю в душе некоторые проблески истины. Но, к сожалению, они недолго

удерживались в ней, вновь погружая меня в горестные недоумения. Ум человеческий всегда оправдывается.

Изо дня в день действенное слово старца проникало сквозь коросту моей себялюбивой души, пробуждая ее от сна: «Не пребывайте в гордом уповании на свою праведность. Такие остаются глухи ко всякому призыву ко спасению».

Вновь и вновь каюсь на исповеди, со слезами я обращался к отцу Кириллу, умоляя помочь мне избавиться от себялюбия, раздражительности и недовольства на людей, от всего того, что мне в самом себе стало так ненавистно.

«Стяжи мир душевный, это прежде всего, — последовал ответ духовника. — Пойми, что нужно раз и навсегда выбрать одно — ровное, неизменно дружелюбное отношение ко всем, особенно к оскорбляющим нас. Где бы ты ни был и с кем бы ни общался, всем желай спасения, ибо Сам Господь желает всем спастись. С этого начинается любовь, с этого начинается и спасение души. Делай так, и увидишь — все получится!»

И еще подсказывал батюшка: «Что священник возглашает на литургии перед чтением Евангелия? — „Мир всем!“ Этот мир Духа Святого не исключает ни одного человека. Подобным образом старайся жить и ты, всем принося мир Божий, и любящим и ненавидящим, не отвергая никого, и спасешься... Как сказано в молитвах к причащению? Помнишь? „Первее примирился ты опечалившим“, так же и ты поступай...» Эти слова проникали в душу, умоляя ее исправиться и зовя ко спасению.

У меня тогда как будто заново открылись глаза: ну конечно, так и нужно жить и молиться! Как же я раньше этого не замечал? С той беседы с батюшкой жизнь моя в Лавре начала медленно, но неуклонно изменяться к лучшему: и молитва стала родней и живей, и лица монахов и рабочих словно сроднились с постепенно

воскресающей душой. Спустя несколько дней я с огромной благодарностью устремился к старцу:

«Батюшка, дорогой, спаси Вас Господи! Все начало получаться!» — «Ну ты особенно не восторгайся, а углубляй свою молитвенную жизнь, укореняй!» — «Это очень трудно с моим экономским послушанием, отче!» — «А ты изощрайся», — в ответ улыбался отец Кирилл.

Не знаю, кому как, а мне это слово приходилось слышать очень часто. Мне тогда казалось, что это похоже на некий совет не умеющему плавать — плыви! А как? Учись! Приходилось, как говорят монахи, «сжав зубы», учиться. В монашеской жизни меня постоянно сопровождали батюшкины наказания: «Поступай рассудительно!», «Не высокоумствуй!», «Не малодушествуй!» и «Старайся соблюдать мир!».

Со временем, после долгих духовных бурь и волнений, сердце научилось многое в жизни воспринимать более ясно, словно из него ушла какая-то мутная пелена невежества. Ранее у архимандрита Кирилла были близкие сомолитвенники — архимандриты Серафим (Тяпочкин) и Геннадий (Давыдов). Сказанное батюшкой об отце Серафиме поразило меня удивительным открытием, настолько чутко прислушивался старец к собеседнику и мгновенно учился всему доброму и святому. Слово это был его сокровенный ключ жизни, с которым он вошел в жизнь вечную. Вот его воспоминания: «Во время нашей беседы из его уст, я заметил, не вышло ни одного слова осуждения, какой-то раздражительности или гнева. Но, действительно, любовь, такая ласковая любовь, которая, знаете, как-то человека располагает также к любви и доброте». Эти воспоминания старца поистине драгоценны.

Как преподобный Силуан, осознав губительность блудных помышлений, полностью отверг любой помысл о блуде, храня себя, свое сердце в чистоте до

последних дней своего отшествия в мир иной, так отец Кирилл, раз и навсегда постигнув греховность и разрушительность гнева, целиком и полностью отрекся от него навсегда. До глубокой старости мы видим его благодушным, кротким, доброжелательным, тихим. Так передается традиция Церкви. Эту беседу с архимандритом Серафимом (Тяпочкиным) батюшка воспринял всем сердцем и всею душой, так что услышанное им стало частью его сокровенной духовной жизни, в которой произошло его окончательное утверждение в Христовой любви, в любви, которая открывает двери Царства Божия на земле: «Ни истинная любовь к Богу не может быть без любви к ближнему, ни истинная любовь к ближнему — без любви к Богу. А посему все любите больше Бога, но любите и всякого ближнего как самого себя». В этой любви архимандрит Кирилл постоянно возрастал, стремясь к непостижимому, неуклонному, благодатному пребыванию во Христе, став молитвенником и ободрителем не только монашеской братии Троице-Сергиевой Лавры, но и всей России. Всякий поиск Бога — это ступени великой духовной лестницы, по которым восходит к Нему человечество.

Молитвенник за землю Русскую

*Подражание, уподобление человека
Богу как Отцу Светов состоит в освящении
и себя и других светом истины и нравственной чистоты.*

Архимандрит Кирилл (Павлов)

О нравственной чистоте всероссийского духовника и молитвенника нам и хотелось поговорить. Ф. М. Достоевский как-то сказал: «Нет большего счастья для русского человека, чем плакать

на груди у старца». Каким же образом человек становится старцем? Монахи мало углубляются в дела мира сего, ибо они вышли из него. Однако они не перестают молиться о нем, как и о своем спасении. Монахи, словно духовные воины, стоят на страже этого мира, на страже каждой души, поскольку они — свет миру. Чем больше мир отпадает, отходит от Христа, единственного его Спасителя, тем у монаха в сердце больше сострадания к миру и любви к запутавшимся душам и великого стремления помочь их спасению. Монах уходит от мира в мир молитвы и богообщения, а мир идет к нему за спасительными уроками евангельской чистоты и избавления от греховной пагубы. Монах не превозносится над миром, не надмевается своей святостью, он глубоко укоренен в скромности и кротости, ибо они — его постоянные качества. Такой рассудительный и боголюбивый монах, готовый отдать жизнь за весь род человеческий, служа ему своей любовью, становится старцем. Критерием правильности его постижения Бога является присутствие благодати и смиренного рассуждения.

Когда отца Кирилла восхваляли как героя Сталинграда, батюшка отвечал: «Да какой я герой. Я так, один из многих там был...»

С монахами в келии батюшка говорил просто и безыскусно, а на проповедях в храме — так вдохновенно, что многие плакали. Это чувство сопереживания его проникновенному голосу и интонации буквы в книге передать не могут. В разговорах с простыми монахами батюшка был предельно ласков, а в беседах с владыками и Патриархом предельно собран и сосредоточен. Евангелие батюшка читал постоянно и так углубленно, словно не дышал. У престола служил с таким благоговением, словно приподнимался над землей. Проповеди произносил с такой любовью, словно ему не хватало слов.

Когда батюшка проходил по двору монастыря, лицо у него всегда было светлое и спокойное, без всякой озабоченности. Встречая начальство, не заискивал; благословляя народ, не льстил и не лицемерил. Он все делал просто и естественно. Исповедуя по вечерам монахов в своей келии, надевал короткую мантию, поверх нее скромную епитрахиль и простенький крест. Монахи образовывали очередь в коридоре у дверей батюшки и тихо молились. Впускал и выпускал исповедующихся келейник, который, жалея старца, строго следил за тем, чтобы долго никто не задерживался. Старец, исповедуя народ в своей исповедальне, находившейся во дворе монастыря, выходил в длинной мантии, поверх нее накидывал строгую «исповедническую» епитрахиль и надевал архимандритский крест с украшениями. Тогда он выглядел очень величественно, подобно ангелу.

В келии старец спал на стареньком узком диванчике и лежал на нем, когда болел. Сидя на этом диванчике, принимал исповедь у монахов. Весь келейный угол украшали старинные иконы, перед которыми посто-

янно теплились лампы. В келии старца всегда было очень уютно и благодатно. Из нее даже не хотелось уходить. Зимой старец поддевал под рясу теплую безрукавку и укутывал горло теплым вязаным шарфиком. В храме на всенощных исповедовал в приделе, куда собирались монахи, почитатели батюшки. Он никогда не забывал помянуть тех святых, чьи имена носили собравшиеся на исповедь монахи, и ни разу не ошибался. Исповедовал он очень благоговейно. Никогда не ел иной пищи, кроме приготовленной в монастырской кухне. Ел всегда очень немного. В зимнее время пил в келии горячий чай. Вино не принимал и своим чадам пить не советовал. Строго вразумлял любителей прикладываться к винному «утешению». На общей трапезе батюшка всегда ел молча и осторожно, внимательно слушал чтеца, читающего жития святых. Не разглядывал сидящих за столами монахов. За столом вид имел строгий и сдержанный.

Он никогда не спешил и не выглядел торопливым, но всюду успевал, не опаздывая ни на исповедь, ни на службы. Любил служить панихиды и заупокойные

литии о почивших близких владыках, монахах и родных. В келии любил петь после окончания монашеского правила «Достойно есть», а также «Хвалите имя Господне». Пел он трогательно и с большим чувством, голос имел глуховатый. Провожая в своей келии исповедующегося, приехавшего издалека, всегда оделял его подарками — коробками конфет и шоколадками.

Поздравляя монахов с Днем ангела, дарил иконочки и сладости, которые очень ценились среди монахов как благословение, полученное из его рук. Лекарствами пользовался умеренно, о своих болезнях предпочитал не рассказывать, о своей прошлой жизни на войне и в миру говорил сдержанно. Не часто пускался в воспоминания, а больше с интересом расспрашивал людей об их жизни.

Когда был здоров, сам читал на монашеском правиле хрипловатым голосом одну главу из Евангелия, две главы из Апостола и кафизму очень трогательно, умиленно и благоговейно. Читая вслух Евангелие, словно приподнимался на цыпочки, выговаривая слова с большим умилением и трепетом. Когда болел, слушал монашеское правило лежа, прикрыв глаза ладонью. Исповедовал в келии монахов, даже если плохо себя чувствовал. Любил на досуге читать журнал «Юный натуралист». За окном его келии висело множество кормушек для птиц. В погожие дни выходил в монастырский двор и кормил голубей, заодно неустанно благословляя подходивших к нему монахов и монастырских рабочих. Гостей в келии встречал с глубоким почтением и любовью. Даже с теми монахами, которых он ежедневно видел, всегда был почтителен и вежлив, без какой-либо фамильярности. Говорил неторопливо и не жестикулировал. Очень любил пословицы и поговорки. Старец одинаково был расположен ко всем людям. Он радовался с радующимися, стяжавшими духовные приобретения, и скорбел со скорбящими, впадающими

в повседневные грехи. К первым он проявлял материнскую любовь, а к последним обращал свои отцовские увещания.

Когда ему задавали вопросы о выборе в жизни личной цели, сложных житейских ситуациях и многочисленных духовных трудностях, старец надолго умолкал, закрывал глаза и опускал голову на грудь. Со стороны казалось, что он заснул. Через некоторое время он поднимал голову и, глядя в глаза вопрошавшему, давал очень четкий и ясный ответ, что очень поражало приходящих к нему за духовными разъяснениями. Он никогда не носил дорогих теплых ряс с меховыми отворотами и толстых утепленных подрясников, не заказывал

вал себе бархатных скуфей и меховых клобуков. Всегда долго носил одну и ту же одежду, донашивал старую, выцветшую. Часто полы его ряс были сильно стертые. Однажды, когда на склад привезли теплые полушубки и снабженец поспешил одному из первых принести его батюшке, тот, узнав, что привезенная одежда не всем достанется, спросил удивленно: «Как же я возьму этот полушубок, если другим не хватает?» И снабженец, сконфуженный, унес свой подарок обратно на склад.

Вспомним давнюю историю с преподобным Сергием. Однажды не случилось хорошего сукна в его обители; имелась лишь половинка, гнилая, какая-то пестрая и плохо сотканная. Никто из братии не хотел пользоваться этим куском: один передавал другому, и так обошел он до семи человек. Но преподобный Сергей взял его, скроил из него рясу, надел и уже не хотел с нею расставаться.

Отец Кирилл как архимандрит имел крест с украшениями. Обычно он ходил с простеньким крестом, ничем особо не примечательным, а на воскресные и праздничные службы надевал свой нарядный крест. За безупречное и долгое духовничество Святейший Патриарх Алексей II наградил архимандрита Кирилла вторым крестом с украшениями. Но духовник никогда не выходил с двумя крестами даже в праздники. Начальство указало ему на это упущение, но старец стоял на своем. Он чуждался всяких драгоценностей и церковной пышности, не свойственных монаху. Наконец, только после долгих уговоров архимандрит Кирилл начал надевать два креста, но только раз в год на пасхальную службу. Он был чрезвычайно скромн, но в отстаивании своего понимания монашеского обета нестяжания был тверд.

Как это близко к великой нестяжательности преподобного Сергия, который мудро ответил на уговоры митрополита Алексея, встретившись с ним в Москве,

как всегда одетый в ветхую рясу из плохо сотканной материи. Когда пред святителем Алексием предстал Преподобный, то владыка велел принести золотой митрополичий «парамандный» крест с драгоценными камнями и возложил его на игумена Сергия. Но Преподобный кротко промолвил: «От юности я не был златоносцем, и в старости тем более желаю пребывать в нищете». Торжество Православия — не в почестях и регалиях, а в тихом, сокровенном преображении души Святым Духом.

В 1990 году на московской киностудии шла работа над фильмом-биографией Святейшего Патриарха Алексия II. По сценарию должен был состояться разговор Патриарха с его духовником — архимандритом Кириллом, но тот наотрез отказался от съемок. «Он такой», — улыбнулся Патриарх. «Ну ничего. Приезжайте в Сергиеву Лавру, я буду служить, а потом сам возьму у него интервью», — сказал он режиссеру. Святейший перед их предполагавшейся беседой сделал небольшое вступление о том, что он во всем советуется с духовником, потом стал задавать вопросы, но старец отвечал односложно: «Да», «Нет», «Благословите», и все! Почти целый час пытался разговорить Патриарх своего духовника, а потом виновато развел руками: «Я тоже не смог».

Обращаясь к одной из проповедей старца, мы узнаем его суждение о таких обстоятельствах: «Одно только требуется: чтобы твоей работой и жизнью не нарушались требования совести и закона Божия». Одно время в Лавре поговаривали о его возможном поставлении в епископы. Мы не знаем, что ответил архимандрит Кирилл на подобные предложения, но то, что потом всякие разговоры на эту тему прекратились, говорит о многом. Хорош был ответ преподобного Сергия точно в такой же ситуации: «Желаю лучше учиться, нежели учить; лучше повиноваться, нежели начальствовать».

Батюшка никогда ни о ком не говорил дурно, от него никто не слышал ни единого слова осуждения. Если ему рассказывали о ком-либо, что, мол, такой-то сделал то-то и так-то, то старец иной раз отвечал: «Да, не хорошо...» — и умолкал или же строго останавливал осуждающего. «Надо быть истинными христианами, надо воплощать в себе дух веры и любви, научиться смотреть на свои согрешения, а не осуждать брата своего», — говорил он.

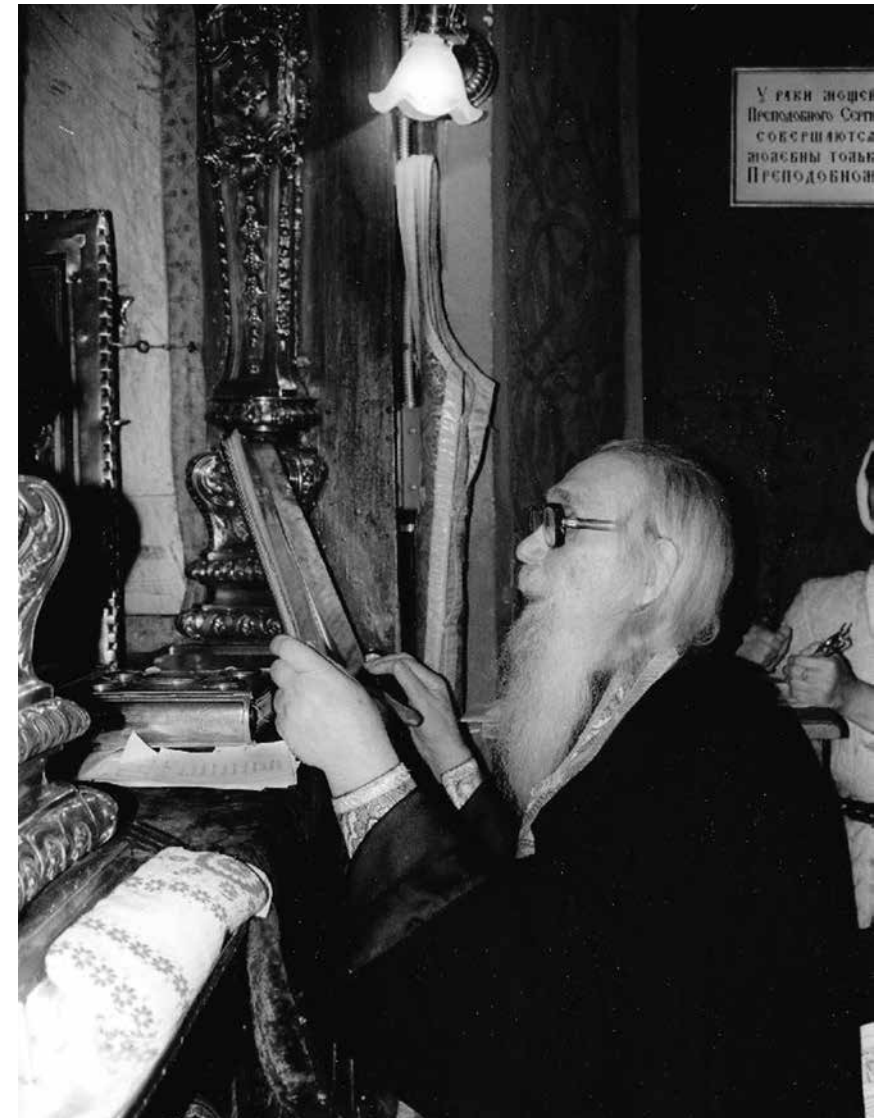
Принимая людей на исповедь, батюшка как бы отодвигал себя в сторону и на первое место ставил духовную помощь и благо других. Он проявлял огромное сочувствие к каждому человеку, оставаясь предельно строгим к самому себе. Те, кто обращался к отцу Кириллу, испытывая в случае постигших их скорбей или личных неудач сильную душевную боль и страдание, рассказывали: «Иногда батюшка во время такой исповеди мог взять за руку в запястье или в локте и потом больно сдавливал, когда исповедующийся повествовал о своей сильной скорби. Потом неожиданно происходило душевное исцеление, и сердечная мука и боль проходили». Старец всегда был с каждой исповедующейся душой и помогал ей молитвой и мудрым благодатным советом. Неустанно направляя к стяжанию смирения всех обращающихся к нему за помощью, он мог, например, сделать выговор влиятельной игумении за сестер, впавших в немилость из-за клеветы. Это всегда воздействовало: игумения исправляла свое отношение к гонимым сестрам, и мир в монастыре восстанавливался. Впавших в отчаяние монахинь он вразумлял очень строго, даже в письмах мог довольно сурово наставить: «Сиди в келии и молись. Родным ты ничем помочь не можешь, кроме молитвы. Вот ее и нужно стяжать в монастыре!» Кто по совету старца прибегал к молитве, у тех сами собой разрешались все недоумения: больные родственники выздоравливали,

проблемы рассеивались, родители все больше сближались с Церковью.

Отец Кирилл непременно строго выговаривал преступившему евангельскую заповедь, но никогда не оставлял его в беде и не держал в себе ни раздражения, ни обиды. Мог иногда прибегать к напускной строгости. Не имея гнева, он изображал гнев, чтобы вразумить ропотника или спорливого паломника, пришедшего на исповедь. Это производило сильное и неожиданно благотворное воздействие. Очень редко бывало, что старец даже топал ногами, но без всякой злобности: «Уходи, уходи сейчас же и подумай хорошенько! А когда образумишься, приходи!» И потом со слезами молился о таком провинившемся чаде.

Помощь батюшки была необыкновенно действенной. Монахи или монахини, душевно расстроенные после посещения неопытных духовников, часто мгновенно исцелялись у старца, выходя из его келии духовно просветленными. Он помнил имена всех, кто хотя бы раз исповедовался у него. Называл их имена при следующей встрече, удивляя посещавших его своей памятью и любовью. Это очень согревало их сердца и души. Предвидя тяжелые скорби людей на дальнейшем жизненном пути, отец Кирилл давал им право выбора: «Если сможешь, чадо, если сможешь...» Или же ласково спрашивал: «А как у тебя на сердце? Что оно говорит?»

Старец внимательно слушал исповедь кающегося, но внутренне он как бы пребывал вне мира сего. Он находился здесь, принимая в себя проблемы человека, но жил в ином мире, где пребывал его возвышенный дух. Иной раз он умолкал и словно уходил духом в неведомое и пребывал в углубленной молитве, а потом возвращался и давал точный и ясный ответ. Батюшка всегда советовал читать Евангелие, но в келии мы редко видели его с четками. Вообще складывалось впечатление, что старец мог так глубоко уходить в

отрешенную умную молитву, что казалось, будто он не присутствовал на земле.

Здесь мы должны остановиться, чтобы поговорить о молитве. Молитва, несомненно, есть творчество самого высокого порядка. Ответом на искреннюю, углубленную молитву является благодатная любящая

мудрость, с которой Бог приходит в душу человека, в наш мир. Подлинная молитва соединяет нас с жизнью вечной: «Я пришел для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком»¹¹, — говорит Господь.

¹¹ Ин. 10, 10.

Молитва бывает разная — по четкам, когда молящийся словно шаг за шагом собирает свой дух и внимание и становится с молитвой единым целым. Такая молитва требует многих лет непрекращающихся усилий для обуздания страстей и укрощения помыслов, чтобы в завершение стать благодатной молитвой, цельной, искренней, непрерывной. Мы рождаемся заново каждый день, если постоянно стремимся к Богу.

Есть редкая молитва, приобретаемая как дар, как милость Божия, вследствие сложнейших условий, в которые попадает человек. Испытывая со всех сторон утеснения, душа человека в едином порыве собирается воедино и в самой себе находит молитвенный источник неисходного припадания ко Христу или предстояния пред лицом Божиим. В такой молитве подвижник испрашивает у Бога вразумления и просвещения своего сердца, и Бог дает молящемуся просвещающую и спасающую благодать и духовное рассуждение по мере его зрелости.

Присматриваясь к молитвам старца, мы часто замечали его погруженным глубоко вовнутрь, чтобы найти ответ в Боге и разрешить недоумения вопрошавшего. Он опускал голову на грудь, закрывал глаза и умолкал, пребывая в таком состоянии до получаса. Мы не осмеливались в такие минуты беспокоить духовника. Он сидел так, не шевелясь и не открывая глаз, и даже дыхания его не было слышно. Затем бодро открывал глаза и начинал давать четкие и очень мудрые советы, в которых не было никаких колебаний и сомнений. И такие ответы словно просвещали души вопрошавших его светом небесной мудрости и любви.

Когда мы оказывались рядом с отцом Кириллом, от него всегда веяло особой чистотой души, которая часто воспринималась как тишина Духа Святого, пребывающего в нем. В этой благодатной тишине мгновенно проходили все сердечные скорби и пропадали острые,

жалящие помыслы обиды или раздражения. Неизменная выдержка старца, его кроткое спокойствие, утешающая негромкость и мягкость речи и особенно его милая, добрейшая улыбка, затаенно прячущаяся в уголках рта, с искорками в глазах благодатного тепла и расположения к человеку, отпечатывались в сердцах людей и складывались в образ очень мудрого русского человека, человека святой души. Его слова и поступки побуждали духовных чад следовать за ним, убеждали верующих почитателей батюшки в истинности Православия и являли воочию присутствие живой святости на земле.

«Без внутренней собранности, без внутренней борьбы не может быть плода, не может быть успеха в нашей духовной жизни», — продолжал он наставлять и поучать всех, кто встречался с ним. Убеждал неустанно читать Евангелие и руководствоваться им. Часто говорил: «Потерпи, чадо, потерпи. Смирись...» Всегда заступался за монахов или монахинь, заметив какую-нибудь несправедливость.

Отец Кирилл всегда всякое духовное делание учил основывать на смирении. «Выйдешь без смирения в дорогу — сразу подвернешь ногу», — приводил он одну из своих многочисленных поговорок. И более серьезно наставлял: «Ибо ничто так не затрудняет шествие к нам Господа, как гордыня, в особенности гордыня духовная. Господь сошел на землю только для нищих духом, только для тех, кто чувствует свое бессилие в борьбе с грехом и нужду в спасающей благодати и призывает ее всеми силами своей души... Вспомним, что говорит Писание: „Кто соблюдает весь закон и согрешит в одном чем-нибудь, тот становится виновным во всем“¹², и поймем, что мы окаянны, нищи, слепы и наги. Смиримся — и Господь защитит нас». По сути своей, смирение — это опора на вечность.

¹² Иак. 2, 10.

Старец всегда очень радовался приходу старых священников, убеленных сединами. Такие встречи были очень трогательны, буквально до слез. Искренняя радость общения этих умудренных духовников оставалась у всех в душе, словно встреча неземных ангелов. Батюшка для всех... сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых¹³, для каждого он был близким и родным, но в нем никогда не было панибратства или привязанности в отношениях. Это помогало ему прочно утвердиться в чистоте души, соблюдая строгую нравственность. Паломники выстраивались под праздники к старцу в длинные очереди, чтобы унести после исповеди частицу лаврского благодатного света, света преподобного Сергия, света многих поколений монахов, негасимый свет святой души человека — наставника, молитвенника, духовника и утешителя архимандрита Кирилла. Старые монахи говорили: «Свято-Троицкая Сергиева Лавра — сердце России, преподобный Сергий — сердце Лавры, а отец Кирилл — душа Лавры».

¹³ 1 Кор. 9, 22.

Восхождение на Голгофу

Поэтому еще раз повторяю, что надо внимательно и серьезно относиться к путям своей жизни, в особенности к устройению нашего душевного спасения. Без этой внутренней собранности, без этой внутренней борьбы не может быть плода, не может быть успеха в нашей духовной жизни: «Многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие». (Деян. 14, 22).
 Архимандрит Кирилл (Павлов)

Хотя всенародная любовь и признание уже набирали силу, но жизнь не прекращала посылать ему, духовно возраставшему, многочисленные искушения. Старец постепенно приближался к своему восхождению на Голгофу. В это время он пишет много писем. Ежегодно отправляет до 5000 писем с поздравлениями, наставлениями и назиданиями. Самое главное, чему он всегда учил: «Надо приводить людей к Богу». При всех обстоятельствах советовал обращаться к Евангелию. Этим он иногда разочаровывал приходящих к нему на исповедь, после которой иные пренебрежительно отзывались о таком совете: «Ну, это мы и сами знаем!» Однако нужно было слышать, как батюшка цитировал или читал Евангелие: он с такой любовью проговаривал каждое слово, будто переживал всю безграничную святость и мудрость священной книги. По воздействию на слушателей чтение старцем Евангелия было не сравнимо ни с чем!

Казалось, духовная жизнь старца совершалась как бы сама собой, без видимых усилий и напряжений. Однако бывало, что старец изнемогал, и такое изнеможение заканчивалось болезнью. Тогда отец Кирилл лежал в келии, но, несмотря на слабость, продолжал принимать на исповедь монахов. Он всегда был прост, умерен и сдержан, не ведал церковной роскоши, не

вдавался в «прелести мира». Защищало и природное спокойствие. У него ни в малейшей степени не было никакого надрыва, он всегда действовал спокойно, не завидовал другим священникам, не ревновал, позволяя своим чадам посещать других, не менее известных духовников: отца Иоанна (Крестьянкина) из Псковско-Печерского монастыря, отца Николая Гурьянова с острова Залита, схиархимандрита Виталия (Сидоренко) из Тбилиси; изредка сам направлял чад к блаженной Любушке, что жила под Санкт-Петербургом.

Старец всегда старался убеждать спорщиков мягким, добрым словом, «тихими, кроткими словесы», никого не задевал в беседах грубым замечанием, обладая прекрасным даром проявлять в разговоре высокий дух доброжелательности и любви. Батюшка учил «тихим деланием», умилял и смягчал души своим благодатным духовным советом, а не прямыми приказаниями. Как духовник он внушал не страх или робость, а чувство глубокого уважения, переходящего в сердечную неизменную любовь к простому с виду, кроткому и любвеобильному утешителю и наставнику. Многие отмечали удивительное сходство архимандрита Кирилла с образом преподобного Сергия на шитой пелене XV века, укрывающей раку святого: та же небесная светлость и чистота русского лица и ясность взора глубоких, мудрых глаз.

Отец Кирилл всегда оставался прост и равнодушен к внешним благам. Ни власть, ни должности, ни разные «отличия» его вообще не интересовали. Когда старца как-то пригласили на городские торжества в честь юбилея Победы, он ответил: «Скажите, что я умер». Все в нем было естественно и гармонично, так это воспринималось тогда всеми: а как еще иначе? Он ничем сразу не поражал: негромкий хрипловатый голос, тихие движения, лицо спокойное и ясное, мудрые, добрые глаза — лицо благодатного духовника. Такой он на

всех фотографиях — обаятельный и задумчиво-притягательный образ русского человека. «Я бы хотел утешить вас всех», — часто говорил батюшка. В нем словно соединились и просторы Рязанщины, и вековые леса

Подмосковья с его высоким небом и церковными куполами, тихость и молчаливая прозрачность рек, прудов и озер, с цветущей сиренью и черемухой под окнами домов — то, что мы именуем Родиной, Россией.

На лице у батюшки мы никогда не замечали грусти или уныния. Он всегда был словно окутан атмосферой благодати, любви и скромности. Умилительно было видеть, как рабочие и паломники Лавры встречали отца Кирилла, когда он проходил по двору: одни с улыбками радости, другие со слезами раскаяния. Некоторые на ходу целовали его рясу. Иные богомольцы забегали вперед, как малые дети, чтобы полюбоваться на любимого старца, и крестились с благоговением. Так было всегда: люди тянулись к нему. Он никого не неволил. Всегда отказывался властвовать и более всего молился и учил, иной раз — словом, иной раз — молчанием.

Молодые, недавно поставленные игумены и игумении заново открывшихся монастырей приходили к батюшке и просили: «Помолитесь, отче, чтобы наши стройки успешно завершились! И то надо сделать, и другое — постоянный аврал!» Игумены и игумении, увлеченные строительством, подчас смущались: старец не высказывал одобрения или осуждения подобного направления в монашеской жизни, но весь уходил в полную отрешенность от всего мирского. Его, бывало, водили по стройкам, по различным хозяйствам и коровникам, он безропотно ходил и бесстрастно повторял: «Так, так, отцы и братья! Да, понятно, понятно...» Но никаких похвал не следовало. Потом, как обычно, его угощали на трапезе, старец молчал отрешенно, не участвуя в оживленных беседах о строительстве. Любил неожиданно рассказать какую-нибудь евангельскую притчу о спасении души. Некоторые считали старца «слабаком», говоря между собой: «Он учит, что людей нужно исправлять добром! Что за ерунда? Людей нужно держать в крепкой узде, чтобы каждый

знал свое место!» Но архимандрит Кирилл твердо стоял на своем.

В нашей памяти остаются облики неповторимого прошлого, облики удивительных людей святой жизни. Друзья и соратники старца старели, но продолжали стойко нести свой нелегкий крест. Невозможно, хотя бы вкратце, не вспомнить о них с благоговением. Одним из первых среди лаврских друзей и сомолитвенников отца Кирилла мне довелось узнать архимандрита Феодора, по-детски чистого душой монаха. Он вошел в наш семинарский класс во время подготовки к лекциям и, взяв за пуговицу кителя одного из семинаристов, сказал: «Ну-ка, отвечай быстро! Скажи мне годы жизни преподобного Сергия!» — «Родился 3 мая 1314 года, умер 25 сентября 1392 года!» — бойко ответил тот, не моргнув глазом. «Молодец! А ты что стоишь столбом? Читай при мне Псалтирь!» — архимандрит неожиданно обратился ко мне, стоявшему в сторонке. Полагая, что это, возможно, один из семинарских инспекторов, я открыл наугад книгу и начал читать первый попавшийся на глаза псалом. «Хорошо, хватит. Мне подходит, пойдем со мной!» — «Куда, батюшка?» — смутился я. «Ко мне пойдем! Не робей...»

Он привел меня в свою скромную келию и подарил небольшую икону преподобного Сергия, заодно насовавав во все карманы конфет. «Раздай своим товарищам!» Я взял у старца благословение и вышел из келии, радуясь всей душой, что в Лавре живут такие монахи, как отец Феодор. Когда он разболелся и начал угасать на глазах, я периодически навещал архимандрита, вплоть до своего отъезда на Кавказ.

Другим удивительно добрым и близким к отцу Кириллу человеком был отец Феодорит, в то время ставший настоятелем лаврского скита в честь преподобного Сергия. Тогда мы с отцом П. собирались в Абхазию на отшельничество, получив благословение

батюшки, архимандрит Феодорит загорелся желанием отправиться с нами. «Эх, отцы, если бы вы знали, как душа моя стремится к уединению. Так бы и улетел с вами вместе!» — восклицал он, разглаживая рукой пушистую бороду. Таким мы и запомнили его, тянущегося душой к уединению, но уже расхворавшегося, измученного одышкой. «Что ж, отцы честные! — говорил он нам на прощание. — Видно, мне не судьба, молитесь, молитесь там обо мне!»

Архимандрита Тихона (Агрикова) (в схиме Пантелеимона) мне посчастливилось увидеть уже на Кавказе, в Сухуми, где он пребывал в молитвенном затворе. Отец Кирилл, написав ему письмо, предварительно договорился о нашей встрече, и отец Тихон с лаской и теплом принимал у меня исповедь. На меня он произвел очень глубокое впечатление — это был человек с отзывчивым, самоотверженным сердцем и быстрым, пронзительным умом. Помимо других его ценных советов по Иисусовой молитве, мне очень помогло в уединении наставление из личного опыта отца Тихона: «Земные поклоны, совершаемые с Иисусовой молитвой, окрыляют душу! Не забывай о них, борясь за свое спасение!» Светлая всем вам память, дорогие мои старцы, стяжавшие непреходящую тишину душевную, стяжать которую пришла очередь наших поколений. Борьба со страстями делает человека разумным, борьба с помыслами делает его духовным, а чистота сердца делает человека святым.

Как же оберегал и хранил архимандрит Кирилл свое благодатное устройство — тихость и кротость души? Неуклонным следованием воле Божией, вплоть до полного самоотречения: «Мы можем обрести истинный покой и безопасность только в сердечном убеждении, что мы плывем по сему морю житейскому не сами собой, а по воле Господа, плывем к предначертанному Господом берегу вечной жизни, в блаженное

пристанище Царства Божия. Плыдем в невидимом, но тем не менее спасительном присутствии с нами Самого Господа». Нужно, следуя правде событий, сказать, что встречались и относившиеся с неприязнью к старцу, особенно за то, что он привлекал людей в монашество. Также в окружении старца присутствовали неизбежные ревность и зависть других духовников и их чад, распространявших о нем негативные слухи и домыслы. Зная, что некоторые из посещавших его таких чад имеют в себе подобное двоедушие, старец тем не менее принимал всех и помогал им, беря на себя их скорби и даже болезни.

В Лавре знали приставленного к монахам сотрудника, крупного человека с тяжелым взглядом серых навывкате глаз, ходившего в подряснике с белым подворотничком. Многие избегали его, не желали с ним встреч. Когда он заглядывал в алтарь, то старые архимандриты нередко добродушно подшучивали над ним. Придя в Лавру неверующим человеком, он не смог устоять пред кротким, исцеляющим действием благодатных слов отца Кирилла, который всегда пытался вразумить его и все-таки победил. Батюшка много и часто молился об исправлении заблудшего, и тот, чувствуя это, чрезвычайно уважал старца, который всегда ласково приветствовал его. И этот человек неожиданно исправился и у всей братии просил прощения. В своем искреннем и полном раскаянии он рассказал монахам, кем был на самом деле. После бывший сотрудник ежедневно ходил на службы и соблюдал все правила Церкви. До кончины своей он окормлялся у отца Кирилла.

Батюшка, не жалея себя, помогал делом и словом монахам и мирянам, поучая и наставляя всех: «Держитесь, держитесь истин Святого Евангелия; тот, кто не держится их всем сердцем, падет, как сухое дерево». Некоторые чада, бывало, рассказывали ему о случившихся сновидениях, в которых имели сильное

утешение. Старец предостерегал: «Следуйте во всем заповедям евангельским, не доверяйте снам, чтобы не остаться обманутыми». Он советовал мирянам: «Имейте добрую совесть и учитесь сострадать друг другу, ибо это начатки Христовой любви». Монахов увещевал: «Умейте прощать согрешения собрата своего, не осуждайте, но молитесь друг за друга. Простил согрешения брата — изгладил свои грехи; перестал осуждать ближних — приблизился ко Христу, не осуждающему грешников. Прекращение осуждения и молитва за всякую душу православную — это начатки спасения во Христе».

Об искушениях старец говорил: «Если не потерпите малого искушения, оно станет более тяжким. Нигде не найдете от него избавления, если не смиритесь. Всякие невзгоды обращайтесь в молитву — другого пути нет. Заботьтесь о других больше, чем о самих себе, это начатки несения креста Христова». Сам приемля скорби как истинное благоволение Божие, отец Кирилл завещал всем христианам: «Если в скорбях мы будем видеть не просто несчастья, а истинный крест Христов, тогда пойдем, почему души скорбящие — любимые дети Божии».

Ровные мирные отношения между людьми архимандрит Кирилл всячески поддерживал и одобрял. Его любимой поговоркой были слова: «Худой мир лучше доброй ссоры». Вражду он останавливал и всегда старался ее предупредить, чтобы она не разрушала монашеское единодушие: «Вражда — самое испытанное средство дьявола. Поэтому желаю вам, чтобы братство было единодушное, чтобы снисходили друг к другу, прощали друг друга. Как апостол Павел сказал: „Возлюбленные избранные Божии, облекитесь в милосердие, благодать, смиренномудрие, кротость,

*долготерпение, снисходя друг другу и прощая взаимно обиды, жалобы*¹⁴».

1990-е годы стали временем развала России. В тяжелые времена предательства, насилия, подлости архимандрит Кирилл поддерживал людей и утешал. Одним он был поддержкой и укреплением, другим — неммым укором. Батюшка учил самому простому — вере, правде, прямоте, мужественности, благоговению. Он поднимал свой крест спокойно и с достоинством, свой правдивый голос — только за истину. Батюшка никогда не поддерживал раздоры, но стоял непреклонно за народ, за Россию, за православных. Он никак не мог остаться безучастным, приняв на себя скорбь охватившую народ при виде разрушенной страны. В 1993 году он сказал: «Да, хребет России почти сломали, но она еще восстанет».

Архимандрит Кирилл вошел в известность, когда Советский Союз уже распадался. Новая власть шла на смену старой, шагая по головам предшественников. Разрушители России вновь выбрали ложную линию движения — без Церкви. Батюшка говорил: «Коммунисты — это захватчики, а после них придут еще хуже. Все, что строится без Бога, заведомо обречено и потому — губительно». Отец Кирилл никогда не был политиком или «серым кардиналом». В простоте и чистоте души он жил жизнью, далекой от политических хитросплетений. Старец в отношениях с государством всегда оставался миротворцем, не погружался в водоворот земных дел, он любил «чистое делание» — быть с Богом, «чтобы Господь был рядом», и этому учил людей. Ему ли, отошедшему от злобы мира сего, властвовать, вести интриги, назначать, смещать, грозить? Он принимает скорби просто и спокойно: «Надо не переставать повторять себе, что скорби чрезвычайно полезны душе нашей, что они ведут нас ко спасению, и не их мы дол-

14 Кол. 3, 12.

жны бояться, а того, чтобы Господь не забыл о нас, — вот и истинно была бы величайшая скорбь. А когда Он посылает нам кресты, это доказывает не только памятование Его о нас, но и любовь к нам, грешным». Его главным назиданием русским людям в тот злосчастный период разваливающегося государства были слова: «Что бы ни происходило с нами или со страной, единственный выход из всех ситуаций — вернуться ко Христу». К Церкви обращалась всегдашняя забота батюшки: «Церковь не должна быть рабски зависима от власти, она не может жить в неволе». И добавлял: «Однако гонения ей полезны». Меньше всего старец был орудием власти.

Архимандрит Кирилл по характеру своему вовсе не был политиком. Но вся жизнь его и жизнь Лавры переплелась с судьбой России во всех ее болях и страданиях. Молитвой, словом, благодатью он поддерживает Россию, государство. В этот труднейший период в жизни страны духовник находит ответы, идущие из глубины его освященного сердца, и бескорыстно делится ими со всеми, кто обращается к нему за советом и поддержкой. Он дает неиссякаемое ощущение истины, мужественной и решительной, всегда направляет на служение Богу и людям, на борьбу с грехом внутри сердца человеческого. Его наставления ясно указывают, что нам необходимо постоянно преодолевать себя.

Со временем сердце, истомленное многими испытаниями, начало сдавать. В окопах Сталинграда батюшка получил туберкулез. У него также периодически обострялась хроническая пневмония. Он пережил тяжелые ранения, язвенную болезнь 12-перстной кишки и многое другое. В конце концов он сам принял решение о том, чтобы его госпитализировали. Положили его в кафедральную клинику в Москве на Пироговке. Поставили ему кардиостимулятор, и все пошло хорошо. «Машинку мне привезли, я ее святым

маслицем помазал, чтобы она хорошо работала, — рассказывал батюшка. — На все воля Божья». В больнице много читал. Когда его спрашивали, что он читает, отец Кирилл отвечал: «Первоисточник». Так батюшка называл Евангелие. Со стимулятором он прожил еще долгое время. За три года до смерти стимулятор удалили, и старец чудом прожил без него.

Старец духовно рождал людей, обладавших свободным духом, не рабов мира сего, склонившихся пред властью наживы. Смиранный человек — это, несомненно, очень мужественный человек. Отец Кирилл, образец смирения, жил в коммунистические времена. Лично его режим не тронул: укрыли стены монастырские. Но он стал сердцем России и взял на свои солдатские плечи ее тяжелый крест.

Бедность, старость, простота и равнодушие к успехам и благам мира сего, вечное стояние «перед лицом Божиим», самоотверженный труд духовника и молитва делали его совершенно свободным в понимании истины. Можно ли было отца Кирилла заставить сделать что-нибудь такое, что противилось бы «гласу Божию»? Конечно, нет. «Веровать в Господа Иисуса Христа в тайне своего сердца, но не исповедовать веры своей явно, — говорил батюшка, — значит веровать только половиной своего сердца. В таком раздвоенном сердце нет всецелой любви к Господу Иисусу Христу, и вера такого человека не дает полной надежды на спасение». Старец всегда напоминал всем слова Христовы: «Кто постыдится Меня и Моих слов, того Сын Человеческий постыдится, когда приидет во славе Своей и Отца и святых ангелов»¹⁵.

Старец никогда не восставал на Церковь и глубоко почитал иерархию: «Самое главное — надо любовь хранить. Не нужно никакой вражды, никаких расколов учинять. Враг боится мира. Будем помнить, что по

15 Лк. 9, 26.

причине умножения беззакония во многих охладает любовь¹⁶. «Нельзя осуждать друг друга и тем более архипастырей, чтобы не страдало единство Церкви», — говорил батюшка. При этом архимандрит Кирилл призывал к бдительности и внимательности к своей душе, поскольку отречение от Христа может происходить неприметно, поэтапно.

Поток людей, идущих к старцу, не иссякал и в Переделкине. Он вздыхает о любимой Лавре, но понуждает себя привычно смиряться. К концу жизни архимандрит Кирилл стал всенародным учителем, всероссийским старцем, заступником и утешителем простого народа. Батюшка в свои последние годы — признанный облик благочестия и простоты, носитель духовной мудрости, любви и благодатного рассуждения. Он по-прежнему одаряет посетителей духовными советами, сладостью евангельских слов и вручает им как благословение иконочки, четки, конфеты и фрукты. Его часто посещали военные — и отставные, и служащие в армии. С ветеранами войны архимандрит Кирилл был особенно приветлив. «Все мы, кто там тогда был, с фронта, как я, кто с угольных шахт, были испытанные жизнью, — делился он с ними воспоминаниями о Лавре первых послевоенных лет. — В армии теперь как? Отслужил год — и все, поезжай домой. А мы шли служить, не зная конца срока службы. Сколько война продлится? Никто не знал!»

Слабость физическая все больше подкрадывалась к нему. Постоянное перенапряжение сил не могло не сказаться на здоровье старца. Часто Святейший исповедовался архимандриту Кириллу со слезами, по скупому свидетельству батюшки. Он никогда не боялся говорить Патриарху о том, какие его решения могут быть неправильными и опасными.

16 Мф. 24, 12.

Старец принимал все обстоятельства своей жизни как волю всеведущего Господа — спокойно и благожелательно. Этому терпению он учил нас: «Мы ропщем иногда на болезни, между тем как должны бы благодарить за них, потому что, не говоря о будущей награде за страдания, болезни благодетельны и тем, что укрощают наши страсти, которые могли бы в нас усилиться и Бог весть до чего довели бы нас. А потому, если посетят тебя болезни, старайся их переносить с терпением и не искушайся мыслью, что они мешают твоим подвигам духовным». Для батюшки, возлюбившего скорби, они стали источником спасения, благодатным средством освящения души.

Бог дал нам в тот период удивительную возможность еще не раз увидеть батюшку в добром расположении духа, забывшего о своих недомоганиях, увидеть как в госпитале, так и в Переделкине. В старости дух его приобрел абсолютную гармоничность и просветленность. К сожалению, слабость телесная все больше одолевала его. Начали ограничивать допуск к нему. Это расстраивало старца, но иной раз он и сам чувствовал, что силы покидают его. Отец Кирилл хорошо знал, что медицина без Бога — ничто: «Все эти земные средства медицинского искусства, конечно, без Божиего благословения — бессильны».

Он продолжает наставлять и окормлять людей, несущих ему свои скорби: «Тяжко бывает потому, что душа искушается бесовской силой. Молитва и терпение нужны. Тогда все вражье отойдет». Старец обращается к молодежи со словами увещания: «Прежние поколения при коммунистах не имели столько книг духовных, как сейчас, а жили по Евангелию!» Его думы, как всегда, с Россией: «Будет ли у нас царь? Очень сомневаюсь. Четыре поколения жили без Бога... и война на короткое только время сплотила». На вопросы о просмотре фильмов на религиозную тему дает свой совет: «Где

духовное, там и греховное. В миру обязательно что-то подцепишь нехорошее. Что нужно и без этого будешь знать. Не волнуйся, от „прогресса“ не отстанешь».

Больше всего старца волнует внутреннее благочестие верующих: «Будут люди каяться, будет самодисциплина и порядок в людях, будет и возрождение Православия в России». Отец Кирилл напоминает всем о том, что наши всевозможные планы на будущее и житейские намерения — будь то отдельный человек или целый народ — могут рухнуть в один момент, если мы не следуем за Христом, за Его Божественным промыслом: «Мы не имеем никакой меры для оценки правильного течения нашей жизни. Поэтому часто все наши жизненные постройки терпят крушение и под своими обломками тяжело ломают нас. Почему так происходит? Потому что мы пренебрегаем истинным и правильным путем, показанным нам Господом в Своем евангельском учении». Архимандрит Кирилл, неся на себе скорби народа, скорбел вместе с ним: «Если народ не опомнится, глубоко не раскается, не прекратится разложение нравов, то хорошего ждать нечего. Можно ждать только гибели».

Свистит, гудит ветер в соснах. С низкого серого неба сеется мелкая влага. Непогода и простуды расшатали здоровье старца. Он реже бывает на службах, которую ему теперь вычитывают в келии монахини. В окна доносится перезвон колоколов. Не всегда хватает сил, но старец преодолевает себя и продолжает исповедовать народ. Часто людское пренебрежение к его телесным недугам доставляло старцу много мучений. Паломники иной раз убивали его своей «любовью», как ни горько это писать. Они зачастую забирали у него последние силы: «Родные мои, — умолял старец со своей койки, — мне плохо, сил нет! Болею я, дорогие мои!» — «Знаем, батюшка, знаем, помоги Вам Господи!

Но нам чуть-чуть поисповедоваться!» И старец принимал их и исповедовал.

Батюшка давно собирался подлечить зубы. Его отвезли в государственную больницу, оттуда переправили в частную клинику, где ему вырвали множество зубов. Архимандрит Кирилл, не имея сил перенести эту операцию, потерял сознание...

4 декабря 2003 года он перенес тяжелый инсульт, навсегда уложивший его на ложе болезни. Полная неподвижность. Целый день в окне светлые облака, они словно застыли в дремлющей морозной синеве. Из слегка приоткрытой форточки — запах свежего, чистого снега. Сильно ослабевший, исхудавший, изможденный долгой болезнью, приговорившей его на все последние годы к постели, отец Кирилл всех приходивших к нему, пока еще мог, встречал благодатной тихой улыбкой, которая как будто светила людям откуда-то с небес, полная мудрости и света, напоенная нескончаемой любовью. «Добрым людям — добрый вечер!» — мы словно еще слышим его ласковый голос. Вскоре он перестал говорить, видеть, а потом и слышать. Верным чадам батюшки стало весьма прискорбно, поистине, как говорил старец: «Имеем — не ценим, потерявши — плачем». Небесный свет на земле становится улыбкой человека, прикоснувшегося к нему.

Как-то С. И. Фудель написал: «Жизнь человека — великое одиночество». Острее всего каждый из нас ощущает это в болезни. Позади крест деятельный, старец теперь на высоте креста созерцательного, одухотворяющего. Мы видели в этот период отца Кирилла настолько просветленным и лицом и глазами, настолько преображенным телесно, что не могли сдержать слез. Высота его духовного подвига даже устрашает своим запредельным восхождением. Он для всех нас, любящих и знающих его, — подлинный пример святости; он — глубоко русский, всеобъемлюще православный.

Подвиг его всечеловечен. Однако в нем есть чисто русское качество — полное единение с народом. Отсюда та всенародная любовь к нему в России. Для батюшки болезнь стала последним высочайшим подвигом духа. Смерть — это последний экзамен смирения человека. Старец почил в Господе вечером 20 февраля 2017 года в Патриаршей резиденции в Переделкине. Он оставил всем нам свое духовное завещание в мудрых своих проповедях: «Сделаем Евангелие главной книгой своей жизни и не будем расставаться с ним, но всегда будем поучаться в нем, помня, что это — слово Божие, воля Божия, в исполнении которой — жизнь вечная».

Враждебность мира преодолевается только любовью, потому что любовь бесконечна. Архимандрит Кирилл положил душу свою за народ свой, по слову Господа: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих»¹⁷. В этой Христовой заповеди — все величие человеческой души. Через отца Кирилла в каждое сердце текла любовь Отца Небесного, рождая в нем ответную искреннюю любовь. О преподобном Сергии говорится в акафисте: «Во плоти живой духовно, на земли — небесно, в человечестве пребывая ангельски, в мире — премирно». Истина — это то, что помогает нам жить в вечности. Батюшка явил на деле своим примером, что такое духовная жизнь, вводящая душу в жизнь вечную. Кончина старца, заступника, духовника и молитвенника, принесла всем любящим его чувство невосполнимого сиротства. Но с нами остается живое и действенное слово его: «Кто любит ближнего для Бога, Которого он любит, видит все и ненавидит притворство, неискренность и всякую неправду». Навсегда останется в наших душах удивительный духовник, человек святой души, боговдохновенный старец, осиявший невечерним светом Христовой любви жизнь многих сотен и тысяч людей,

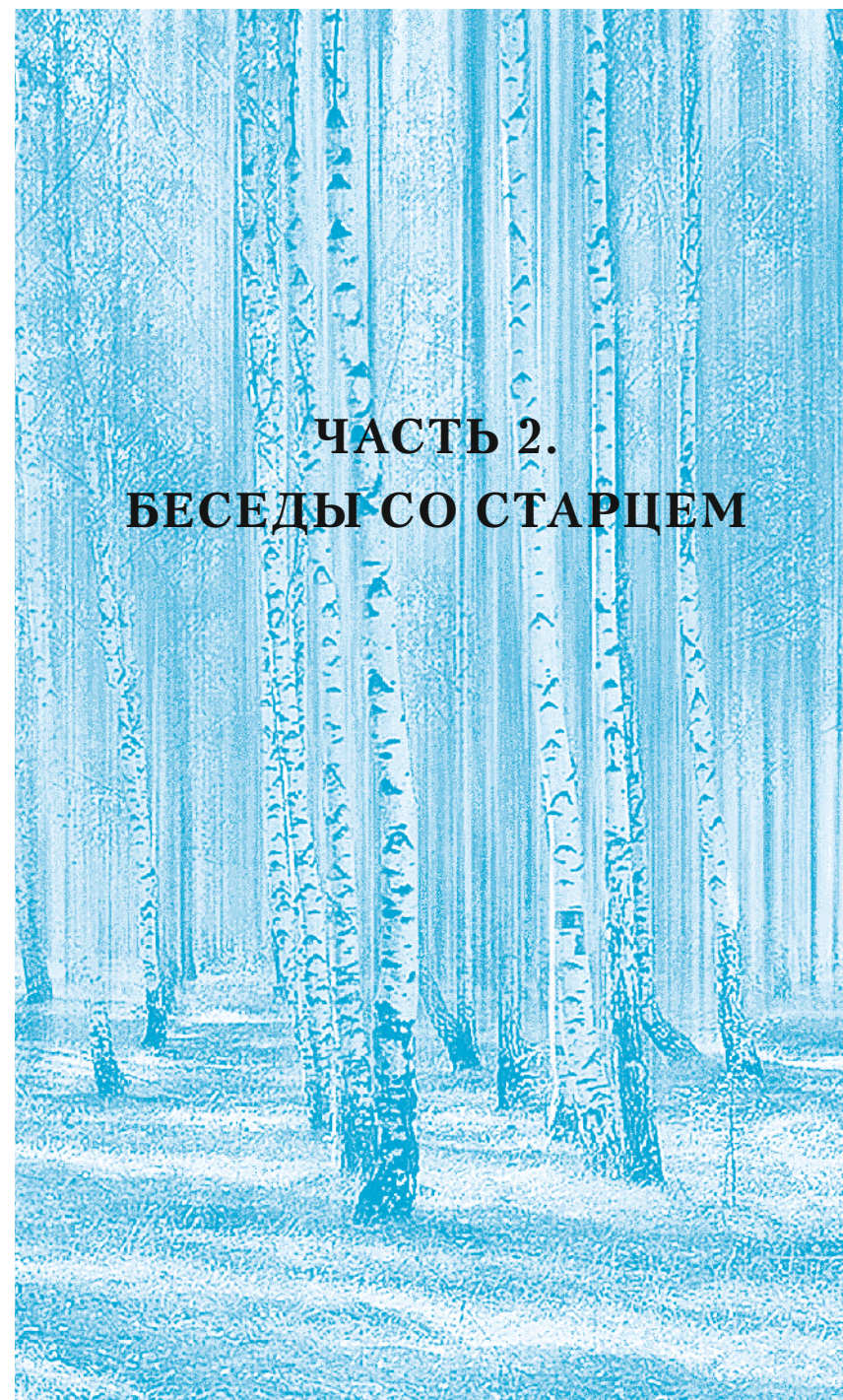
17 Ин. 15, 13.

возлюбивших Господа. Что же такое смерть праведника? Когда даже наши рыдания становятся удивительной, торжествующей песней в честь воскресшей души в нетленном свете Святого Духа, это песнь жизни вечной, которую стяжала душа почившего праведника, это победа, победившая мир, вера наша¹⁸, когда времени уже не будет!¹⁹

18 1 Ин. 5, 4.

19 Откр. 10, 6.

*Надо иметь постоянную жажду
искания правды Божией.*
Архимандрит Кирилл (Павлов)

ЧАСТЬ 2.
БЕСЕДЫ СО СТАРЦЕМ

Рассуждение — от Евангелия

Батюшка сказал: «Хорошо учиться следовать воле Божией и поступать по Евангелию, а разбираться в том, кто прав или не прав, мало смысла, поскольку, по большому счету, никто не прав: „Для чего бы вам лучше не оставаться обиженными? Для чего бы вам лучше не терпеть лишения?“²⁰ Помните: тому Бог поможет, кто потерпеть может!»

«Глубокое рассуждение, — говорил старец, — приходит к людям не от обучения, а только от того, что, возлюбив всем сердцем Евангелие, они всеми силами стремятся постичь его».

«Разве какую-нибудь радость можно найти у богачей? — спрашивал батюшка. — А ведь она часто встречается у тех, кто живет на одних сухарях и воде, спит, положив ладонь под голову и одет в один поношенный подрясник. Как может быть иначе? Таков истинный монах».

«У любого человека, — считал отец Кирилл, — можно научиться добру, если уметь разглядеть в нем что-либо хорошее, но у святого человека можно научиться наилучшему — стяжанию благодати».

Старцу сказали: «Батюшка, против Вас некоторые люди затеяли происки». Он ответил: «Христос — мой помощник и покровитель, что могут сделать мне люди?»

У старца спросили: «Батюшка, вы обладаете прозорливостью?» Отец Кирилл ответил: «Чада мои, я — обычный человек. Есть люди, которые стараются жить по воле Божией, и что Бог положит им на сердце,

20 1 Кор. 6, 7.

то они и говорят. Вы же старайтесь больше держаться рассуждения».

Старцу сообщили: «Один известный богослов ищет встречи с Вами». И спросили: «Что Вы на это скажете?» Батюшка ответил: «С известными людьми я не ищу особых встреч, но, если ко мне придет смиренный человек, буду рад, очень буду рад».

Старца спросили: «Батюшка, как общаться с грешниками?» — «Если каются, то общайтесь по-доброму. Когда человек искренно кается, его грехи очищаются покаянием. Однако не следует думать о себе высоко; это дух фарисейства, самовозношения, это опасный недостаток. Поэтому нам всем покаяние и оставлено для спасения».

Старец наказывал: «Строго блюдите свою совесть!» На это ему возразили: «Но ведь главное — блюсти смирение?» Старец ответил: «Христианская совесть — это и есть врата смирения».

«Как относиться к произносимым словам?» — спросили старца. «От наших слов требуется во всем искренность и знание Евангелия, поэтому относиться к своим словам следует с большим вниманием и рассудительностью. От слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься²¹».

О наших поколениях

Старцу сказали: «Отче, вы в рассуждении не уступаете древним отцам!» Батюшка ответил: «Но статья

21 Мф. 12, 37.

во всем подобным им нашим поколениям уже не дано, не дано, да».

В ответ на похвалы старец сказал: «Разве можно говорить, что мне чего-то удалось достичь в мудрости и рассуждении? Просто душа моя стремится постоянно жить Евангелием, и этому я учу других».

Как-то старец сильно разболелся. Многочисленные чада начали читать Псалтирь, молясь о его здравии. Келейник сказал ему: «Батюшка, о вашем здравии чада усиленно молятся по Псалтири, зная, как Вам сейчас трудно самому молиться!» — «Почему же трудно? Сказано: „Да славит Тебя душа моя и да не умолкает. Господи, Боже мой! Буду славить Тебя вечно“²². А за молитвенную помощь очень всем благодарен!»

Старец учил: «Осуждающий других всегда сам впадает в искушения, неосуждающий не знает преткновений. Он всегда чувствует милость Божию».

Батюшка говорил: «Скупой беднеет быстрее щедрого, а упрямому достается скорбей больше, чем смиренному, поскольку щедрый, отдавая, приобретает благодать, а смиренный, уступая, стяжает спасение».

Старец наставлял: «Доброта без Христа ведет к лицемерию, смирение без Христа — к трусости, а смелость без Христа — к нетерпимости».

²² Пс. 29, 13.

Батюшка объяснял: «От того, кто забывает сделанное ему добро, отходит милость Божия, а в того, кто не забывает милосердия Христова и добра людей, вселяется Христос».

Старец наказывал ученикам: «Живите по евангельским заповедям так внимательно, как будто идете по тонкому льду; и Господь понесет вас на Своих руках».

Лучше выглядеть незнающим

Старец говорил: «Лучше выглядеть незнающим, когда знаешь, и лучше переспросить, даже когда думаешь, что знаешь достаточно хорошо».

Батюшка учил: «Для верующего смирение — легкое бремя Христово, и если он отдал свое сердце Христу, разве это для него тяжесть?»

Старец объяснял: «Человека невозможно силой принудить к вере, монаха невозможно грубостью принудить к послушанию, ибо все это — дело добровольное».

Отец Кирилл говорил: «Ненавидеть грешников — это не Православие. Православие значит — ненавидеть грех».

Батюшка сказал одному монаху: «Да пусть кто-нибудь даже воскрешает мертвых, но если он горд, грош цена всем его чудесам!»

Старец призывал монахов: «В борьбе со своим грехом стойте насмерть как воины Царя Небесного, а видя грех ближнего своего, будьте кротки, как голуби Христовы».

Батюшка советовал монахам-пустынникам: «Стыдитесь жить богаче бедных мирян в деревнях, стыдитесь быть менее смиренными, чем сельские жители».

Старец говорил духовным чадам: «Если хочешь осудить другого человека, сначала поставь себя на его место, а если хочешь избавиться от неприязни к нему, поставь его на свое место».

Батюшка учил: «Старайся вникать в Евангелие так, словно ты не можешь достигнуть предела понимания, храни благодать так, словно ты каждый миг опасаясь ее утратить».

Старец вспоминал: «Прежние духовники, чтобы не согрешить, предварительно взвешивали каждое дело, словно просеивали муку, а от самого мира держались в стороне, словно боялись обжечься».

Кто может дать добрый совет

Старец говорил: «Того, кто может дать добрый совет, редко можно найти, даже если рядом Духовная академия, — старец улыбнулся. — Ко мне на исповедь ездил один батюшка из глубинки. Вот он, можно сказать, восполнял недостачу».

Отец Кирилл вспоминал: «Знавал я одного владыку: он постоянно постился, а людей угощал обильно, ходил в стареньком подряснике, а у престола воздевал руки, сияя лицом и облачением, жил в маленькой квартирке, а строил великий собор на радость православному народу. Такой владыка, несомненно, явил в себе образ Божий».

Старец говорил: «Исповедовать людей — наше призвание, отцы и братья! Нынче, когда я болею, все мне советуют не принимать никого на исповедь. Пусть я буду против всех, но кающегося приму обязательно».

Старец призывал: «Отцы и братья, будем хранить верность Свято-Троицкой Сергиевой Лавре! Ныне умножилось в ней монашеское племя, яко птицы небесные, что было открыто некогда в видении преподобному Сергию. Что же мне сказать вам? Имейте мир между собою, честные отцы, чтобы этим вас отличали все входящие в ее врата».

К старцу обратились с вопросом: «Батюшка, говорят, что наше время — это время оскудения хороших духовников и старцев и в обителях не найти духовной жизни. Особенно трудно с этим в женских монастырях. Что же делать тому, кто хочет принять монашество?» — «С таким утверждением я не согласен. Если человек придет по призыванию Божию в монастырь, Господь

даст и силы, и утешение, и духовную помощь. А спасение совершается и будет совершаться в монастырях. Это лучше, чем находиться в миру».

«Батюшка, что лучше — монастырь или пустыничество?» — спросили однажды старца. «Куда кого призывает Господь: на служение ближним или в уединение, то и будет для него лучшим. В монастырях мы служим людям, утешаем их и помогаем им духовно, а в уединении непрестанно молятся Богу и соединяются с Ним».

Молодой иеродиакон признался: «Батюшка, боюсь в келии ночью молиться, а вдруг бесы явятся?» — «Не бойся, — улыбнулся старец. — Ты прежде береги себя от дурных помыслов, а береженого Бог бережет! Если так будешь делать, все будет хорошо...»

Семинарист, собравшийся посетить пустынников, сказал старцу: «Батюшка, хочу пустынников проведать, но опасаясь волков в лесу...» — «Ты опасайся сердечных волков. А земных зверей не бойся: волков бояться — в лес не ходить! Бог тебя благословит, а я помолюсь о тебе...»

Отца Кирилла спросили: «Батюшка, как относиться к иглоукаливанию?» — «Восток — к этому нужно относиться осторожно».

Одного монаха, духовного сына батюшки, благословили возглавить возрождающийся монастырь далеко на Севере. Монах попытался отклонить это благословение: «Отче, как я поеду в такие дикие места после Лавры?» — спросил он. «Какая дикость может быть там, где есть смиренный монах?» — ответил старец.

Слушать внимательно

Один монах как-то сказал отцу Кириллу: «Батюшка, как Вас благодарить за то, что Вы мне открыли столько духовных истин в Ваших беседах?» — «Просто ты слушал более внимательно, чем другие», — ответил старец.

Старец в беседе заметил: «Очень трудно найти человека, который бы так же любил блаженную чистоту сердца, как грешники — свои скверные помыслы».

Батюшке однажды сказали: «Очень много Ваших чад стали епископами!» — «Это так, — подтвердил старец, — и я никогда не видел, чтобы они останавливались в изучении Евангелия».

Отца Кирилла спросили: «Батюшка, почему не все люди, слушая Ваши проповеди, стали добродетельными?» — «Бывают плодоносные растения, а бывают пустоцветы», — ответил старец.

Батюшку спросил некто: «Отче, почему после слезного раскаяния в своих грехах я снова грешу?» — «Потому что ты, хотя и явил раскаяние, но не покайся». — «Как же так, отче?» — «Тот, кто приносит покаяние, тут же исправляет себя!» — пояснил старец.

Монах пожаловался отцу Кириллу: «Отче, снова совершил ошибку в послушании, простите! Боюсь, что опять ошибусь от рассеянности». — «Не бойся своих ошибок, бойся не исправлять их!» — ответил старец.

Батюшка наставлял монаха: «Не стыдись ходить в заплатанном подряснике, стыдись ходить как неряха».

Старец сказал: «Только зимой видно, какие деревья остаются зелеными, и только в скорбях видно, какие люди истинно верующие».

Один священник пожаловался: «Отче, всегда сомневаюсь, правильно ли я говорю в проповедях...» — «Если хорошо знаешь то, о чем хочешь сказать, зачем сомневаешься? Если же не знаешь, учись, пока не исчезнут сомнения».

Рукоположенный в иеромонахи сказал: «Отче, когда служу, очень тревожусь, не упущу ли чего?» — «Смиранный не тревожится об этом», — ответил старец.

Душа после смерти

Старца спросили о состоянии души после смерти. Он ответил: «Узнай, чем живет твоя душа при жизни, и узнаешь, как она будет жить после смерти. У Бога нет мертвых, у Него все живы».

«Батюшка, какое отношение к Евангелию должно быть у нас?» — «Когда мы молимся, — ответил старец, — мы говорим с Богом, а когда читаем Евангелие, Бог говорит с нами».

Когда отца Кирилла спросили о духовности другого старца, он ответил: «Знай себя, и будет с тебя! Сделай себя духовным старцем, и не нужно будет спрашивать о других старцах».

Одного монаха старец укорил: «Ты мало прилагаешь усердия в молитве, чтобы стяжать благодать». А другому сказал: «Ты слишком усерден в молитвен-

ных подвигах, старайся не заболеть». Оба эти монаха пришли к батюшке за разъяснением. «И то, и другое — крайности, дети мои, а крайности — от лукавого», — ответил старец.

Один монах попросил у старца благословение на юродство. «Ты желаешь совершенного, отец. Выкинь это из головы, — посоветовал старец. — Но иногда юродствовать можно, только осторожно», — с улыбкой сказал он.

Послушник спросил у старца: «Батюшка, то, что мне скажут, тут же исполнять?» — «Исполни тут же, послушнике». Присутствующий при этом разговоре архимандрит спросил: «Отче, я тоже послушник. И мне тоже благословите так поступать?» — «Поступай по рассуждению, честный отче». — «А в чем разница?» — удивился архимандрит. «Новонаначальному нужно развивать отсечение своей воли, а опытному монаху — рассуждение», — ответил старец.

«Долгонько ты не приезжал! — сказал старец приехавшему пустыннонику. — Должно быть, уже забыл обо мне?» — «Как я Вас могу забыть, отче, если Вы — моя жизнь?» — ответил пустынноник. Батюшка был тронут и ласково обнял его.

Один пустынноник спросил старца, не будет ли вреда, если он начнет питаться мукой, растворяя ее в воде. «Вреда от этого не будет, пустыннонике. Будет вред, если начнешь этим гордиться».

Монах спросил у старца: «Батюшка, что значит — быть смиренным?» — «Победить себя и не делать того, что чуждо смирению». — «Благословите, отче, чтобы

Бог дал мне сил и умения исполнить ваше слово!» — сказал монах. «И рассуждения!» — добавил старец.

Старец спрашивал пришедших к нему в келию старших монахов: «Что, отче, готовишься стать владыкой?» — «Готовлюсь, батюшка, благословите!» — «А ты, отец, принимаешь игуменство в новом монастыре?» — «Как будет воля Божия, старче, благословите!» В это время в келию, благословясь, вошел молодой иеромонах. «А ты, иеромонаше, кем собираешься стать?» Тот остановился, подумал: «Собираюсь пустынноиком стать, если благословите, батюшка!» — «Вот с тобой бы я поехал», — улыбнулся старец.

Что такое истинный монах?

У старца спросили: «Отче, скажите кратко: что есть Бог?» — «Это вопрос очень глубокий. Это вопрос сугубо богословский. Об этом трудно говорить кратко». — «Почему трудно, отче? Вы же закончили Духовную академию?» — «О том, что трудно постичь, трудно говорить кратко», — ответил он.

Батюшке задали вопрос: «Отче, что такое истинный монах?» — «Истинный монах не имеет ни опасений, ни тревог», — сказал старец. «Почему у него нет ни опасений, ни тревог, отче?» — «Если у истинного монаха есть смирение, чего ему опасаться, о чем ему тревожиться?»

Паломник, желающий поступить в монастырь, высказал свои сомнения старцу: «Батюшка, у меня с домашними полно скорбей, а в монастыре столько монахов и все такие разные, справлюсь ли я?» — «Если будешь считать себя хуже всех, то каждый монах в монастыре будет тебе родным братом».

У старца спросили: «Отче, кого можно считать разумным монахом?» — «Кого не волнует ни клевета,

ни похвала, тот разумный монах, — сказал старец. — Однако должно прилагать усилия, чтобы стать благодатным монахом, ибо в благодати истинный разум».

Батюшке сказали: «В настоящем монахе важно одно — есть у него благодать или нет? Зачем ему еще учиться в семинариях и академиях?» — «В хорошо вымытой посуде молоко дольше сохраняется, — ответил старец. — А в должным образом приготовленной душе лучше усваивается благодать».

Монахи спросили старца: «Отче, с чего начинается монашеский рост?» — «Монашеский рост всегда начинается с корня. Корень его — смирение. Если есть корень, то будут и ветви — спасение».

Отца Кирилла спросили: «Что должен делать монах?» — «Монах должен утром, днем и вечером вопрошать себя. Утром: что я собираюсь хранить? Мир души. Днем: что я не должен терять? Молитву. Вечером: с чем я должен отходить ко сну? С покаянием».

Старец говорил: «Монах, обретший благодать, становится подобен магнитной стрелке компаса. Он всегда указывает людям одно направление — к спасению».

У старца спросили: что такое любовь? «Это когда человека благоговейно принимают как Христа во плоти, когда смиренно служат людям, а не руководят людьми, когда самоотверженно отдают жизнь ради людей, чтобы стяжать жизнь вечную». Отец Кирилл исполнил эти слова на деле.

Ценнее всего — смирение

Старец учил: «В молитве ценнее всего — смирение. В послушаниях ценнее всего мир душевный. В делах ценнее всего любовь к людям. Если дела исполнять без любви к людям, никакие дела не принесут пользы».

Батюшка говорил: «Если монах во время трапезы не думает о том, как бы побольше набить желудок, на послушаниях не помышляет о том, как бы поспать, в исполнении дел не отвлекается от молитвы и расторопен, то, можно сказать, он правильно учится монашескому искусству».

Старца спросили: «Отче, что Вы скажете о монахе, который не пресмыкается пред начальством, а получив монастырскую должность, не зазнается?» — «Он хорош как человек. Но еще лучше, когда монах в скорбях умеет радоваться, а прожив долгое время в монастыре, умеет непрестанно молиться. Он словно морской булыжник: со всех сторон обкатан, отшлифован и не имеет углов. Такой монах подобен ангелу во плоти».

Отец Кирилл сказал одному духовнику: «Не скорби, что к тебе идет мало прихожан. Скорби, что ты не нашел путь к их сердцам».

Батюшка говорил: «Все „Добротолюбие“ можно пересказать в двух словах: „внимание“ и „молитва“. Кто бережет внимание, того бережет молитва».

Старец учил: «Если с помощью правил и установлений исправлять монашество, то монахи впадут в уныние. Если их исправлять любовью и смирением, многие станут святыми».

Батюшку спросили: «Что такое монашеское послушание?» — «Не оставлять молитву». — «Что же это значит?» — «Это значит: вставать с молитвой, исполнять возложенные обязанности с молитвой и засыпать с молитвой. Помните, как сказано: „Не заботьтесь ни о чем, но всегда в молитве и прощении с благодарением открывайте свои желания перед Богом²³“».

«Что такое трезвение?» — спросили отца Кирилла. «Когда монах живет молитвой и дышит молитвой — это и есть трезвение».

Старцу задали вопрос: «Каким должен быть послушник?» — «Он выслушивает благословение со вниманием и исполняет его с разумением. Так он становится рассудительным монахом».

«Если монаха окружают скорби, где ему укрыться? — спросили батюшку. — В келии?» — «Кто сказал, что в келии нет скорбей? В сердце своем укрывается монах, в сердце, где живет Христос».

Что такое послушный монах?

Старцу задали вопрос: «Какой монах истинный послушник?» — «Тот, кто внимательно слушает и безукоризненно слушается. Что значит „безукоризненно“? Это значит, что он во всем отсекает свою волю. Сейчас это понимают всего лишь как исполнительность. Но ведь и животные исполнительны, если стоять рядом с ними с палкой. Как говорится: послушна любая скотина, когда рядом хворостина! Если не будет рассуждения, в чем же тогда разница?»

«Батюшка, а послушание не отнимает у послушника разум?» — спросили отца Кирилла. «Послушник на все распоряжения отвечает: „Благословите!“. Отсекая свою волю, становится ли он от этого глупым? Наоборот, это сильно развивает его понимание, отсекает помыслы и учит духовному уму-разуму. Монастырь поэтому — лучший университет!»

Старец говорил: «Смиранный, послушный монах — это благодатный сосуд разума Божия, ибо он весь исполнен благодати. Он, словно агнец, пред стригущим его безгласен и не отверзает уст своих, таким образом уподобляясь Самому Христу».

«В чем разница между мирянином и монахом?» — спросили старца. «Мирянин часто привязан к людям и не всегда умеет их любить. Монах любит всех людей, но никогда не привязан к ним. И среди мирян есть любвеобильные души, и среди монашества — не достигшие любви. Но у совершенного монаха любовь выше и шире, ведь он молится за весь мир!»

«Как можно монаху не быть честным? — говорил старец. — Разве такое возможно? Честный значит чистый сердцем, а чистые сердцем... Бога узрят²⁴».

«К чему молитва, если не проявлять к людям сострадание? — вопрошал старец. — К чему монашество, если не стяжать спасение?»

Монахи спросили батюшку: «В чем основа молитвы?» — «Хорошо спросили, отцы честные! В молитве покаяние лучше внимания. Поэтому покаяние — основа молитвы».

24 Мф. 5, 8.

Один из старших монахов поинтересовался: «Как привести строптивного монаха к смирению? Строгостью?» — «Если поставишь его под начало строгого монаха, строптивный монах будет прекословить, а если поставишь над ним смиренного монаха, то строптивный монах начнет подражать ему, и оба спасутся», — ответил батюшка.

«Что мне сказать о монахе, который не имеет благоговения к церковным службам и не стремится стяжать непрестанную молитву? — спросил батюшка, обращаясь к монахам. — Молчите, отцы? И я молчу!»

Отец Кирилл замечал: «Монах может быть робким, по неопытности, но никогда — трусливым, ибо у него брань против духов злобы поднебесных²⁵».

Обучение

Когда старец по вечерам устраивал чтение глав Ветхого Завета, он сам, бывало, останавливаясь, расспрашивал о смысле некоторых изречений у присутствовавших там преподавателей и студентов академии. Студенты перешептывались: «Батюшка закончил Духовную академию, а сам все спрашивает!» Старец поднял голову от Священного Писания и улыбнулся: «Вот это и значит — всегда учиться, отцы и братья: хотеть спрашивать!»

«Напрасно обучение Православию без молитвы, — наставлял старец. — Опасна молитва без обучения Православию».

25 Еф. 6, 12.

«Любопытство к чужим религиям, — полагал старец, — приносит только вред. Чем больше прильнешь к своей православной вере, тем большую обретеешь благодать, которой нет в других религиях».

Старцу задали вопрос: «Отче, что лучше всего может сплотить народ?» — «Вера, великие скорби и война». — «А без чего можно обойтись, отче?» — «Без двух последних можно обойтись, без первого нельзя», — ответил старец.

«Батюшка, коммунисты сильно Церковь притесняют! Как это можно вытерпеть?» — спросили отца Кирилла. «Концлагери вытерпели, войну вытерпели, а это время что, нельзя вытерпеть? В терпении вашем стяжите души ваша²⁶».

«Батюшка, можно ли знать, когда будет конец света?» — «О дне же том или часе никто не знает, ни ангелы небесные, ни Сын, но только Отец²⁷. Узнай свет истинный, ему же несть конца, и не будешь бояться конца света».

«Кто сообразуется с духом времени, не оставляя церковное Предание, тот может быть хорошим духовником», — считал батюшка.

«Батюшка, почему вы не становитесь епископом? — спрашивали отца Кирилла. — Сколько бы пользы принесли людям!» — «Сказано: „В малом ты был верен, над многим тебя поставлю“²⁸. Что это значит, отцы и братья? Это значит, что нужно учиться быть верным

26 Лк. 21, 19.

27 Мк. 13, 32.

28 Мф. 25, 21.

в малой благодати, чтобы получить от Бога большую. Если жить по благодати, это и есть польза людям. А быть епископом — не моя мера».

Старец говорил: «Ищущий во всем выгоду находит людскую злобу, а ищущий добродетели находит благодать».

«Искреннее стремление к спасению избавляет душу от всего греховного», — учил батюшка.

Что значит: «И это все приложится вам»?

Монахи задали вопрос старцу: «Отче, что значит „И это все приложится вам“²⁹?» — «Это значит, отцы, что к любви все приложится». Кто-то из присутствующих спросил: «И молитва приложится, отче?» — «И молитва, ибо любовь никогда не перестает³⁰, по слову святого апостола».

Студенты Духовной академии спросили: «Отче, что значит: „Ты священник вовек по чину Мелхиседека“³¹?» — «Значит по чину святого человека, познавшего Бога истинного и ставшего прообразом Христа Спасителя». — «А что значит, отче, выражение из Ветхого Завета: „Я есмь Тот, Кто Я есмь“³²?» — «Простите, это выше нашей меры, отцы и братья, а если бы пришел в такую меру, не знал бы, как изъяснить вам эту истину,

29 Мф. 6, 33.

30 1 Кор. 13, 8.

31 Пс. 109, 4.

32 См.: Исх. 3, 14.

чтобы вы познали ее, как свои пять пальцев! Ибо такое человек постигает с великим тщанием лишь Духом Святым, „Иже везде сый и вся исполняяй“, а не словами человеческими. „Я есмь Тот, Кто Я есмь“ — так может сказать о Себе только истинно Сущий».

Старец говорил: «По суждениям и оценкам человека можно определить, каково устройство его ума, ибо каждый судит и оценивает в зависимости от своих наклонностей и привязанностей. Но тот, кто свободен от привязанностей, говорит лишь то, что велит Дух Святой».

«В миру, — замечал отец Кирилл, — монах ничем не дорожит, ибо там дорожить нечем, а в монашестве он дорожит истиной, которую хранит Святая Церковь».

Старец наставлял монахов: «Терпеливый монах уповает на прощение от Господа, а смиренный монах считает себя достойным наказания».

Послушник спросил: «Батюшка, что значит возглас „Премудрость, прости“ перед чтением Евангелия?» — «Это значит, что, слушая Евангелие, когда его читает священник, мы должны слушать просто, то есть внимать обнаженным умом без всяких помышлений и отвлечений».

Старец учил: «Когда вы встречаете достойного человека, подражайте ему в добре, а встретив заблудшего человека, внимайте себе».

Отец Кирилл любил слушать церковные песнопения и говорил, что они веселят сердце, просвещают очи³³, очищают слух и разум. «Песнопения знать нуж-

33 См.: Пс. 18, 9.

но, — считал батюшка, — не все, конечно, но многие. В них все благодатно и все хорошо».

«Нужно быть смиренным, но не смиренненьким, добрым, но не добреньким, не подслушивателем слухов, а послушником, истинным христианином без всякого малодушия. Нехорошо, когда лицемерные губят веру и Православие. Если православные люди не будут заниматься молитвой, то Православие придет в упадок. Оно всегда было сильно молитвенниками, подвижниками, праведниками и святыми. Если мы будем служить друг другу в соответствии с Евангелием и любить друг друга в согласии с заповедями Господа, Христос всегда будет среди нас, чтобы пришли мы в познание истины, дорогие мои! Со страхом и трепетом совершайте свое спасение³⁴».

Монахи однажды сказали батюшке: «Отче, какой в Лавре в церкви Святого Духа чудный колокольный звон, малиновый!» Отец Кирилл, приложив припухшую руку к груди, молвил: «Как в сердце человеческого, когда оно исполнено Святого Духа...»

Ближние по духу

Старец спросил у монаха: «Где, честный отче, теперь служит твой друг?» — «Очень далеко на Севере, батюшка», — ответил тот. «Если бы ты его всегда помнил, то это не было бы для тебя очень далеко, — сказал старец. — Ближние наши — это те, которые близки нам по духу, а не по расстоянию».

34 Флп. 2, 12.

Батюшка учил: «У добродетели всегда есть друзья: стяжешь одну добродетель, вслед за ней подтягиваются и другие, чтобы вселиться в душу усердную и молчаливую, трепещущую словес Божиих».

Старец замечал: «У неспешащего меньше промахов, у молчащего меньше ошибок, у смиренного же его поступками руководит благодать».

«Единый монах, — говорил батюшка, — постигает единого Бога и становится святым, а если мирянин следует за ним, он становится праведным».

Старец наставлял: «Если стремишься к спасению, забудь об отдыхе, а если хочешь обрести благодать, забудь об осуждении».

Батюшка говорил: «Монах стремится, чтобы в нем победило одно только благо, мирянин колеблется между добром и злом, а заблудший увлекается грехом против воли. Смиренный сразу соединяется со смиренным Богом».

«В чем заключается покаяние?» — спросили отца Кирилла. «Покаяние заключается в решительном исправлении прямо сейчас, а не потом. Если вы исправитесь, вы все будете видеть другими глазами».

Старцу задали вопрос: «Батюшка, что значит: „Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей?“³⁵» — «Сердце чистое — это не замечать дурного у ближних, а дух правый — это благодать, вселившаяся в чистое сердце».

Батюшка говорил: «Если все делать с молитвой, какие могут быть недоразумения? И к чему тогда молитва, если приступать к делу без смирения?»

«Что такое хорошая проповедь?» — спросили старца. «Побуждать к спасению людей своей жизнью — вот что такое хорошая проповедь. Если этого нет, то всякая проповедь — это просто набор благочестивых слов».

Какое зло для монастыря самое большое?

Старцу задали вопрос монахи: «Какое зло для монастыря самое большое?» — «Воровство. Этот грех расстраивает все братство». — «А что больше всего объединяет монашеское братство?» — «Стремление к спасению».

Батюшку спросил владыка: «Отче, хорошо ли строго наказывать ослушников?» — «Зачем же их строго наказывать? Нужно лишь самому усердно стремиться к спасению, и тогда непослушные пойдут за вами. Вы словно корабль, а послушники — малые лодочки, куда они без вас поплывут?»

Старец говорил: «Верно подмечено, что если монастырем управляют хорошие монахи, то им нет нужды наказывать провинившихся: таковых просто не будет».

К отцу Кириллу обратились молодые священники: «Батюшка, каким должен быть знаменитый духовник?» — «А кто, по-вашему, знаменитый?» — «К кому все хотят попасть на исповедь». — «Это просто услужливый духовник, — ответил старец. — Он всем

старается угодить. Но я вам скажу, что такое хороший духовник. Это тот, кто ставит себя ниже последнего грешника».

Одного монаха сделали игуменом монастыря. Он спросил: «Отче, что значит быть игуменом?» — «Это значит быть отцом для остальных монахов». — «А как же стать таким отцом для них?» — «Никогда не давай себе поблажек».

Другой игумен спросил старца: «Как создать хороший монастырь?» — «Выдвигая в нем не хватких и умелых, а смиренных и послушных. Это и будет закваска для того, чтобы все плохое ушло, а тесто монастырское взошло», — улыбнулся старец.

Один настоятель спросил старца: «Отче, с чего начать управление монастырем?» — «Начни с того, чтобы твои благословения можно было исполнять без надрыва всех физических и душевных сил. Не начинай никогда с аврала, и с Божией помощью управишь монастырем».

Наместник монастыря спросил отца Кирилла: «Как управлять монастырем, чтобы монахи были почтительны к старшим?» — «Если наместник любит молиться и служить литургии, ни один монах не посмеет быть непочтительным к старшим. Если наместник имеет милосердие, никто не будет непослушным. Если наместник честный и смиренный, то монахи подтянутся вслед за ним. Если так поставить дело, то послушники будут прибывать, и монастырь укрепится».

Старец укорил монаха-уставщика: «Если знаешь весь Типикон, а не разбираешься в людях, которые тебе доверены, то какая польза от Типикона и от того, что

ты знаешь его от корки до корки? Не за буквой службы следи, а за тем, чтобы ее пронизывал дух кротости и благоговения!»

В Лавре жил старенький нестяжательный иеродиакон. После трапезы он собирал остатки еды и раздавал нищим и родным. О нем старец говорил так: «Замечательный монах! У него в келии одна электрическая лампочка и деревянный топчан. И он мне говорит: „Отче, у меня всего в достатке, слава Богу за все!“»

Не надо следить за людьми

Монах, ответственный за рабочих монастыря, спросил: «Что делать, батюшка? Эконом требует следить за тем, чтобы не было воровства! А как я за всем услежу?» — «Следить за людьми не надо! Вор сам попадетсЯ: за всем смотрит в монастыре преподобный Сергей! А ты следи за собой...»

Монах из экономской службы пожаловался старцу: «Батюшка, от меня начальство требует, чтобы люди беспрекословно исполняли указания. Что посоветуете? Начать строго наказывать?» — «Ставь людей впереди любого дела, и тебя послушают без приказаний. Если будешь дела ставить впереди людей, никто тебя не послушает, даже если начнешь стращать наказаниями».

Монах из бухгалтерии монастыря посетовал: «Отче, начальство требует во всем экономии и предлагает урезать рабочим зарплату, а у них семьи, и они ропщут, услышав такое указание. Подскажите, как правильно поступить?» — «Жалей рабочих и даже

назначай им премиальные, если хорошо трудятся, а у начальства проси прощения. Урезав им зарплату, как потом будешь смотреть в глаза людям, если тебя снимут с этого послушания?»

Послушник спросил: «Батюшка, что такое братское послушание?» — «У нас на полунощнице как молебен называется? Братский молебен! А все, что после него, и есть братское послушание, когда ты помогаешь своим братьям-монахам!»

Эконом монастыря задал вопрос: «Отче, как быть с рабочими? Денег не хватает!» — «Все равно не уменьшай им зарплату и поощряй старательных». — «А если это получится, что еще нужно сделать?» — «Наставляй и поучай их всемерно в благом поведении и спасении, и они привлекут в Лавру доход».

Старец говорил: «Если в монастырь приходит хороший настоятель, то для того, чтобы в нем наладились дела, должно смениться одно поколение монахов. А если в монастыре появляется хороший монах, то изменения в духовной жизни происходят сразу».

Новый благочинный рьяно взялся наводить порядок в монастыре. Старец сказал ему: «Отец, ты сначала исправь себя, чтобы потом знать, как исправлять других». — «А как исправлять себя?» — «Смирением, у монаха другого пути нет».

Эконом спросил: «Что такое правильное управление, отче? Поведайте!» — «Если даешь указания и они верны, тогда все мирно и никто не против этих введений. А если указания неверны и опять никто не возражает, но лица у всех хмурые, значит, ты городишь огород и взялся экономствовать не с того конца».

Молодой настоятель нового монастыря спросил старца: «Отче, что значит быть хорошим настоятелем?» — «Это когда монахи утешаются мирной обстановкой в монастыре, а в обитель отовсюду едут люди, желающие вкусить душевного мира, который не от мира сего».

Приезжий монах рассказывал старцу: «Отче, в нашем небольшом монастыре все монахи любят правду. Если кто-то не выйдет на послушание, сразу открыто доложат благочинному!» — «Это человеческая правда, — сказал старец. — А у Бога другая правда, Божия! Старшие монахи жалеют младших, а младшие старших и не доносят друг на друга, а говорят только о своих грехах. Вот в этом правда Божия и заключается. Понятно?»

Кто такой ученый монах?

У старца спросили: «Батюшка, кто такой ученый монах?» — «Это монах, обучившийся, во-первых, смирению, во-вторых, послушанию и в-третьих, спасению. Вот кто такой ученый монах».

Старец говорил монахам: «В поездках будьте честны и милосердны, даже к представителям других религий. Если нужно помочь, помогите. Если нужно утешить, утешьте, чтобы вашими делами славился Христос».

Монах поведал о своих духовных утешениях. Старец ответил: «Не соблазняйся малыми утешениями. Остановишься на них — потеряешь спасение».

Старец говорил монахам: «Имейте постоянство в духовном восхождении. Кто не устраивает себе духовных „выходных“, непременно стяжает благодать».

Батюшка учил: «У смиренного монаха благодать обязательно сочетается со свободой духа, ибо его опора — Господь, а у несмирленного — одна гордыня и похвальба, ибо его опора — тщеславие».

Старец говорил: «К благодатному монаху лезть не пристает, и его не соблазнить похвальбой, а к распущенному монаху собираются льстецы и человекоугодники».

Студент Духовной академии принял монашество и спрашивал у батюшки, продолжать ли ему учебу. «Церкви нужны и ученые монахи, — ответил старец, — поэтому, если закончишь учебу, будет двойная польза».

Насельники монастыря спросили: «Чего должно стыдиться монаху, отче?» — «Стыдно монаху после того, как он отрекся от мира ради спасения души, гоняться в монастыре за наградами, повышениями и дорогими облачениями».

Стыдно монаху после того, как он отрекся от мира, гоняться в монастыре за хорошими келиями, красивой мебелью и кухонной утварью.

Стыдно монаху после того, как он отрекся от мира, считать, что он исполнил все заповеданное и теперь может утешать себя едой, сном и развлечением, забыв о стяжании решимости, смирения и непрестанной молитвы».

Старец заметил: «Недостоин быть монахом тот, кто помышляет о жизни без скорбей и утеснений».

Монахи собрались у отца Кирилла и спросили: «Батюшка, какие недостатки у монахов самые скверные?» — «Ну недостатки эти известные: желают смирения, а учиться ему не хотят; желают благодати, а все пускают на самотек; желают спасения, а не хотят ударить пальцем о палец — эти недостатки самые скверные».

Суть молитвы

Старец учил: «Суть молитвы не в том, чтобы молиться с дыханием или без дыхания, а в том, чтобы в сердце привилась молитва непрестанная и покаянная. Это путь глинских отцов, овладевших ею».

Старец говорил: «Учить послушников непрестанной молитве — значит бросить их на полпути к монашеству. Дайте сначала молодому дереву подрасти».

Батюшка объяснял: «Ученый монах постигает наименьшее, смиренный монах — наибольшее».

Спросили: «Как это понимать?» Старец ответил: «Наименьшее — это толкования о Боге, наибольшее — это самоуничтожение и соединение со смиренным Богом».

Старец заметил: «Прежние монахи учились смирять себя, ныне же учатся ради того, чтобы тщеславиться».

Батюшка говорил: «Высокомудрый стыдится молчать, смиренномудрый стыдится говорить».

Старец учил: «Никогда не начинай говорить с другим, прежде не спросив себя: „С кем мой ум — со Христом или с дьяволом?“»

Батюшка поведал: «Смиранный ни к кому не должен иметь зависти, ибо это уже не будет смирением. Кроткий ни на кого не должен держать злобы, поскольку это уже совсем не кротость». Спросили: «А что рождает смирение и кротость?» — «Желание спасения не только для себя самого, но и для ближних».

Как раньше спасались

Старец спросил: «Отцы честные, разве не преподобный Сергей — Игумен всяя Руси? Чем же он занимался в монашестве? Срубил келию и вручил все попечения Богу, вот как раньше спасались!»

Батюшка говорил: «Хороший монах удаляется от мира, опытный монах удаляется из города, умудренный монах удаляется от зренья лиц человеческих, монах же, просвещенный благодатью, удаляется от многословия».

Старец наставлял: «Не гоняйся за тем, чтобы тебя ценили: ценную вещь непременно украдут. Помни, монах, что противник ваш дьявол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить³⁶».

Батюшка говорил: «Того духовника, который любит молитву, любит и народ: люди собираются вокруг него, как голуби возле амбара с зерном».

36 1 Пет. 5, 8.

Однажды старец сказал монахам: «Отцы честные, вы, вероятно, думаете, что я много изучил книг?» — «А разве нет, батюшка?» — «Для меня дороже всех книг — святое Евангелие! Вот оно меня всему и научило!»

Батюшка поведал: «Если ты стяжал благодать, она сохранит тебя даже на другом краю земли. Но если ты лишен ее, никто не защитит тебя даже в четырех стенах твоей келии».

Старец учил: «Опасно выставлять напоказ свои добродетели, как на витрину, в которую любой может запустить камень. Лучше скрывать себя в неизвестности, чтобы о тебе ведал только Бог».

Батюшка наставлял: «Отцы и братья, храните целомудрие, как зеницу ока. Ради него можно даже пожертвовать своей жизнью, чтобы не отдать редкостный венец врагу рода человеческого!»

Старец говорил: «Мое сердце всегда с теми, кто постоянно вопрошает себя: „Как мне спастись? Как обрести милость Божию?“»

Батюшка объяснял: «Молитва нужна, чтобы познание истины проявилось в поступках. Смирение нужно, чтобы благодать пропитала молитву. А рассуждение — чтобы дух человеческий достиг в благодати совершенства!»

Чего можно держаться всю жизнь?

У старца спросили: «Что, отче, ценнее всего, чтобы его можно было держаться всю жизнь?» — «Любовь, — ответил старец. — Ее можно держаться всю жизнь».

«Сказать тебе, что такое истинное знание?» — поинтересовался отец Кирилл у любопытствующего ученика. «Скажите, батюшка», — ответил тот. «Истинное знание — это когда ты знаешь невидимое и имеешь в нем уверенность³⁷ и не знаешь видимое, к которому нет доверия. Но любовь выше знания».

Старец говорил монахам: «Отцы, в нашей жизни все должно быть пропитано Христом!» Они спросили: «Что это значит, отче?» — «Это значит, что каждое наше слово и каждое наше дело должны быть наполнены любовью».

Батюшке задали вопрос: «Отче, что такое любовь?» — «Любовь — это кротость и смирение, ибо Христос кроток и смирен сердцем³⁸». — «А что такое настоящее постижение?» — «Это постижение Бога и души человеческой. Все остальное — это заблуждение».

Старец говорил: «У смиренных даже в разногласиях сохраняется любовь. У несмиренных нет любви даже в согласии друг с другом».

Отца Кирилла спросили: «Батюшка, это хорошо, если человека все любят?» — «Нет, не хорошо, — ответил старец. — Это льстивость человеческая. Будет правильно, чтобы любили все добрые, а недобрые бы избегали».

37 См.: Евр. 11, 1.

38 Мф. 11, 29.

Старец учил: «Если монах на деле любит ближних как самого себя, он не может оставить их без увещания ко спасению».

Батюшка говорил: «Завистливый не терпит никого, разумный терпит добрых и отстраняется от грешников, а святой любит всех людей, какие они есть».

Старец замечал: «Нет ни одного человека, у которого в сердце не было бы любви, ибо Господь одарил ею всех людей. Но тот, кто сделает ее своей жизнью, уподобляется Христу».

Мало знающие батюшку люди иногда спрашивали: «Отчего это от лаврских монахов все слышишь: „Старец да старец“? Разве он один такой?» Монахи отвечали: «Нет, не один. Просто, когда он говорит, на душе светлеет, когда молчит, на сердце проходят скорби, а когда благословляет, все внутри обновляется».

Самое главное

Старец наставлял монахов: «Во всякой речи главное — суть, а в любой сути самое главное — это спасение».

Батюшка учил: «Умудренный монах никого не подавляет своей мудростью. Он делает так, чтобы люди думали, словно они сами все узнали».

Один монах сказал отцу Кириллу: «Батюшка, я все думаю: „Как мне спастись?“» — «А ты не думай, ты спасайся!» — ответил старец.

Старец поведал: «Монаху незачем заботиться о хлебе насущном. Он заботится о спасении, а все остальное Бог прилагает к этому».

Батюшка заметил: «Святой может не знать, как устроен атом. Но он знает Бога, Который устроил все мироздание».

Старец учил: «Смирение для человека важнее, чем хлеб и вода. Я видел, как на войне погибают, имея хлеб и воду, но никогда не видел, чтобы смиренный погибал от своего смирения».

Батюшка говорил монахам: «Будьте стойки в добродетели, но не упрямы. Не будьте упрямы, словно бодливая корова, которой Бог рогов не дает, но для которой у пастуха всегда есть кнут».

Старец вразумлял монахов: «Вы пришли в монастырь, чтобы спастись, а наградам и отличиям не придавайте значения!»

Что значит всегда учиться?

Батюшка говорил: «Монах всегда должен учиться». — «Что это значит, батюшка?» — спросили у него. «Каждый день монах должен вглядываться в свое сердце и открывать в нем все более скрытые грехи, чтобы очиститься от них».

Услышав о войнах, старец вздохнул: «На земле, к сожалению, постоянна лишь человеческая ненависть, а на небесах постоянна лишь Божественная любовь. Борясь за земное, ожесточаешься; борясь за небесное, спасаешься».

Батюшка полагал: «Если правители больше всего озабочены малой рождаемостью народа, значит, они совсем не заботятся о его благополучии и воспитании. Если игумены озабочены малым количеством насельников в монастыре, значит, они совсем забыли о спасении».

У старца спросили: «Батюшка, какой человек может победить всякий грех?» — «Благодатный». — «А какой человек быстрее всего достигает благодати?» — «Рассудительный», — ответил старец.

Отец Кирилл замечал: «Смирение не нуждается в умильном выражении лица, а послушание — в лстивом поведении».

Старец говорил: «Для монаха чревоугодие — это начало падения, а сребролюбие — его конец. Для мирянина зависть — начало падения, а жадность — его конец».

Отца Кирилла спросили: «Батюшка, а монахам нужна смелость?» — «Монахам более всего нужна решимость, чтобы отречься от своей воли, а мирянам — смелость, чтобы защитить своих ближних».

Старцу задали вопрос: «Батюшка, а у монашества бывает ненависть?» — «Конечно, бывает, но не к людям. Истинный монах ненавидит мир и отрекается от него. Истинный монах ненавидит грех и борется с ним в себе. Истинный монах ненавидит душу свою, чтобы спасти ее».

Батюшка говорил: «Для мирянина монах — надежда спасения, для монаха Христос — прибежище спасения».

Отец Кирилл учил: «Не ищи в старце всех достоинств, ищи их во Христе, и тогда увидишь Христа в старце».

Какая разница?

Батюшка говорил: «Если люди не живут ради Бога, то какая разница — живы они или умерли?»

Старец заметил: «Оправдываются всегда только трусые. Смелый человек всегда кается в своих грехах».

Отец Кирилл считал: «Хороший духовник — это тот, кто, слушая признания других людей в грехах, никогда не впадает в самодовольство и кается вместе с исповедующимся».

Старец учил: «Спасение только в Православной Церкви. Из поколения в поколение передается негасимый огонь Духа Святого. Поэтому сказано: „И врата ада не одолеют ее“³⁹».

У батюшки спросили: «В чем нужно быть осторожным?» — «В словах нужно быть осторожным, потому что по одному слову видны и мудрость, и глупость».

Старец замечал: «Гордый просит Бога наказать всех и спасти его одного, а смиренный молит Бога наказать его одного и спасти всех».

39 Мф. 16, 18.

Батюшка учил: «Не отсекая свой воли, не обрешь благодати; не следуя воле Божией, не придешь к святости».

Батюшка учил: «Если хочешь следовать за Христом, отрекись от мира, а если хочешь постичь наивысшее благо, отрекись от самого себя».

Старец наставлял: «Если ежедневно хранить мир души, в нее приходит чистота. Чистая душа — это благодатная любящая душа, соединившаяся с источником любви — Христом».

Основа всякой правды

Батюшка говорил: «Алчущие и жаждущие правды люди ищут ее в своем сердце. Чтобы обнаружить эту правду в сердце, оно должно быть свободным от страстей и пустых помышлений. Такое сердце находит опору в евангельских заповедях. Поэтому основа всякой правды — слово Божие».

Старец учил: «Для постижения воли Божией нужно иметь рассуждение. Рассуждение рождается от молитвы, а молитва приходит в сердце, очищенное от грехов».

Батюшка говорил: «Чистое сердце всегда избирает добро и отвергает зло. Добро — это благодать Божия, остальное нельзя допускать в сердце».

Старец рассуждал: «Самые крепкие устои временной жизни — стяжание добродетелей, а самые крепкие устои бессмертия — стяжание совершенства. Если

хочешь быть совершенным, пойдя, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною⁴⁰».

Отец Кирилл напоминал: «Самое главное — Богу. Не обращать внимание на главное — таким путем ходить не следует, если хочешь спастись».

Старец сравнивал: «Как крестьянин изо дня в день возделывает свое поле, так монах возделывает свое сердце и работает над собой, чтобы дух его принес плод благодати сторицей».

Батюшка призывал: «Каждый миг обновляй свое сердце в добре и благе, чтобы оно начало жить новой жизнью — жизнью благодатного разумения во Святом Духе».

Старец наставлял: «Спрашивают: сколько раз вставать, если упал? Снова и снова вставай, не ленись и не изнемогая. Только так можно родиться снова, доколе не взойдет утренняя звезда в сердцах ваших⁴¹, дух жизни вечной».

Батюшка говорил: «Стремясь к совершенству, монах внимателен. Стремясь к мудрости, монах рассудителен. Стремясь к благодати, монах бдителен. Стремясь к любви, он самоотвержен».

Старец замечал: «Монах, стремясь к жизни совершенной, не оставляет в себе ничего незавершенного».

40 Мф. 19, 21.

41 2 Пет. 1, 19.

Слова старца, сохранные монахами

Вера — корень спасения

Вера — корень, благодать — ствол, а рассуждение — ветви спасения.

Только благодатный человек может быть поистине рассудительным, без благодати — откуда возьмется рассуждение? Который час на дворе, петух тоже понимает, а в суп попадает.

Чем без конца разбираться в разногласиях и в спорах, досадуя друг на друга, лучше сказать одно слово: «Прости». Худой мир всегда лучше доброй ссоры.

Наше знание несовершенно, понимание греховно, как можно этому доверять? Совершенство возможно лишь в познании Христа, ибо Христос совершенен. Понимание становится святым богопостижением лишь в единении с Отцом Небесным, ибо Отец наш, сущий на небесах, свят.

Наставление: «Сделай свои помыслы чистыми» означает — не загрязняй свой ум дурными измышлениями. Монах прилежно трудится над своим умом: отсекает молитвой все дурные мысли, когда он один, а когда он с людьми, работает над своим поведением. Так он сопрягается с благодатью Святого Духа.

Порок желает действовать без свидетелей, забывая, что есть один всегдашний свидетель — Бог. Поэтому монах бдительно очищает свое сердце от всех помыш-

лений в свете Божественного свидетельства, и Господь свидетельствует о его чистоте, посылая Духа Святого для совершенного просвещения монашеского сердца.

Добродетель украшает душу человека, благодать просвещает ум человека, а блаженство чистого, светлого сердца соединяет человека с пречистым и пресветлым Богом.

Отцы и братья, будьте искренни друг ко другу, а наипаче пред Богом. Искренняя вера передвигает горы, чистосердечная молитва отворяет небеса!

Ох, как бдительно надо монаху смотреть за собой! Ох, как усердно надо монаху трудиться над собой! Это и есть трезвение, отцы и братья!

Будьте бдительны, честные отцы: одно дурное слово — и все пропало! Один человек, которому мы не оказали милости, — и все катится под откос! Но любовь все же сильнее, да, сильнее! Все покрывайте любовью...

Что такое бесстрашие?

Отцы и братья, что такое бесстрашие и далеко ли оно от монаха? Если его сердце обременяет уныние или, наоборот, возбуждает мирская радость, оно далеко от мирного устроения. Если в сердце возникает страх или же вспыхивает раздражение, оно далеко от спокойствия. Если в сердце поселилась неприязнь или его поработила мирская привязанность, оно лишается возможности обрести благодать.

Когда монах отринул уныние и не радуется мирской радостью, а обрел и хранит мирное устроение

сердца, когда он пребывает в нерушимом спокойствии и ни на что не раздражается, возложив все страхи и опасения на Бога, когда он ни к кому не имеет неприязни и ни к чему не привязывается, но живет благодатью в сердце — тогда недалеко от монаха бесстрашие, дорогие отцы и братья!

Что такое «сердце их далеко отстоит от Меня»⁴²? Когда человек не владеет своим умом и этот рассеянный ум бродит, ведомый помыслами, туда и сюда, тогда получается, что люди смотрят и не видят, слушают и не слышат: «Еще ли не понимаете и не разумеете? Еще ли окаменено у вас сердце? Имея очи, не видите? Имея уши, не слышите?»⁴³

Если же монах желает видеть новыми очами и слышать новыми ушами, ему надлежит обновить свой ум, то есть сделать его собранным, внимательным и бдительным, не допуская в него никаких посторонних помыслов. Такой монах готов принять в себя слово Божие!

Как навести порядок в семье? Исправь первым самого себя от дурных страстей, и в доме будет мир Божий. Как навести порядок в монастыре? Каждый исправь самого себя, и все в монастыре освятятся. Монастыри строятся не зданиями, а душами людей, возлюбивших Царство Небесное, дорогие отцы и братья!

Строгий духовник подобен отцу, милосердный духовник подобен любящей матери. «Батюшка, Вы нам как отец и мать!» — сказали старцу. «Бог — наш Отец и Мать, возлюбленные отцы и братья!» — ответил батюшка.

42 Мф. 15, 8.

43 Мк. 8, 17–18.

Одного смиренного монаха, мирного и исполненного любви, достаточно, чтобы преобразить весь монастырь. И одного своенравного монаха, распущенного и сварливого, достаточно, чтобы разрушилось все братство. Какой же вывод из этого, честные отцы и братья? Каждый из вас может определить и преобразить жизнь всего монастыря.

Все начинается с семьи. Какова семья, такова и страна...

Сила человека — не в мышцах и костях, а в Божией благодати, сила ума — не в помыслах и умозрениях, а в духовном рассуждении, а сила сердца — не в переживаниях и мечтаниях, а в совершенной чистоте, ибо там пребывает Христос.

Истинный монах всегда идет к Богу путем спасения, даже если его никто не знает и не видит, ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество⁴⁴ для монаха важнее всего видимого. У такого подвижника не бывает сомнений и сожалений, поскольку Господь одесную его есть, храня его, да не подвижится⁴⁵.

Как жить в монастыре

Как жить в монастыре, дорогие отцы и братья? К паломникам с уважением, к начальству со смирением, к братии относиться с любовью, к духовникам с благоговением.

⁴⁴ Рим. 1, 20.

⁴⁵ См.: Пс. 15, 8.

Как, однако, нам поступать, отцы и братья, если мы знаем, что дела в монастыре идут не должным образом? Предаться спорам и разногласиям? Никоим образом! Это лишь ухудшит все дело. Если мы все поняли как следует и будем сообща молиться об исправлении дел, такое устройство обязательно изменится, и дела выправятся к лучшему.

Каков же истинный игумен, честные отцы? Истинный игумен таков: он не смотрит на стройки, награды и облачения как на нечто ценное. Ценным он считает души людей, собравшихся спасаться в монастыре, и такой игумен с рассуждением и осторожностью ведет их в царство истины Божией.

Как управляет монастырем истинный игумен, досточтимые отцы и братья? Он не завидует тем монахам, кто более способен и талантлив, чем он, и поэтому привлекает их себе в помощь. Так крепнет и упрочивается святая обитель. Каков же недолжный игумен? Он изгоняет подальше из монастыря всех способных и талантливых, чтобы самому быть способным и талантливым в глазах начальства и братий. Такой игумен разоряет себя и разоряет монастырь.

Спрашивают, как и на что жить монастырю, чтобы не зависеть от богатых дарителей? Нужно сделать так, чтобы тех, кто привлекает в монастырь благодать, было побольше, а тех, кто изгоняет ее, стало поменьше. Кто же привлекает благодать, отцы и братья? Смиренные, кроткие и молитвенные монахи — они привлекают благодать в монастырь, а не стены и здания! Кто же изгоняет благодать, накопленную поколениями праведных монахов, отцы и братья? Распущенные и неблагоговеющие монахи, карьеристы и корыстолюбцы — вот кто изгоняет благодать из монастыря, отцы и братья!

Что такое истинный путь спасения, возлюбленные отцы и братья? Тот путь, который не уклоняется в крайности. Этому пути нужно следовать, ибо наш путь — Иисус Христос! Такой путь называется средним, или царским, путем, потому что он неизменен и нерушим. Почему же он неизменен? Потому что утверждается на заповедях Христовых, которые не меняются из века в век. Этот путь нерушимо передается из поколения в поколение. Почему же он нерушим? Потому что в каждом поколении есть светильники Божии, и они не оскудеют до скончания времен. Это есть свет Православия, не скудеющий и не исчезающий. Расширьте в себе этот свет истины, и он охватит все души, ищущие спасения. Если же вы не будете возгревать в себе этот свет, он скроется от вас и перейдет к другим, более усердным и благоговейным. Содержимое Православия невозможно исчерпать, ибо это — наука из наук, опора жизни на земле и благодатный светоч в небесных обителях.

Христовы заповеди говорят о том, что заложено в духовную природу человека. Жизнь в соответствии с нашей духовной природой называется истинной жизнью или истинным путем. От этого пути нельзя отходить ни на шаг. Если же мы отойдем от него, подлинная жизнь человека, благодатная жизнь, полностью прекратится. Когда же мы отходим от нее? Отходим в дурных пожеланиях, страстях и помышлениях. Возвращение к духовной жизни возможно только через сугубое покаяние, большие труды и многие слезы. Поэтому монаху надобно быть каждое мгновение предельно бдительным и внимательным.

Наиболее скрытые враги человека — лукавые, трудноуловимые помыслы. Это самые истоки греха и корни заблуждений. Поэтому монах избирает борьбу

с ними, чтобы очистить ум и сердце от тайных врагов рода человеческого. Когда душа человека не впадает в страсти, это есть мирное устроение, или мир души, начало блаженного бесстрастия, которое привлекает в нее благодать Святого Духа и предвещает нисхождение Божественной любви.

Такая мирная душа начинает жить в благодати, к которой нам всем заповедано стремиться Самим Богом. Когда мир души преобразится в бесстрастие, дух человеческий оживает в Божественной любви и преобразуется в свете Христовом на вечные времена. Тогда он входит в неопишное блаженство, пребывая еще на земле, но уже вкушая духовную радость будущего века.

Духовный человек идет истинным путем к соединению со Христом. Бездуховный человек отрицает этот путь и подвергает его насмешкам. Все желающие спасения идут ко Христу и соединяются с Ним, облакаясь в сияющий покров любви и смирения. Бездуховный человек не имеет стремления к спасению и, будучи тьмой, порочит Свет.

Иисусова молитва

Никакой иной краткой молитвой, кроме Иисусовой, не передать точнее наше покаяние и не выразить вернее нашу любовь к Спасителю и Господу Иисусу Христу. Поэтому нужно читать эту молитву с великим покаянием и с великой любовью.

Целомудрие — первая христианская добродетель, это телесная и душевная чистота. Чистая душа по красоте уподобляется ангелам Божиим. Хочешь увидеть

по-настоящему красивого человека? Это будет целомудренный человек.

Кто велик? Тот, кто смирен. Кто смирен? Тот, кто умалил себя пред другими и не ищет своего, но ищет Божиего.

Истинный монах, словно хорошо пропеченная просфора: снаружи крепок, внутри мягок, а именно: в искушениях тверд, а в скорбях смирен.

Проповедовать — это подобно тому, как если бы ты привел больного человека за руку в больницу. А исповедовать — это подобно тому, как если бы ты принес больного человека в больницу на своих руках.

Смиренный, что малое дитя; как говорится, мал золотник, да дорог!

Скорби — это метла Божия, очищающая наш душевный дом.

Монах не должен быть железным, он должен быть золотым, но, конечно, не снаружи, а внутри.

«Батюшка, трудно мне дается монашеский устав!» — жаловался молодой монах. «А ты его возьми любовью, любовью можно все одолеть».

«Батюшка, меня не замечают, не рукополагают в иеромонахи!» — сетовал молодой иеродиакон. «Ну почему же не замечают? — улыбался старец. — Это ты не замечаешь, что тебя хотят сделать святым...»

Стыдно за прошлое

«**Б**атюшка, столько лет прошло, и все еще стыдно за прошлое, совершенно столько ошибок! Из-за этого даже сейчас не по себе и тревожно за будущее...» — «Худшее состояние — унывать из-за прошлого, чувствовать себя неуверенно в настоящем и страшиться будущего! Православный человек и тем более монах не должен поступать так, нет, не должен...» — «А как должно поступать, отче?» — «Нужно искренно каяться в прошлых грехах, всемерно исправлять себя в настоящем и возлагать все свое упование и веру в грядущее спасение на Бога! Так всякий грешник становится святым».

«Батюшка, на жизненном пути иногда встречаются люди, которые всех несогласных с их пониманием Православия сразу зачислят в своих личных врагов и начинают поливать грязью. Как правильно поступать в таких случаях?» — «Следовать собственным выдумкам и быть человеком, одержимым вредоносным духом собственной правоты, — очень пагубно для души! Не лучше ли во всем считать себя недостойным последователем Христа и не достигшим разума всей полноты евангельских истин? Именно такое устройство способствует правильному богопознанию! А клеветы не надо бояться: к смиренной душе грязь не пристает...»

В жизни все взаимосвязано: когда доброе преобладает, то дурное уменьшается. Если же доброго мало, тогда дурное будет в избытке. Поэтому избери благо и борись за него всю жизнь!

«Что такое благо, батюшка?» — «Конечно, благодать! Что же еще? Мы должны понять, что Христос никогда не отделялся от Отца, поэтому нам необходимо

всегда пребывать в единстве со Христом, чтобы всегда быть одним целым с Отцом Небесным».

Все совершай с крестом: в уединении неси крест молитвенного одиночества, в миру неси крест евангельского проповедничества!

«Батюшка, иногда молиться легко, а иной раз очень трудно! Что посоветуете?» — «С благодатью любой человек молится легко и свободно, а когда она отходит, Бог смотрит на произволение человека. Как только ты начинаешь молиться, пред тобой тотчас возникает целая армия злобных и коварных помыслов, которые суть бесы. Облачи сердце в броню покаяния, и одолеешь их сразу. Враг не выносит покаяния человеческого, ибо сам не имеет покаяния. Это его слабое место».

«Батюшка, как нужно жить, чтобы в суете не терять связи с Богом?» — «Днем внимательно живи в миру, удерживая сердце в молитве и не теряя памяти о Боге, а ночью пребывай со вниманием в молитве, удерживая сердце в Боге и полностью забывая мир. Так ты всегда будешь со Сладчайшим Иисусом. Но если совсем оставишь мирскую суету, сделаешь еще лучше...»

«Батюшка, приезжая в монастырь, поддаюсь многим беседам и болтовне и даже в алтаре соблазняюсь разговорами. Говорить много — стыжусь, а не отвечать на расспросы — неудобно. Что делать?» — «Ищи совета у святых, которые наставляют нас, что молчанием спаслись многие, а болтовней — ни один, так-то...»

Многие монахи, к сожалению, полагают, что достаточно отречься однажды, чтобы затем сложа руки ожидать спасения. Нет, отречение должно совершать каждый день, чтобы не лишиться звания монашеско-

го. Об этом читай у преподобного Иоанна Кассиана, и Священное Писание говорит: «О горнем помышляйте, а не о земном»⁴⁶, чтобы не возгнушался нами Господь!

«Отче, каковы признаки упадка монашества?» — «Признаки эти явны: старцы умалились, а послушники возвеличились, миряне возомнили себя монахами, а монахи превратились в мирян, ученые начали богословствовать, а монахи забыли, что Господь познается Духом Святым. Поэтому и сказано, что оскуде преподобный»⁴⁷.

Не следует мирянам учить о спасении, ибо сердца их наполнены помыслами о земном. Не должно монахам поучать о таинстве брака, чтобы ум их не обратился вспять и не стал соляным столбом, подобно тому, что произошло с женой Лота.

Быть незаметным

Монах должен быть незаметным; его как бы не видно, но помощь его всюду чувствуется. Так он уподобляется Богу.

Не все делай сразу, а делай по силе. Надобно, чтобы душа была в благодати, а не в мыле.

Чтобы злоба погасла, не отвечай словом на слово — не подливай в огонь масла.

Нет истины в страсти, в страсти — одни напасти.

⁴⁶ Кол. 3, 2.

⁴⁷ Пс. 11, 1.

Хоть враг наступает, а смиренная душа в панику не впадает! У беса — наглость, а у доброго сердца — храбрость.

Чем ближе мы к Богу, тем ближе друг к другу: кто живет без розни, победил все вражьи козни.

Тот, кто кается, тот и спасается. Смирненную душу Бог обнимает, а гордую сатана помелом погоняет.

Любовь храните, а расколы гоните.

Враг мира Божия боится, которым душа хранится.

Что значит быть миротворцем? Это значит иметь в себе мир Божий, который превыше всякого ума⁴⁸, быть тише воды, ниже травы и хранить в душе ко всем мирную, доброжелательную любовь, которая не лукавит, не превозносится, не гордится, не унижает никого и всех любит⁴⁹.

Как спастись?

«Батюшка, как спастись?» — «Первым делом нужно очистить ум покаянием и молитвой. Очистив свой ум, мы соединяемся со Христом, Который приводит нас к Отцу Небесному».

«Что важнее — ум или душа?» — «Если ты подчинишь ум, то сможешь постичь душу. А один ум без души ничего не стоит».

48 Флп. 4, 7.

49 См.: 1 Кор. 13, 4–7.

«Почему сказано, что Царствие Божие внутри нас есть⁵⁰, когда мы знаем, что изнутри, из сердца, исходят дурные помыслы?» — «Потому что они заграждают путь в Царство Небесное. Убери дурные помыслы, и сразу войдешь в него!»

«Батюшка, а язычники спасутся?» — «На литургии священник возглашает: „Горѣ имеем сердца“; и не только сердца, но и ум нужно устремить к Господу! Если так будем делать всегда, то и язычники обратятся ко Христу, видя наше устремление. А кто устремил сердце и ум к земному, чем он отличается от язычника?»

«Ныне в Церкви происходит возрождение Православия?» — «Если возрождение духовное, то да, происходит. А если это желание получше устроиться здесь, на земле, то это есть поворот к миру. Земные стяжания — тяжелый груз, с которым не взлететь к небесам. Но гонимая и бедная Церковь живет единым и гонимым Богом, потому что сказано: „Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня“⁵¹.

«Если Бог милосерд, отчего на земле так много страданий?» — «Именно поэтому и Бог неустанно взывает к каждому из нас: „Сынове человечестии, доколе тяжкосердии? Вскую любите суету и ищите лжи?“⁵².

Старец сказал монаху, который жил в монастыре и ходил на занятия в семинарию, раздваиваясь помыслами в выбранной цели: «Хочешь получить семинарское образование? Больше слушай. Хочешь обрести монашеское устройство? Меньше говори».

50 Лк. 17, 21.

51 Мф. 5, 11.

52 Пс. 4, 3.

«Правда ли, что сейчас последнее время?» — «Для христианина всегда есть „последнее время“, если он не стяжал благодати, не обрел в душе мир Божий и не соединился со Христом!»

«Батюшка, один мой знакомый много лет болезнью прикован к постели и сильно унывает. Что ему делать?» — «Если сердце человека приковано любовью накрепко ко Христу, то для такого человека даже длительная болезнь будет все большим возрастанием души к Богу».

Растить праведников — задача мирян, растить святых — задача монастырей. Там, где есть праведники, где умножаются святые, происходит возрождение Православия, заново рождается страна.

Хранить мир души

Хранить всегда мир души, быть внимательным к своим помыслам — это основы духовной жизни.

Стяжать постоянное смирение, бесстрастие души и самоотверженную любовь к Богу и ближним — это основы спасения.

Полезнее хоть разок побыть в скорбях, чем постоянно молиться рассеянно и теплохладно. Скорби — учителя молитвы!

Спасаться нужно, ни в чем не жалея себя! Так нам передали отцы.

«Батюшка, посоветуйте, как мне молиться? Сколько ни молюсь, мне кажется, что Бог не слышит меня...» —

«Всегда молись с разумением! Молитвенное разумение целиком заключено в словах молитвы Господней: „Да будет воля Твоя и на земле, как на небе“⁵³. Если уразумел это, молись, чтобы пришло Царствие Божие в душу твою, когда оставишь долги должником твоим. Вот это должно быть смыслом твоей молитвы».

Простота и скромность души — прямая дорога к смирению и благодати, которые приводят нас, в свою очередь, к святости и спасению.

Никогда не стыдитесь быть бедными, стыдитесь быть безблагодатными.

Если желаешь обрести в уединении благодать и стяжать молитву, не будь зависим от людей, испорченных богатством, и от развращенных властью над людьми. Не отягощай своей души их грехами, оставь себе для помощи только бедных и простых людей, и твоя молитва сразу обретет крылья.

Лучше иметь кусок хлеба, политый потом и слезами, чем обретенный нечестием.

Иной монах пришел в монастырь, а на душе у него пустырь.

Если не можешь найти себя в миру, найди себя во Христе. Если не можешь уйти в монастырь, сделай монастырем свое сердце.

Игумен — око монастыря

Игумен — это неусыпное око монастыря, а духовник — недремлющее сердце монастыря.

Видеть Христа в собрате — подлинное благо, находить смысл в простоте и смирении — истинное добро. Это значит обрести себя в благодати Духа Святого, а душу свою — во Христе Иисусе.

Услышать слово Христово — значит заглянуть дальше буквы Евангелия.

Хорошо не разлучаться с братией, еще лучше — не разлучаться с молитвой, но самое лучшее — не разлучаться с Богом.

Ни к чему другому не стремиться, кроме спасения, — это и есть предать себя полностью Богу.

Скорбь — великое благо для того, кто терпит, болезнь — великое приобретение для того, кто смиряется.

Кому Бог дал молитву о сохранении единства нашей Православной Церкви, пусть молятся. А кому дал силы на борьбу с отступлениями в ней, пусть борются. И те и другие нужны Церкви, но везде необходимо иметь великое рассуждение.

Евангелие для новоначальных — корабль спасения, для преуспевших в бранях — незыблемая скала, для умудренных в благодати — лестница в небо.

«Батюшка, какая сейчас Лавра стала красивая да нарядная, так жаль, что вас в ней особенно не хвата-

ет», — сетовали отцы и братья, навещавшие старца. «Душа, когда омоется скорбями, становится чистой невестой Христовой, красивой в духе и нарядной в мудрости, ожидая встречи с Женихом Небесным», — тихо ответил старец.

Батюшке передали весть, что умер его давний друг, архимандрит Н. Старец долго молчал, потом отозвался: «Истинный монах умереть не может, ибо дух его во свете благодати возносится в Горня...»

Наставления старца, сохраненные мирянами

В словах святых отцов — их жизненный опыт

В словах святых отцов передан их жизненный опыт. Наша задача — сделать его своим на деле, а не пересказывать лишь их слова.

Отец Кирилл любил говорить предельно кратко и лаконично, стараясь передать в немногих словах точность духовного смысла: «Вся „Лествица“ преподобного Иоанна заключена в одном слове — „целомудрие“, — бывало, говорил он. — Как это верно! Чистая душа беспрепятственно проходит всю небесную лестницу добродетелей. Такая святая душа — это великое благо!»

Молчать, когда нужно говорить, — это трусость, и говорить, когда нужно молчать, — это неразумие.

Там, где Святой Дух, — искомое, то есть жизнь вечная; где Его нет — там греховное, смерть.

Никогда не говори того, чего нет в Евангелии. Не будь словолюбив, будь боголюбив.

Сказал, значит сделал; если не делаешь, зачем говоришь?

Услышал от духовника слово — исполни. Если не исполняешь, для чего приходишь за другим словом?

Благодать — это благая любовь к Богу и людям. Без нее — одни только страсти. У любви есть три стадии: первая — доброта к людям, вторая — сострадание к ним и третья — совершенная любовь, которой надлежит любить Бога и ближних.

Милующее сердце всех прощает, ведь оно милосердно и милостиво, а потому, конечно, помиловано будет⁵⁴.

Жить без «задних» мыслей

Старайтесь жить без «задних» мыслей, которые есть мирские помышления. Живите главной мыслью — памятью Божией, все остальное — помрачение и соблазн нечисти поднебесной.

Слова старца всегда были мудры и глубоки. Ему сказали: «Батюшка, у вас столько талантов!» — «У меня нет никаких талантов, — ответил он. — Но хотелось бы иметь хотя бы один — служить Богу и людям».

54 См.: Мф. 5, 7.

Батюшка говорил: «Мы заботимся и суетимся о многом, как Марфа, а одно только нужно — возлюбить Бога, подобно Марии, чтобы восстать из гроба, как Лазарь».

Поскольку Христос — это путь, то все, кто без Христа, становятся «беспутными», то есть лишенными спасения.

Когда нет гонений на Православие, смирайся, пребывай в послушании и служи открыто Богу, приводя людей к Церкви, а когда наступают гонения, не убойся, держись праведников и исповедников, служи тайно Богу и людям и стремись положить жизнь за ближних своих⁵⁵.

Духовность отца Кирилла наиболее ярко проявлялась в установлении и поддержании душевного мира среди людей. Он говорил: «Во всех недоразумениях и неурядицах главным является возвращение души на путь истинный; путь истинный — это спасение, а спасение — это любовь...»

Просвещая людей духовно, батюшка строго предостерегал и от обольщений мира сего: «Остерегайтесь и будьте бдительны, дабы не впасть в соблазны грядущего антихриста с его печатями и номерами, когда без них не сможете ни продавать, ни покупать, ни лба перекрестить: «Кто имеет уши слышать, да слышит!»⁵⁶

Старец, даже будучи тяжело больным, радушно принимал всех проходящих к нему издалека. Но

55 См.: Ин. 15, 13.

56 Мф. 13, 9.

сокровенная любовь к пустыне и пустынножителям жила в нем до конца его жизни. «Кто в уединении терпением запасся, тот и спасся!» — говорил он.

Старец почитал кавказских отшельников, наследников Глинской пустыни, но сам стремился осуществить евангельскую правду среди людей. Он всегда был устремлен к людям, их заботам и скорбям, стремясь всех привести к спасению, сам оставаясь духом вне волнений мира сего: «С чадами смиряемся, с чадами и спасаемся!» — говаривал он.

Найти Христа

Очень трудно найти Христа, если мы не признаем, что Он находится внутри нас, в нашем сердце.

Глинские старцы говорили: «Как колокол, если бить в него, звучит не останавливаясь, так Иисусова молитва никогда не умолкает в сердце, возлюбившем Бога».

Какой человек зоркий? Который зорко замечает мельчайшие помыслы и возбуждает дурным помыслам войти в сердце.

Как пламя костра всегда поднимается кверху, так сердце, объятые пламенем молитвы, всегда устремляется к Богу. Если всякое искушение возвращает вас ко Христу, значит, вы получили милость от Господа.

Птица не боится встречного ветра — он поднимает ее на крылья. Не бойтесь натиска скорбей — ведь именно в них освящается душа. Отдайте свое счастье

в обмен на чужие страдания — ведь именно так обретается жизнь вечная.

Чем смиреннее монах, тем быстрее проходят его жизненные скорби. Чем крепче бесстрастие монаха, тем сильнее его душа и тем ближе он ко спасению.

Многие останавливаются на мысленном понимании того, о чем говорит духовник. Ты же старайся постичь это прямым опытом, через молитву.

Не страшна стрельба для военного, не страшна клевета для смиренного. Будь стоек в любых испытаниях, ибо Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его⁵⁷.

Изучая больных, никогда не узнаешь, что такое здоровье и счастье. Исследуя грех, никогда не придешь к святости и спасению.

Вера — это не фантазия ума, вера — это ясное ощущение невидимого Бога, живущего в нашем сердце. А спасение — это ясное постижение Бога — Иисуса Христа — нашим сердцем, возлюбившим Его всем помышлением и всем расположением своим.

Когда ум смирится

В беседах следите за своим языком, а в молчании — за своим умом, тогда язык укоротится, а ум смирится.

Умейте ценить бедность, ибо в ней душа остается живой, но избегайте смертных грехов зависти и ропота, чтобы стяжать благодать и наследовать жизнь вечную.

⁵⁷ Мф. 11, 12.

Не будьте как большинство людей, приходящих ко мне на исповедь: наполовину мирские, наполовину духовные, словно незрелый орех, который рано сорвали. Никогда не ищите компромиссов, подгоняя Евангелие под свой образ жизни. Когда-то вам все же придется сделать окончательный выбор, чтобы посвятить свою жизнь Христу.

Наша православная вера — это преодоление самих себя с помощью евангельских заповедей. Поэтому нет ничего хуже, чем иметь религиозное обличие, в душе скрывающая волчьи повадки. Как распознать это? Очень просто: овечка Божия щиплет травку, а людей не грызет.

Не думайте, что как только вы уверовали, так будете сразу получать благодать горстями. Вначале придется отдать кровь.

Любое удовольствие подобно щуке: заглотить заглотит, а обратно не выпустит. Такова природа всякого земного удовольствия.

Никто и никогда не найдет ничего и никого лучше Христа. Поэтому усердствуйте в стяжании благодати изо всех сил, чтобы Православие прославлялось в вашей жизни и его святость поселялась в ваших сердцах.

Если вы полюбили кроткого и человеколюбивого Христа, отдайте Ему все свое сердце и не запутывайте себя множеством помышлений. Ведь спасение ожидает вас в Христовой благодати, а не в бесчисленных мыслях о спасении.

Постижение суетности мира и полное отречение от него, преданность евангельским заповедям, стяжание добродетелей и непрестанной молитвы, любовь к Богу и ближним — все это благодать Духа Святого, которая показывает, что вы на верном пути в Царство Божие, Царство Христа.

Священная обязанность

У всякого православного человека, крещенного во имя Отца, Сына и Святого Духа, есть священная обязанность — стремиться стать святым, то есть исправлять свои грехи покаянием, очищать молитвой сердце и просвещать душу Духом Святым. Это камень, положенный во главу угла⁵⁸, — незыблемое основание духовного развития человека.

Паломники спросили: «Батюшка, как нужно обращаться с неверующими родителями?» — «На их бестактные вопросы отвечайте по-доброму. Если они спорят с вами, не вступайте в раздоры. А когда неверующие родители восстают на вас, не обращайтесь к ним гневное лицо, но жалейте их, нося на себе их немощи, дабы привести их к покаянию».

Говоруны не могут стяжать благодати, а стяжавшие благодать — молчаливы и говорят только тогда, когда их спрашивают.

Общество без праведников — распутное объединение, монастырские здания без святых — унылые казармы. Там, где нет праведников, где исчезают святые, там рушится Православие и распадается страна.

⁵⁸ См.: Мф. 21, 42.

Умейте воспитывать себя молитвой, чтением духовных книг и хорошей музыкой. Высокая музыка облагораживает наши чувства, если же музыка растлевает человека, ее слушать нельзя.

Однажды известный скрипач из Москвы играл у батюшки в келии на скрипке Баха и Дебюсси. «Светлая музыка... — умилялся старец, — но... не благодатная».

Никто не должен думать о себе высоко и считать, что он лучше других. Нужно считать себя худшим, чтобы быть духовно здоровым, и это спасительное устройство необходимо стяжать молитвенным трудом.

Духовного отца следует искать по расположению души. Каждый человек волен в своем выборе и смене духовника.

Почему никто из вас не учит наизусть акафист Богородице «Взбранной Воеводе»? Акафист, выученный наизусть, очень помогает в жизни, помогает в дороге, в трудных обстоятельствах, помогает, когда сердце хочет помолиться Матери Божией.

Тот, кто думает спастись только одним хождением в храм Божий и не прилагает для своего спасения никаких духовных трудов, подобен человеку, разглядывающему украшения храма и ничего не видящему вокруг. Но если он удержит свой язык, который любит говорить о других, то Бог не оставит его усилий без награды.

«Батюшка, что делать, если приходит депрессия?» — «Депрессия — это уныние, то есть состояние ума, поработанного демоном. Для того чтобы избавиться от уныния, существует покаяние». — «А в чем

каяться? В том, что мы находимся в унынии?» — Каяться нужно в том, что мы вместо Бога выбрали земные цели, которые душе не приносят никакой благодати, а только скорби.

«Батюшка, Церковь устрашает грешников адом, правильно ли это?» — «Устрашает ли водителя дорожный знак, указывающий, что там тупик? Бог добр, а все, что вне Бога, есть зло. Поэтому о спасении в Боге и возвещает нам Церковь».

Один владыка в беседе со старцем воскликнул: «Да будет благословен проповедующий слово Божие, который направляет наши сердца к спасению мудростью и благодатью Духа Святого!»

Старец ответил: «Да будет благословен слушающий, восприемлющий и доброхотно раздающий жаждающим и алчущим святые истины Христовы!»

Из поучений старца

Соль земли

Большинство людей более всего ценит свой ум. Редкие люди больше всего ценят благодать, поэтому пути тех и других различны. Но всякий непросвещенный ум лжив и порочен, являя собой поврежденность и растленность нашей природы, а благодать истинна и чиста, будучи самой основой всей жизни. Поэтому она всегда побеждает, а те, кто следуют ей, становятся солью земли⁵⁹.

59 См.: Мф. 5, 13.

Для духовной жизни необязательно быть семи пядей во лбу, но чистое сердце нужно иметь обязательно. Тот, кто умеет избрать благодать и ухватиться за нее обеими руками, храня благоговейно в своем сердце, быстро спасается, а не тот, кто ходит вокруг да около, присматривается и примеривается, не решаясь оставить свой ум, который столько раз предавал его.

Даже обладая высокой степенью святости, никто на земле неспособен достигнуть полного совершенства, поскольку во всей полноте исполнить на земле Христовы заповеди невозможно. Почему же? Потому что этот мир не может их ни понять, ни вместить. Лишь оставив этот мир, дух человеческий превосходит все земные ограничения, став светом во свете Пресвятой Троицы: «Во свете Твоем узрим свет»⁶⁰.

Как бы люди ни пытались в своих законах превзойти Христовы заповеди, все человеческие законы изменчивы, несовершенны и относительны, а Христова истина совершенна, неизменна и несокрушима вовек.

Без образца даже самый хороший мастер ошибется. Поэтому на духовном пути спасения образцом для нас стал Господь Иисус, чтобы по Нему мы выверяли наш путь. Это безошибочный, истинный образец совершенства и богоподобия, который возможен для всякого человека.

Доброжелательность ко всем людям без исключения — начало совершенной любви к ближним.

Внимательность ко всем помыслам без исключения и вселение благодати — начало духовного рассуждения во Христе.

60 Пс. 35, 10.

Безукоризненное поведение во всех обстоятельствах без исключения — начало праведности, согласной с истиной.

Блаженное состояние богоносного духа человеческого и совершенное богоподобие — начало святости, исключаящей всякое несовершенство.

Кому трудно прийти к святости?

Кому трудно прийти к святости? Кто не умеет отличить добро от зла, истинного от ложного, кто не может распознать действия благодати от действий диавола, тому трудно достигнуть любви, если не исправится.

Царство Божие живет любовью, царство земное — стяжательством. Хотя всех привлекает к себе Господь, но не все живы душой и сердцем. Обретший благодать постоянно живет в любви и постигает истину Духом Святым.

Вначале мы должны знать, что существует благодать, беспримесная и совершенная. Затем следует научиться различать благодать и безблагодатного врага рода человеческого и, наконец, стяжать Духа Святого. Это и есть духовное обучение.

Истинный монах не успокоится, пока не обретет Духа Божия. Остальные уповают на милость Отца Небесного в грядущих мытарствах. Истинный монах не успокоится, пока не преисполнится Божественной любви. Остальные уповают на посильное терпение жизненных злоключений.

Что самое главное? Решиться на стяжание спасения. Если монах недостаточно разумен, пусть молится о вразумлении, и милосердный Господь вразумит его и сделает достойным сосудом для благодати. Если же монах немощен, человеколюбивый Господь по молитвам Церкви укрепит его.

Только тот имеет жизнь в себе, кто обладает полнотой любви. Лишь такой просвещенный благодатью человек может обрести духовный ум во Христе. Сподобившийся такой благодатной милости способен и других вдохновить на духовное восхождение.

Тот, кто добр сердцем, может достичь Божественной любви, если постоянно очищает себя. Постигнутая во всей полноте сердцем, она делается в нем светом жизни. Тот, кто обрел полноту Божественной любви, поистине духовно рождается заново и открывает другим возможность приобщиться к этой любви.

Сердце человеческое, усвоившее любовь в меру своих сил и способностей, обретает способность духовного рассуждения и прозрения. Поэтому тот, кто обладает такой любовью, живет уже Духом Божиим, а не плотью: «Но вы не по плоти живете, а по духу, если только Дух Божий живет в вас»⁶¹.

Пути любви — не пути человеческие, но человек должен выправлять себя по ним, чтобы обрести богоподобие и святость. Любовь — это начало всего, это восхождение в небо, не имеющее конца. Поэтому стяжание любви есть самое высокое приобретение для каждого

человека, чтобы мы долготерпели, не завидовали, сорадовались истине⁶² и чтобы мы любили друг друга⁶³.

Обретший любовь перестает жить для себя, он живет полностью для других. Он молится, чтобы все стали святыми. В самом себе он соединяет Бога и человека, внешнее и внутреннее. Поэтому любовь и есть путь святости и жизнь нескончаемая, ибо в совершенной любви нет греха и нет смерти.

Любовь расширяет дух человека

Поскольку Бог есть любовь⁶⁴, то любовь вечна. Поскольку любовь не умирает, она проявляется из поколения в поколение в людях, уподобившихся Христу. Делая дух человека подобным Богу, она расширяет его настолько, что он вмещает в себя всех людей и никогда не лишает благодати.

Любовь действует, где хочет, потому что для нее нет преград. Не имея преград, она предпочитает чистое сердце. Божественная любовь быстро достигает своей цели и освящает и обоживает сердце человеческое, если находит его подходящим.

Согрешив, человек пал и смирился до праха земного. Обретя Божественную любовь, он поднимается до небес. Только добродетельный человек может пройти путь любви до конца, где его встречает Христос, раскрыв ему Божественные объятия, как говорит апостол:

61 Рим. 8, 9.

62 См.: 1 Кор. 13, 6.

63 2 Ин. 5.

64 1 Ин. 4, 16.

«Для меня жизнь — Христос, и смерть — приобретение»⁶⁵, приобретение вечной жизни.

Человек, обретший полноту смирения, поистине — соработник Богу и сподвижник Ему на пути спасения ближних. Он проникателен в постижении истины, рассудителен в достижении ее, смиренно благоговеющий перед ней и поклоняющийся ей. Он становится для остальных примером подлинной духовной жизни, поскольку свободен от всякого зла.

Кто усвоил любовь во всей ее мере, в такой же мере усваивает и безграничную Божественную свободу духа. Он ни от чего не зависит, став единым целым со свободным единым Богом.

Освятившийся человек скрывает свои добродетели и все более просвещается Святым Духом. Но сам себя считает недостойным таких великих благодеяний от Бога. Такой человек прост, но простота его мудра и спасительна. Он постоянно исследует свое сердце, желая предстоять Богу, не имея ни малейшей скверны. Его тайное делание смирения и покаяния неведомо миру.

Начало человека — дух, алчущий благодатного возрождения. Завершение человека — уподобление Христу нисхождением Святого Духа. Если мы направим умный взор внутрь к Свету истинному, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир⁶⁶, то и сами становимся светом, который и во тьме светит, и тьма не объяла его⁶⁷.

65 Флп. 1, 21.

66 Ин. 1, 9.

67 Ин. 1, 5.

Неосуждение — великое благо, отцы и братья, но ныне — это редкое сокровище! Православие — это наука добра и святости. Поэтому православный человек всегда обязан учиться. Он обучается исповеди, службам, причащениям и — останавливается. Почему останавливается, отцы и братья? Потому что никто не говорит ему о дальнейшей учебе. Чему же учится православный человек? Нравственному поведению по Евангелию и отсутствию дурных желаний — это начальная школа. Отречению от греховных страстей и победе над ними — это старшие классы. Обузданию ума, стяжанию благодати и достижению святости — это университет. Каждый православный человек должен быть спасен во Христе — это прямая задача Церкви!

Что значит уметь управлять собою? Это значит управлять своим умом. Как им управлять? Привязать его молитвой в сердце ко Христу. Куда теленок ни убежит, а за молочком все равно к матери прибежит! Так и ум: сколько он ни мечется в помыслах, а как только возвращается в сердце, сразу успокаивается. Когда заблудший ум успокаивается от блужданий, тогда святая благодать входит в сердце и рождается новый человек, исполненный Святого Духа.

Духовное рассуждение для различения добра и зла, чистота сердца и собрание добродетелей — вот дары Святого Духа для достижения спасения. Духовная мудрость, любовь к Богу и людям и священная благодать — вот дары Святой Троицы человеку, чье чистое сердце открылось навстречу Христу.

Ищите Христа в сердце, но никогда не представляйте Его в телесном образе, потому что Христос — это вторая Ипостась Святой Троицы. Если в молитвах появится привязанность к Его земному облику, то диа-

вол обманет вас. Никогда не доверяйте видениям и не увлекайтесь ими. Смиранным, благоговейным и рассудительным в истине Христос является как свет любви. Не ошибитесь в этом. Как говорит Господь: «Без Меня не можете делать ничего»⁶⁸.

68 Ин. 15, 5.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Часть 1. Вехи жизни	9
Печать избранничества Божия	11
Встреча с Богом.	18
Служитель Христов	34
Подвиг крестоношения.	50
Утверждение в любви	58
Молитвенник за землю Русскую	79
Восхождение на Голгофу	94
Часть 2. Беседы со старцем	113
Рассуждение — от Евангелия	114
О наших поколениях	115
Лучше выглядеть незнающим	117
Кто может дать добрый совет	119
Слушать внимательно	121
Душа после смерти	122
Ценнее всего — смирение.	126
Что такое послушный монах?	127
Обучение	129
Что значит: «И это все приложится вам»?	131
Ближние по духу.	133
Какое зло для монастыря самое большое?	135
Не надо следить за людьми	137
Кто такой ученый монах?	139
Суть молитвы.	141
Как раньше спасались	142
Чего можно держаться всю жизнь?	144
Самое главное	145
Какая разница?	148
Основа всякой правды	149

СЛОВА СТАРЦА, СОХРАНЕННЫЕ МОНАХАМИ 151

ВЕРА — КОРЕНЬ СПАСЕНИЯ 151
ЧТО ТАКОЕ БЕССТРАСТИЕ? 152
КАК ЖИТЬ В МОНАСТЫРЕ 154
ИИСУСОВА МОЛИТВА 157
СТЫДНО ЗА ПРОШЛОЕ 159
БЫТЬ НЕЗАМЕТНЫМ 161
КАК СПАСТИСЬ? 162
ХРАНИТЬ МИР ДУШИ 164
ИГУМЕН — ОКО МОНАСТЫРЯ 166

НАСТАВЛЕНИЯ СТАРЦА, СОХРАНЕННЫЕ МИРЯНАМИ . . . 167

В СЛОВАХ СВЯТЫХ ОТЦОВ — ИХ ЖИЗНЕННЫЙ ОПЫТ 167
ЖИТЬ БЕЗ «ЗАДНИХ» МЫСЛЕЙ 168
НАЙТИ ХРИСТА 170
КОГДА УМ СМИРИТСЯ 170
СВЯЩЕННАЯ ОБЯЗАННОСТЬ 173

ИЗ ПОУЧЕНИЙ СТАРЦА 175

СОЛЬ ЗЕМЛИ 175
КОМУ ТРУДНО ПРИЙТИ К СВЯТОСТИ? 177
ЛЮБОВЬ РАСШИРЯЕТ ДУХ ЧЕЛОВЕКА 179

**«Когда мы молимся — мы беседуем с Богом,
а когда читаем Евангелие,
то Господь беседует с нами. Поэтому
читайте как можно больше Евангелие!»**

Архимандрит Кирилл

